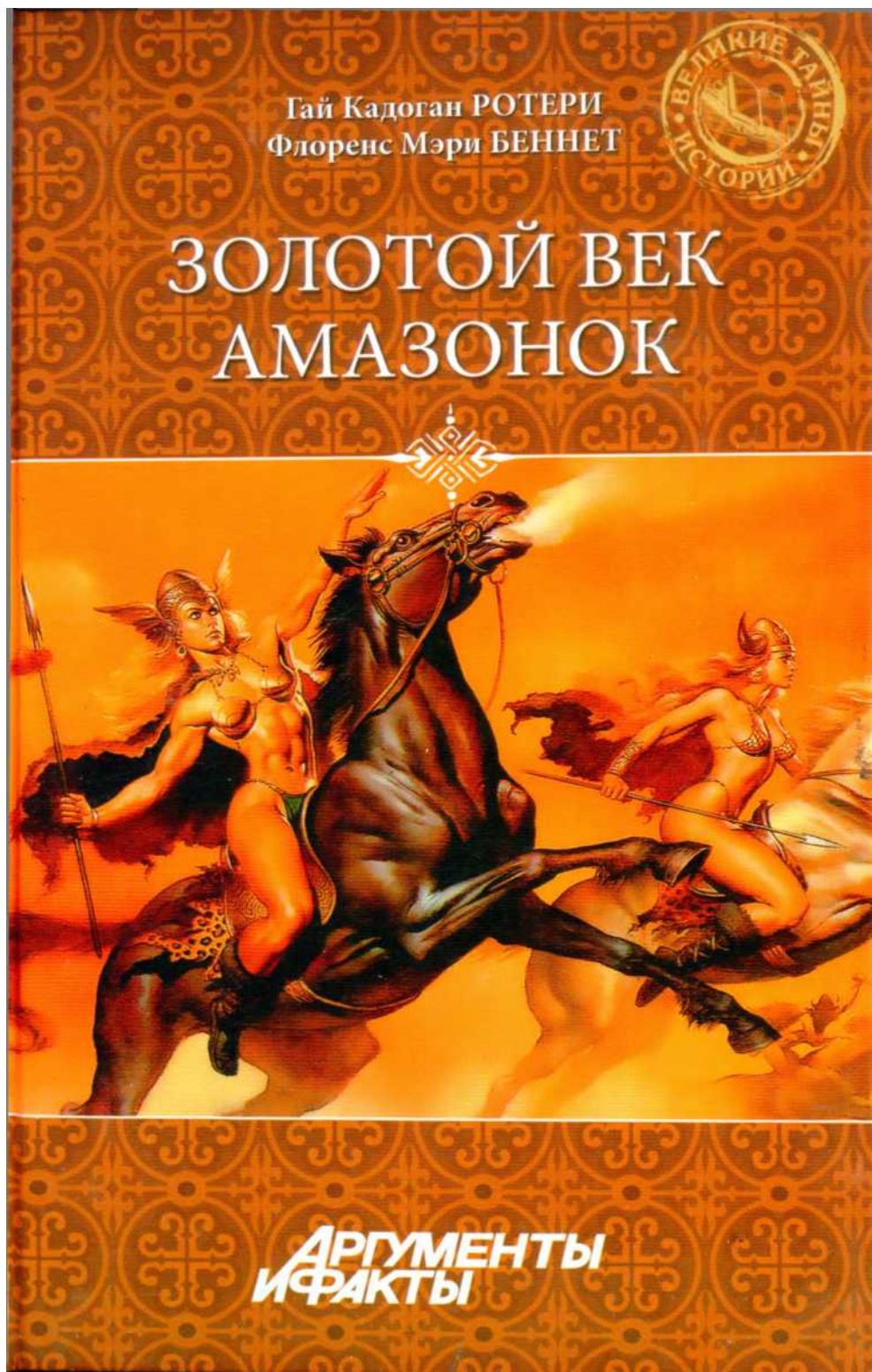

Гай Кадоган Ротери Флоренс Мэри Беннет
Золотой век амазонок

Ротери Г.К., Беннет Ф.М. Золотой век амазонок
М.: Вече, 2012. – 288 с.

Аннотация

Миф об амазонках, возможно, один из самых древних в греческой мифологии. Но классическая легенда о таинственном племени грозных воительниц, смело сражавшихся с миром мужчин, волнует до сих пор ученых. Следы амазонок разных народов ученые обнаруживают почти на всех континентах. Археологи находят древние захоронения женщин-воинов, их оружие и украшения. Однако, несмотря на поразительные открытия и смелые гипотезы, до сих пор неизвестно — существовало ли государство амазонок, описанное греческими авторами, действительно ли армии амазонок угрожали Афинам и защищали Трою, каким богам они поклонялись. Об этом и о многом другом рассказывает книга Г.К. Ротери и Ф.М. Беннет.

Странное царство прекрасных и сильных женщин, суровых воительниц, которые в повседневной жизни не только обходятся без мужчин, но и враждебны по отношению к ним, — кто не слышал этих будоражающих воображение легенд! Историк и искусствовед Гай Кадоган Ротери (1863–1940), автор первой из двух книг, включенных в состав нашего издания, расскажет вам о том, что предания об амазонках были известны очень широко. Они есть у народов Африки, а в Древней Америке даже существовали государства амазонок: в честь этих индейских амазонок, смело вступивших в бой с захватчиками-мужчинами, и названа величайшая в мире река... Что это: фольклорная гиперболизация обычных, нередких и хорошо всем известных случаев, когда женщины наравне с мужчинами достойно выносят тяготы войн и «мужских» профессий? Или напоминание о тайных женских союзах, которые, как и аналогичные мужские братства, были свойственны многим племенам и народам? На подобные вопросы дает ответ вторая часть этого тома, очень удачно дополняющая первую: книга Флоренс Мэри Беннет (в замужестве Андерсон, 1883–1968), посвященная религиозным культам, связанным с амазонками.

Часть I. АМАЗОНКИ

Глава 1. ВВЕДЕНИЕ

Должно быть, поэзия греческого гения никогда не проявлялась более ярко, чем в мифе об амазонках. Она придала очарование этой удивительной истории, принесшей весьма обильные результаты. К сожалению, узкие рамки поэзии несколько затруднили восприятие ее чрезвычайно интересного психологического аспекта. И все же для нас основное значение этого мифа заключается прежде всего в том, что он проливает свет на менталитет древних народов, на отношение человека к явлениям, опасным для него и загадочным. Однако этот свет не является полностью всеобъемлющим как влияние эллинского искусства и литературы, проявлявшееся в виде многочисленных произведений, проникнутых красотой и гуманизмом. Действительно, дух Греции, обратившись к собранию грубых историй, обработал их и изменил — тот смысл, который они должны были преподавать. Ибо, как мы попытаемся показать, смысл мифа — в предупреждении народа, находящегося на трудном пути к высотам цивилизации, о том, что надо опасаться варваров и их обычаев. Миф был превращен в восхищение перед физической красотой и отвагой, пронизан нежностью к женщине, пусть она и была зачинщицей войны.

Мы можем без колебаний отмахнуться от повести о противоестественном государстве, которой нас потчуют многие из греческих поэтов и историков. Однако, относя государство амазонок к области воображения, мы должны признать, что амазонки как таковые отнюдь не являются незначительным историческим фактом — напротив, ему хватило силы породить целый фантастический мир, достаточно реальный для его первоначальных творцов, и не утративший своего обаяния и по сию пору.

Этимология не сможет сколько-нибудь помочь нам, хотя полемисты на нее полагаются. Любой аргумент, основанный на описательной природе этого слова или на его несколько подозрительной многосторонности, должен оказаться обоюдоострым оружием, одинаково опасным как для того, кто воспользуется им, так и для его противника. Помимо таких очевидных толкований, как «лишенные груди» (а-мазон) и «луна» (маза), мы имеем самые разнообразные интерпретации, доносящие до нас различные значения: «весталки», «носительницы поясов», а также «поедательницы дичи» и «поедательницы острой пищи». Однако, в конце концов, слово это является гибридным в греческом языке и, не будучи туземным названием, может рассматриваться как прозвище, значительно уступающее в возрасте предположительно существовавшему государству. В таком случае его можно считать описательным в той самой мере, которую только способен изобрести человек. И потому мы имеем право со спокойной совестью оставить этимологов в лабиринтах родной им словесной войны.

Наша повесть вполне рациональным образом начинается с явления, знакомого множеству народов: с изгнания в новые регионы населения, появившегося в результате излишнего прироста. В данном случае мы имеем в виду интригу, затеянную против двух молодых скифских князей: после того как им было приказано отправиться в ссылку, они удалились с большим числом последователей — мужчин, женщин и детей. Повесть рассказывает о том, как изгнанники осели на новом месте, как отбросили старинную скифскую простоту, покоряясь растущему стремлению к богатству, повлекшему за собой завоевание и гибель мужчин от рук разъяренных соседей. Убийство мужей и отцов пробудило в сердцах вдов и сирот чрезвычайный гнев, сперва направленный против тех, кто осуществил такое деяние, а потом против мужчин вообще, и приведший впоследствии к возникновению государства, лишеного представителей сильного пола. Женщины отказывались от своих поясов, считавшихся бесценным символом незамужней особы, лишь весной — на короткое время, они вступали в кратковременное общение со своими мужественными соседями, чтобы предотвратить вымирание народа.

То, что подобный миф возник и заслужил доверие, понять нетрудно. Обитатели Архипелага и Великой Греции, какого бы происхождения они ни были, видели в далекой Азии и регионах, расположенных к северо-востоку от Черного и Каспийского морей, земли, полные тайн и опасностей, края, порождавшие свирепые орды, являвшиеся, чтобы насиловать и грабить. За границей, проходившей по ближним средиземноморским берегам, лежали миры тьмы, которые плодovitый греческий ум населил многочисленными, неестественными, но вполне логично созданными чудищами, ибо творцы мифов едва ли могли освободиться от влияния анимистического восприятия природы. Все явления объяснялись через человеческие эмоции, и человек толковал себя через связь — не всегда в качестве высшей стороны — со зверями, и даже деревьями и камнями. Такие люди увидели в кочевых племенах, являвшихся в облаках пыли из песчаных азиатских пустынь на быстрых конях, чтобы убивать, грабить и сразу же исчезать, кентавров — мифических конелюдей, прячущихся в лесах и готовых нападать на зазевавшегося. Обитатели лесных краев, чьи вылазки были не менее опасны и неожиданны, чем схватки с дикими вепрями, естественным образом превратились в сатиров. А тот, еще более древний ужас, который воплощали в себе стада диких быков, ужас свирепого и непобедимого натиска, породил хитроумных крылатых человекобыков Ассирии. Последовательные волны вторжений, накатывавшихся на море с северо-востока, сделали Скифию постоянным источником опасности, и когда воды отлива уносили с собой население побережья на северо-восток, люди эти оказывались в негостеприимной стране. Ее угольные озера и маслянистая почва извергали огонь, дым и пар, самым зловещим образом намекавшие на то, что должно было скрываться за ними. Надо всем нависали зубастые черные горы, населенные народом свирепых воителей, даже их женщины сражались с яростью львиц. Эта вечная угроза, смутное воспоминание о предыдущей стадии развития, когда в обществе доминировал матриархат, смешивалась с более свежей и жуткой памятью о поклонении жестокой и чувственной Астарте, богине луны и охотнице, явившейся с востока обагренной человеческой кровью в окружении жриц. Все вместе превращалось в идею истинно ужасного государства, само существование которого являлось постоянной угрозой для всего человечества. И в самом деле, население амазонок составляли женщины-воительницы, которыми управляла царица, изгонявшая всех мужчин, кроме некоторого количества рабов. Государство, скрепленное воедино намерением вести войну против всех, идеальным образом символизировало собой то зло, с которым приходилось сталкиваться Греции. Ибо миф повествовал не просто о войне, но войне неестественной, которая в случае победы амазонок знаменовала бы уничтожение семьи и общества.

Предание это символично, с какой бы стороны на него не посмотреть. Стоит отметить тот факт, что в некоторых легендах амазонки считаются почитательницами Артемиды, в то время как в других они предстают смертельными врагами этой богини и ее сторонников. Искусство изображает женщин-воительниц с лунными полумесяцами на головах, а иногда в трехъярусной короне. Щиты их имели либо форму полумесяца, либо были круглыми, и вместе с копьями, луками и стрелами представляли собой эмблемы лунной богини-охотницы, принимавшей то облик свирепой Астарты, то соответствовавшей ей эллинизированной и более гуманной Артемиды. Это вполне естественно для государства, население которого живет занятиями спортом и войной, видит свой долг в принесении в жертву младенцев мужского пола, использует для питья человеческие черепа, подозревается в каннибализме и поклоняется Астарте, ранняя история которой буквально пропитана кровью жертвоприношений и ритуальных увечий, богине, символизировавшей ту стадию развития общества, на которой охота на диких животных имела чрезвычайно высокое значение. Очевидный конфликт между противоречивыми вариантами мифа вне сомнения рожден происшедшим в дальнейшем смешением обоих ликов этой богини. Ранние формы легенды вполне согласуются с общей тенденцией, связывающей воинственных женщин с богиней, которая во времена упадка ее культа в Малой Азии символизировала крайнюю степень похоти. И здесь возможно, что миф основывался на подлинном факте, ибо весьма

вероятно, что дикие орды скифов поклонялись некоему прототипу Астарты. Ее почитание, вне сомнения, имеет восточное происхождение; и таким образом появляется еще одна причина, объясняющая возникновение той смеси тревоги и отвращения, с которой греки взирали на северо-восток. К числу великих городов античности, основанных, как утверждают, царицами, приведшими свои рои из великого прародительского улья — государства амазонок, принадлежал Эфес. Нам известно, что в его прославленном храме Дианы (Артемиды) служили жрецы-евнухи; вероятно, там находились изваяния амазонок, созданных резцами величайших греческих скульпторов. Хотя служители ее и вопили: «Велика Артемида Ефесская¹», богиня эта на самом деле представляла собой смягченную версию Астарты, укрощенной влиянием греческого искусства и мысли. Существенное значение имеет и тот факт, что в ранних вариантах мифа амазонки и грифоны изображаются непримиримыми врагами, тогда как сюжеты позднего искусства связывают женщин-воительниц уже с кентавромахией и гигантомахией, что уводит нас в область фантазии.

Все это, конечно, не отменяет тот исторический факт, гласящий, что воительницы-женщины являлись именно из этих неведомых регионов иногда по одиночке и становились предводительницами, а иногда приходили целыми отрядами и поступали на службу в качестве рядовых бойцов и лагерной obsługi. Подобное явление, на самом деле, едва ли можно приписать одному только времени или историческому региону. Например, в Британии сохранилась память о доблести, проявленной Боудиккой, королевой иценов, о ее внезапном появлении на исторической арене, приведшем к избиению римских легионеров, об осаде римских лагерей и городов и о ее благородной кончине. История и искусство повествуют нам о германских и галльских женщинах, сражавшихся против римлян. Подобные ситуации повторяются снова и снова. Французская революция в 1792 году сопровождалась образованием отряда новых амазонок. Не безынтересно заметить, что достойный французский историк за несколько лет до этого утверждал, что франки являются прямыми потомками амазонок Сарматии. Женский отряд восемнадцатого столетия состоял из матрон предместий Галле и Фобург Сент-Антуан, ощутивших в крови жар убийства. Разодевшиеся в соответствии со смутными представлениями о классических временах (той героической поре, которая воспламеняла мысли всего революционного поколения) в короткие юбки, красные фригийские колпаки, они вооружались весьма делового вида пиками. Плутарх сообщает нам о доблестных жительницах Аргоса, столь удачно защищавших свой город от спартанцев, что им было позволено посвятить статую Аресу, кроме того, они получили право в день своей свадьбы носить накладные бороды.

Однако в отношении боевой доблести мы располагаем куда более пикантным инцидентом, повествующим о Фалестриде, представшей перед Александром, войско которого возвращалось через Парфию сразу после завоевания Персии и поражения от скифов. Царица эта вполне могла явиться во главе легиона своих воительниц-женщин, чтобы поклониться завоевателю, хотя титул «царицы амазонок», возможно, является украшением, дарованным ей впоследствии греческими историками. Конечно, Плутарх считает всю эту историю вымышленной и цитирует Лисимаха и самого Александра в поддержку своего мнения. Им мы можем противопоставить рассказы о вторжении в Персию во времена Кира «варваров», возглавлявшихся женщинами. Слухи о воинственных «дамах» постоянно циркулировали в Азии, и традиция эта находит свое комическое завершение в батальоне из 150 амазонок, охранявших в Лахоре Ранджита Сингха. Путешественники сообщали о существовании на Кавказе отрядов воительниц еще в относительно недавние времена, однако эти группы являлись частью общества, а не представляли собой женское государство. Традиция распространяется и на запад, так как воинственные женщины обнаруживаются на территории Богемии в VIII веке, и мы располагаем сообщениями о попытках установления ими матриархата.

¹ Деяния Апостолов, 19:34.

Известия о наличии амазонок в Африке относятся к ранним временам, и возникновением своим они обязаны отчасти реально существовавшим великим царицам и их женской страже. Однако все подобные рассказы бесспорно расцвечены греческим мифом. Нам известны повествования об амазонках, обитавших в регионах, расположенных к юго-востоку от Египта, а также в другой стране ужасов, которую столь наглядно описала леди Лугард. Расположена она к югу от цивилизованной части континента и населенной народом ням-ням, лем-лем, рем-рем, дем-дем или ньям-ньям (дикари и по сей день любят подобные названия). К этим словам, оставивший сообщение автор всегда прибавлял: «которые едят людей».

Любопытно, что греки упоминают об африканских амазонках, обитавших на востоке и севере континента и завоевавших Азию, а также о великом вторжении воинственных женщин, направленном из Эфиопии на запад. Некоторым даже хотелось бы заставить нас поверить в то, что эти амазонки являлись потомками скифских воительниц, переплывших Средиземное море, миновавших Гибралтарский пролив и добравшихся до Гесперид, откуда они атаковали Эфиопию, после чего в направленном на восток походе вступили в Египет, перебрались на Ионические острова и в Азию. Там в итоге они были побеждены Гераклом. Весьма любопытная история об этом вторжении связана с союзом, заключенным с Гором, сыном Изиды, богини солнца, супруги и преемницы первобытного бога луны и зерна, а также великого царя Осириса, связанного с человеческими жертвоприношениями и ритуальными увечьями. Нынешние представления об истории части Африки, расположенной к северу от экватора, указывают на наличие постоянного проникновения на континент с востока людей азиатского происхождения, осуществлявшегося через Аравию и далее на запад. Эти африканизированные азиаты, по всей видимости, считали, что постепенное проникновение в глубь континента через средиземноморское побережье происходит достаточно медленно, и, захватив берега Атлантики, отправились на восток — навстречу своей шедшей от Нила родне. Если воительницы пришли с захватчиками, то воистину являлись потомками амазонок, любительницы копья много столетий сражались бок о бок с собственной жестокой родней мужского пола. Или же цивилизованные египтяне и берберы осторожно продвигались в вечной борьбе с чернокожими ням-нямами, то есть людоедами, обнаруживали земли, заселенные вооруженными девами, готовыми преградить им путь? В подобном случае имел место спонтанный рост, впоследствии преувеличенный греческими риторами. Не сомневаться можно лишь в том, что мы располагаем ранними свидетельствами, доказывающими существование боевых отрядов африканских женщин. Среди них наибольшей известностью обладают склонные к бесполости королевские гвардии Конго и Дагомеи, далее с меньшей определенностью знакомые нам воительницы из матриархальных стран восточной стороны материка. Однако достойных доверия упоминаний о лишенном мужчин и управляющемся женщинами государстве просто не существует.

Неизбежным образом оказалось, что Америка располагает собственными амазонками не только вооруженными до зубов, но имеющими собственное, свободное от мужчин государство. Над Европой пятнадцатого столетия властвовал греческий дух. И побуждаемые им европейцы отправились на запад не для того, чтобы открыть Новый Свет, но чтобы отыскать кратчайший путь в Индию, к ее беспредельным богатствам, чудесам и чудовищам, о которых сообщали древние. Мечты о погибшей Атлантиде, якобы существовавшем великолепном острове-континенте, месте нахождения Елисейских полей, таинственном золотом мосте между Африкой и Индией, были постоянным наваждением европейской культуры. Существование Атлантиды прекрасным образом разрешало множество недоумений, служило подтверждением многих умозрительных теорий. Соответственно ранние путешественники из многих стран, но в особенности те, кто находился в близком контакте с арабской цивилизацией, получившие от нее интеллектуальный стимул, воспринимали мир искаженным образом. Причиной тому служили предвзятость мнений, непостижимая доверчивость и изобильный запас суеверий. Не обязательно оспаривать повествование Франсиско Орельяны о том сопротивлении, которое оказали ему отряды

вооруженных женщин на берегах Мараньона. Порядок вещей требовал, чтобы он переименовал реку в Амазонку и извлек из недр своей доверчивой памяти описание государства, в точности соответствовавшего описанию страны скифских амазонок. То, что ему вместе с многочисленными современниками пришлось сражаться с вооруженными женщинами, следует признать за факт; возможно также, что они жили отрядами или «племенами». Местный фольклор повествует о великих властительницах и предводительницах. Нам известно о существовании жриц; на некоторых стадиях развития жрец представляет собой вождя и воина. Причудливые повествования путешественников, посещавших эти края следом за конкистадорами, подозрительны как с точки зрения слишком близкого совпадения с азиатскими мифами, так и благодаря неподтвержденности многих деталей.

В данном случае можно ограничиться немногими словами в адрес исторических амазонок. Природа поведения человека в условиях стресса ныне остается и останется такой, какой была в прошлом; и находящаяся в трудном положении женщина будет иметь склонность к преувеличению человеческих страстей. Незачем, да и напрасно, обращать особенное внимание на тезис, который превосходно проиллюстрировали миф и история.

Стоит более подробно обратиться к греческому гуманистическому духу. До нас не дошло ни одного рисованного на глине или высеченного из камня изображения амазонки, хотя бы приблизительно соответствующего по времени жизни даже последнему из подлинных мифотворцев. Все скульптуры и изображения на расписных сосудах, которыми мы располагаем, принадлежат относительно более поздней поре, когда первоначальное, породившее миф явление уже отмирало. Литература, однако, дает нам некоторое примитивное представление.

Письменные источники рассказывают о буйном и кровожадном племени, склонном к каннибализму и человеческим жертвоприношениям в своей религиозной практике, отрицающем естественные порядки в обществе, живущем только войной со своими соседями, и неумолимом в своей ненависти. Мы видим, что амазонки презирают греческую культуру, восстают против греческих полубогов, подобно безумным аргонавтам сокрушают Африку в поисках предродового пояса (ибо предположение о поясе девственности у амазонок самым откровенным образом искажает действительность). Они осаждают Афины, и от взятия священного города Минервы их удерживают только дипломатические ухищрения. Длинная история эта повествует о грабежах и насилии. И, тем не менее, даже в ранних Гомеровых гимнах уже присутствует гуманизирующий дух. Ахиллес, оторванный от оплакивания мертвого Патрокла ради штурма Трои, впал в великий гнев, вызванный злобной и кровожадной царицей амазонок и ее подручными, пришедшими на помощь Приаму, которые пришли лишь для того, чтобы дать выход своей, направленной против греков ярости. Но в миг победы, когда Ахиллес уже намеревался нанести смертельный удар поверженной царице, красота ее остановила героя. Восхищенный такой воинской доблестью, он жалел о том, что рука его должна погубить такую женщину. То, что она достойна смерти, что она вынудила Ахиллеса защищаться, не изменяет всего ужаса ситуации, ибо мужчина ощущает себя неправым, каким бы ни был повод. Пафос подобной ситуации вызвал к жизни шедевры изобразительного искусства. А весь эпизод подробно описан Арктинием Милетским в его поэме «Эфиопия», продолжавшей «Илиаду» и высоко ценившейся соотечественниками. Подобное отношение к амазонкам почти неизменно обнаруживается в греческом искусстве. Мы располагаем изображениями их битв с грифонами, варварами, Гераклом, их побед и неудач, предшествовавших походу на Афины. Мы видим изображения групп и одиночных амазонок, не всегда обладающих идеальными фигурами, но превосходно развитых и сохраняющих изящество даже в конных и пеших поединках. И все же в них всегда угадывается нечто не совсем женственное. Лица амазонок обыкновенно наполнены силой, они прекрасны и часто не лишены нежности. Во всех произведениях, оставленных нам греческими скульпторами, не обнаруживается никаких признаков излишней мужественности и грубости, однако в них всегда присутствует намек на то, что женщины эти

все же не были обыкновенными. И это самым строгим образом соответствует позднейшим греческим представлениям, видевшим в амазонках великолепное женское племя, строго подавлявшее естественные наклонности, подчиняя их интересам общества и его идеалам. Воплощение подобного отношения художниками становится вполне заметным при рассмотрении прочих примеров идеализации греками женского тела, идет ли речь о жеманящейся Венере, горделивой Диане, величественной Афине, или о женщинах более простых — смеющейся девушке или достойной матроне. Мы можем только остановиться в восхищении перед возвышенностью чувств и удивительным мастерством, с которым она донесена до зрителя. Тем не менее, при сравнении, этическое значение повестей Востока зачастую оказывается намного выше их западных аналогов. Однако в одном случае духовность эта скрыта и прекрасная мысль находит грубое воплощение; в другом — она напротив, возвышена. Мы можем продолжить сопоставление на примере населенного ракшасами Цейлона или острова Вак-Вак (повесть о котором донесена до нас арабскими источниками) с мифом об острове Ээя. Здесь жила Цирцея, окруженная очаровательными служанками и прирученными зверями, занимавшаяся, по всей видимости, как и женщины Востока, обольщением мужчин и принесением их в жертву. Насколько поэтично смягчена здесь жестокая мораль. В одном случае использован грубый и ядовитый символизм. В другом — заменившийся более мягким гуманизмом. Отчасти благодаря последнему в тех случаях, когда греческие художники изображают мужчин в качестве противников амазонок, в фигурах и чертах воинов нередко читается некая нерешительность. Они сражаются насмерть, но не ощущают ненависти, хотя, конечно, случаются и исключения. Одно из них мы видим в изображении двух всадников, представляющих собой фрагмент терракотового изваяния, находящегося в коллекции Таунли: безбородый греческий юноша склоняется вниз со спины вставшего на дыбы коня, левой рукой хватая амазонку за волосы, с силой запрокидывая ее голову назад; и пока она падает, заносит короткий меч правой рукой, чтобы поразить ее. Сцены свирепых сражений изображены на многих крупных скульптурных рельефах.

Как правило, художники словно бы стремятся в своих произведениях донести до мира ту мораль, которую они извлекли из легенд и суровой жизненной борьбы.

В мелких формах искусства, нумизматике и керамике, мы видим более близкое приближение — по духу, конечно, а не всегда по времени создания — к старинным версиям легенды. Дело в том, что произведения эти представляют собой вообще более популярную отрасль искусства, апеллировавшую к *oipoloi*. Как свидетельствует нумизматика эллинистических стран, монеты, в которых апологеты видят доказательство действительного существования государства амазонок, во многом сомнительны, поскольку значительное количество фигур, считавшихся изображениями амазонок, на самом деле символизируют гениев-покровителей городов. Из них можно извлечь немного — как с исторической, так и с художественной стороны. Керамика зачастую груба как с точки зрения гончарного мастерства и росписи, так и эмоционального содержания. Подобная примитивность, вне сомнения, объясняется популярным характером самого ремесла, а не возрастом, поскольку мы находим во многих образцах тенденцию к усложнению рисунка: амазонки и греки не сражаются лицом к лицу, но поворачиваются и изгибаются в сложных позах, часто сопровождающихся множеством деталей. Таким образом происходит отступление от примитивных образцов. Однако подобное украшение керамики почти всегда свидетельствует об имитации, если не о прямом копировании, поскольку слишком часто принимает форму карикатур на благородный образец. В любом случае легенды предоставляли горшечникам популярные темы, к числу которых относились и амазонки, занятые своим любимым делом, — нанесением увечий и убийством. Истории о Беллерофоне, Геракле, Ипполите и Тесее воспроизводятся в бесконечном числе вариаций и со значительным пылом. Следует отметить, что на этих росписях царицы амазонок изображаются с круглыми щитами, украшенными головой Медузы, хотя иногда маски горгоны изображены и на щитах греков, являя тем самым некое смешение идей или отражая различные моральные оценки

художника. В то время как битвы происходят обыкновенно между женщинами и греками, мы иногда видим амазонок, помогающих грекам в борьбе против чудовищ, а отношение Ахиллеса к Пентесилее изображается откровенно и с некоторым сочувствием. Существует также заметное разнообразие в костюмах амазонок. Одежда их меняется от короткой туники или хитона до полной брони, с афинскими шлемами и щитами в виде полумесяцев, и далее — к персидскому типу воительницы, облаченной в тесно облегающую тело тунику и шаровары, с фригийским колпаком на голове, — наряда, удивительным образом подчеркивающего наготу их противников.

Помимо грубой работы, характеризующей большинство подобных изделий, производившихся чисто механическим нанесением повторявшихся изображений на глину, следует отметить попытки изобразить одновременно свирепость и красоту женщины.

Переходя к рассмотрению скульптур, даже самых ранних среди существующих, не следует забывать, что они принадлежат ко времени, значительно отстоящему от жизни творцов мифов, отделенных целым тысячелетием от легендарных дней силы и славы женщин-воительниц. Здесь битвы с амазонками — триумфально торжествующими или величественными в смерти — всегда выражают смешанную с уважением божественную печаль Ахиллеса. Это можно видеть даже на тех остатках фризов храма Асклепия, находящихся ныне в Центральном музее Афин, хотя эти обломки статуй изображают удивительно жизненные сцены свирепой битвы. Ваятели вложили все свое мастерство, чтобы донести до зрителя ощущение вполне достоверной яростной энергии, потоком проливающейся перед ними. Раненная в горло амазонка соскальзывает со скачущего коня. Другая, упавшая на колени, демонстрирует на своем великолепном лице смертные муки. Находящаяся же на переднем плане, уже изувеченная держится на своем вставшем на дыбы скакуне, вцепившись сильной рукой в его бока: она подняла правую руку для того, чтобы нанести удар смертоносным копьем. Оружие и большая часть руки отсутствуют, но обе груди проступают под одеждой. В каждой фигуре угадывается напряжение боя, идеальные формы тренированных тел наделены красотой. С особенной тщательностью выполнены драпировки. Хранящиеся в Британском музее скульптуры из храма Аполлона Избавителя, возведенного в Фигалии на Пелопоннесе, представляют собой удивительную галерею изваяний сошедшихся в битве амазонок и греков, причем фигуры воительниц наделены приковывающим к месту очарованием как в тех случаях, когда изображают боевой пыл, так и когда в них чувствуется утомление побежденных. Эти изношенные временем и, тем не менее, великолепные мраморные плиты кроме жестоких поединков передают множество трогательных сцен. Одухотворенные персонажи расположены так, чтобы можно было полностью оценить опасность, напор и тяжесть сражения. Раненую амазонку, конь которой споткнулся, бросив ее вперед, ухватил за правую ногу грек, намеревающийся довершить падение женщины. Другую всадницу стаскивают с коня за голову. Подобная запрокинутая, схваченная за волосы голова — чтобы лишить равновесия или нанести смертельный удар — изображена еще в трех или четырех группах, символизируя интенсивность сражения. С другой стороны, ахиллесова скорбь доминирует в нескольких сценах, хотя и находящихся с другой стороны. Амазонка уводит с поля сражения раненого грека, поддерживая его за плечи; другая воительница преклоняет колени возле раненой сестры; в третьем случае женщина останавливает рукой оружие, направленное амазонкой в поверженного врага. Следует признать, что рыцарство проявляет лишь женская сторона, но главное заключается в том, что благородство это проявлено в честной борьбе. Греческий художник не попытался умалить или обесчестить женщин-воительниц, которых он считает врагами, достойными и эллинского оружия, и уважения. Храм этот был построен Иктином, сотрудничавшим с Фидием при возведении Парфенона, и, по словам Плиния, в украшении его приняли участие лучшие афинские скульпторы. Поэтому можно считать, что здесь мы имеем дело с подлинным греческим восприятием. В обоих случаях костюмы амазонок являются достаточно примитивными. Они носят короткий — выше колена — хитон, перехваченный на талии поясом и переброшенный через грудь с застежкой на левом плече. Ноги обнажены и

босы, иногда на правой лодыжке показан ремешок, удерживающий на ней шпору. Шлем, если таковой имеется, принадлежит к типу Минервы. Драпировки показаны с огромным искусством, они обрисовывают и развитое тело, и свидетельствуют о напряженности битвы. Для всех деталей характерна простота, подчеркивающая физическую красоту тела. Также находящиеся ныне в Британском музее скульптуры с гробницы Мавзола, сатрапа Карики, возведенной его вдовой в Галикарнассе, принадлежат к несколько более позднему времени и обнаруживают больше вольностей и меньше утонченности в обработке. В них чувствуется влияние предшествовавших мастеров. Драпировки более длинные и обильные; добавлена свисающая с плеча хламида; однако фигуры, находящиеся в самом жару сражения, оказываются удивительным образом незадрапированными. Некоторые характерные детали возвращают нас на просторы диких скифских степей: спасающаяся с поля боя амазонка повернулась лицом к хвосту коня и целится дротиком в преследователей. Здесь подчеркнута напряженность битвы, сцены битвы наполнены яростью, но сражение это — сражение равных.

Две первые группы принадлежат к времени высшего расцвета греческого искусства, когда ощущалось влияние Фидия, Поликлета и Праксителя. Сами великие мастера не оставили известных примеров обращения к теме, хотя пять прославленных мраморных изваяний амазонок почти несомненно являются копиями оригинальных бронзовых фигур. Все пять обладают заметным фамильным сходством. Ватиканская амазонка приписывалась Фидию и, хотя она отчасти попорчена неумелой реставрацией, наделена бесценной красотой. Эта юная воительница является представительницей особого типа, отличающегося не столько внешним видом, сколько пережитым испытанием; в отличие от прочих она не ранена в правый бок. Девушка опирается на копье, которое держит в левой руке; правая рука (реставрированная), поднята над головой, пальцы ее прикасаются к верхней части копья. Не может быть никаких сомнений, что ладонь должна охватывать копье, и вся поза свидетельствует о том, что воительница готовилась вспрыгнуть на спину коня. Тело полно энергии, хотя показан тот миг, когда оно отдыхает, еще готовясь к прыжку; спокойное лицо может показаться даже милым, несмотря на твердый очерк. Амазонка изображена в коротком хитоне, перехваченном на талии и скрепленном на правом плече, оставляя открытыми часть левого бедра и груди. Заметны некоторые признаки отсутствия груди; во всем остальном это образец юного совершенства, хотя в некоторых отношениях — совершенства Адониса. Капитолийская амазонка обнаруживает больше нежности, в то время как скульптор разумным образом избежал изображения истинной женственности. Впрочем, утверждают, что голова принадлежит другой статуе. Раненая девушка, изображенная в коротком хитоне, чуть отставила назад ногу, возможно опиралась на копье правой рукой (однако реставраторы изобразили его поднятым над головой). Левая рука отводит драпировку от раненого бока. На статуе нет признаков ампутации груди; правая обнажена, но левая скрывается под драпировкой. Берлинская раненая амазонка подняла руку над головой, словно бы инстинктивно отгораживаясь ею от удара меча.левой рукой она опирается на колонну, левая сведенная болью нога отведена назад. Однако, невзирая на явное страдание, ни члены ее тела, ни черты не искажены. Хитон достаточно короткий, верхнюю часть тела прикрывает совсем скудная драпировка, но обилие пышных складок одновременно и декоративно, и естественно. Изваяние приписывалось Поликлету, однако, скорее всего, является копией бронзового образца, который, как утверждает одна очаровательная история, входил в комплект, украшавший храм Артемиды Эфесской. Следует помнить, что в соответствии с не слишком вероятным стечением событий, о котором повествует Плиний, Фидий, Поликлет, Кресилай и Фрадмон соревновались в том, чья статуя будет признана лучшей, и каждого попросили назвать победителей. Все скульпторы поставили на первое место собственную статую, а второе отдали работе Поликлета, фактически проголосовав за него. В соответствии с очень древним преданием, Эфес, вне зависимости от того, был он основан скифскими воительницами или нет, предоставил этим женщинам убежище во время трудного возвращения после неудачного

вторжения в Аттику. Хотя эта повесть о соревновании обладает некоторым ароматом достоверности, мы можем извлечь из нее только то, что изваяния амазонок выставлялись в храме. Во всяком случае, подобное стремление греческих скульпторов почтить Артемиду в ее более мягкой ипостаси Помощницы свидетельствует о гуманистическом характере их искусства и может объяснить вне сомнения удивительное сходство упомянутых трех изваяний, хранящихся в коллекциях Ленсдауна и Вены. В данном случае мы, конечно, отошли очень далеко от жутких и кровожадных хищниц первобытных легенд, и даже от образа той женщины, что присутствует на страницах «Илиады».

Миф, созданный в те незапамятные времена, когда борьба велась самым жестоким образом и ее нельзя было избежать, сыграл свою роль. Когда внешнее давление ослабело и люди сделались более просвещенными, повесть эта утратила известную долю мрачности, но не растратила силы: поэт и художник сделали ее своей собственностью, извлекая из суровых подробностей новый смысл, приспособив мораль к более счастливой стадии развития цивилизации. Таким образом, они смягчили рассказ о жестокости амазонок, приспособив его к собственным целям, способствуя культу прекрасного путем возвышения великолепных человеческих фигур, одновременно изящных и сильных, создавая образцы для девушки и матроны, пробуждая в мужских сердцах восхищение и жалость.

Глава 2. АМАЗОНКИ АНТИЧНОСТИ

Перелистывая работы ранних греческих писателей, мы натываемся на трогательное и обстоятельное повествование о возвышении и падении государства женщин. Лишившись мужей, сыновей и братьев в превратностях битвы и страдая от притеснений со стороны жестоких соседей, они взялись за оружие, чтобы отомстить за себя. Попробовав таким образом крови, эти женщины, как утверждает сказание, приобрели вкус к убийству и, покоряясь восторгу победы, решили отменить правление мужского пола, сделавшись собственными господами. Изгнав или искалечив тех немногих мужчин, что еще оставались среди них, они приступили к основанию государства и, либо благодаря требованиям обстановки, либо ощущая призвание к военному делу, придали последнему общенациональный характер. Чудовищный эксперимент увенчался успехом, если верить самым разнообразным писателям: границы государства чрезвычайно расширились, слава женщин-воительниц летела перед их наступающими полчищами, сея ужас в дальних странах. Время от времени они заключали военные союзы с соседними народами, чтобы облегчить проведение далеких и опасных походов. Женщины дошли на западе до Богемии (Чехии), по утверждению некоторых авторов, вступили в Галлию, достигли Средиземного моря, проникли в Индию вместе с победителем Дионисом, вторглись в Северную Африку, чтобы заключить договор с Гором, сыном Осириса и Изиды. Далее напали на Аттику, остановились перед гордыми Афинами и едва не разрушили этот город. Основали колонии в Европе и Малой Азии, построили множество известных городов. Подобная тема вдохновила поэтов на красноречие, предоставила возможность хронистам украшать ее разнообразными фантастическими узорами и подробностями: благословила кисти художников и резцы скульпторов на создание произведений, иногда гротескных, но по большей части изобретательных и хитроумных.

Повесть об амазонках на удивление лишена подтверждения со стороны памятников или других современных свидетельств, которые потребуются впоследствии. Она полна противоречий и ловушек, уготованных неосторожному, однако ее основные контуры остаются достаточно неизменными. Датировать ее невозможно, хотя многие относят указанные события к периоду, заключенному между 2500 и 1500 годами до н. э., а прочие — ко времени более раннему, что следует из упоминания о дальних походах и наличии в этих упоминаниях мифологических персонажей. Во всяком случае, в некоторое туманное время, в некотором столь же неопределенном регионе далеких земель, расположенных к северо-востоку от Кавказского хребта, среди скифов возник заговор, направленный против двух князей, носивших, как нам сообщают, имена Гилян и Сколопотос, и в результате оказавшихся приговоренными к изгнанию. Князья эти вместе с собственными семьями, со своими сподвижниками, сторонниками и приверженцами, а также их семьями — малым народом — были изгнаны за рубежи отечества и нахлынули на предгорья Кавказа могучей, вздувшейся от избытка вод рекой. Естественным образом они грабили и убивали, оседали как на высокогорье, так и на равнине, угнетая местное население. Как и следовало ожидать, последнее восстало в самый неожиданный момент, и восстание оказалось настолько успешным, что буквально стерло захватчиков с лица земли. Избиение скифских мужчин стало ужасным и проведено было со всей тщательностью, присущей тем добрым временам. Однако женщины сурового народа, успевшие привыкнуть за недавнее время к неприятностям, обрушившимся на их племя, с боями возвратились к темным горам. Изгнанные из отеческих краев, внезапно лишившиеся собственных мужчин, опасаясь унижений со стороны победоносных соседей, в полном отчаянии они обратились к мысли о создании женского государства. В качестве первого шага был объявлен священным пояс, почти повсюду на Востоке и в Восточной Европе считавшийся знаком незамужней женщины. Потом, искалечив или изгнав тех немногих мужчин, что еще оставались с ними, женщины избрали двух цариц, попеременно ведавших то внутренними делами, то обороной. Однако от защиты отважные женщины скоро перешли к наступлению и отвоевали свои

прежние дома. Подобное состояние дел естественным образом приводило к новым и новым нападениям соседей, и лишившееся мужчин государство незаметным образом обрело для себя опору в постоянных военных действиях, что с неизбежностью повлекло за собой необходимость завоеваний за пределами первоначальных границ. Отсюда на государственном уровне возникла новая проблема: время и мечи соседей прискорбным образом сокращали население, чему лишь в известной мере мог воспрепятствовать набор новых рекрутов.

Следовало найти выход из положения. Поэтому периодически стали объявляться перемирия, и те из юных воительниц, которые уже убивали в бою мужчин, начали, оставив свои пояса, встречаться с соседями и заключать с ними временные брачные союзы. По возвращении они вновь надевали на себя магическое кольцо. Рожденные в таком браке мальчишки, по одним сообщениям, приносились в жертву, по другим — калечились и оставлялись жить в качестве рабов или же отсылались назад к своим отцам. Девочек выкармливали кобыльим молоком, сердцевиной стеблей водных растений и при первой же возможности переводили на мясное питание. Они росли в строгости, рано приучались к трудностям походной жизни и использованию оружия с ездой на конях. Ходили в одних рубашках, защищались небольшими щитами, владели луком и стрелами, копьем и боевым топором. Чтобы иметь большую свободу при стрельбе из лука, правую грудь или ампутировали или калечили, прижигая каленым железом или плотно перевязывая; поэтому, вступив в контакт с женщинами-воительницами, греки называли их амазонками, то есть безгрудыми. Памятуя о степи — родной земле предков, они усиленно упражнялись в верховой езде и, как утверждают, с равным успехом сражались пешими и на конях. Таким образом, ради сохранения народа предпринимались разнообразные меры.

Совершенствование военной структуры общества, представлявшей собой его экономическую основу, и прирост населения сделали необходимыми завоевательные походы. Беспокойные рои уводили за собой великие царицы. Среди этих воинственных правительниц одним из первых называется имя Марпесии, направившей свои рати на завоевание соседних царств и закрепившей свою власть над Кавказом.

Поднявшись по относительно пологим северным склонам, они спустились по крутым ущельям юга и захватили Каппадокию, остановившись в итоге на Фермодоне, втекающем в Эвксинский Понт (Черное море). Здесь была сооружена столица Фемискира, ставшая второй и величайшей колыбелью этого народа. Оттуда они пробились к Эгейскому морю, прошли через большую часть Малой Азии в Сирию, основав множество городов, таких как Эфес и Смирна. Нам рассказывают об неугомонной энергии амазонок, об организованных походах, угрожавших как древним, так и находящимся только в стадии становления культурам, о стычках с вооруженными троянцами во Фригии, о походе на Египет через Сирию, о свите Диониса, прошедшей через Парфию до Индии, где, как утверждают некоторые, амазонки основали колонии, а потом, после нападений на греческие поселения, предприняли поход уже на Афины.

Древние авторы в основном считают Кавказ продолжением горного хребта Тавра, полностью находящегося в Азии. Однако некоторые из них приводят и описания первоначального дома амазонок. Плиний утверждает, что «он имеет невероятную протяженность, и разделяет безчисленное количество народов; поднимаясь возле Индийского моря, этот хребет уходит на север с правой стороны, а с левой на юг. Потом, поворачивая на запад, он рассек бы Азию посередине, если бы не море, преградившее его победное продвижение по земле. Соответственным образом, уклонившись на север и образуя дугу, он занимает значительный участок земной территории, то и дело встречаясь с морями, готовыми преградить ему путь: Финикийским, Понтийским, и в другой стороне Каспийским и Гиценийским (западная и восточная части Каспийского моря), а потом с Меотийским озером. Несколько ограниченный препятствиями хребет изгибается между морями, прокладывая себе дальнейший путь, и, наконец, выбравшись на свободу, по плавной дуге соединяется с цепью Рифейских гор. Хребет носит многочисленные имена, и по мере

продвижения вдоль него они сменяют друг друга. Первая часть его носит название Имай (Хинду Куш), после чего он последовательно называется именами Эмодом, Паропанисом, Цирцием, Камбадом, Париадром, Коатром, Орегом, Орандом, Нифатом, Тавром и, там, где он превосходит себя самого, Кавказом. Там, где хребет раскидывает свои ответвления, то и дело погружающиеся в море, он носит названия Сарпедон, Коракесий, Краг, и потом снова Тавр. Там, где он расступается и открывает проход для людей, он все равно сохраняет свое имя за воротами этих проходов... В дополнение к тому, останавливаясь в своем продвижении вперед, хребет отступает от моря и принимает на себя с обоих склонов имена многочисленных народов», так что среди прочих существовали Амазонские и Скифские горы. Плиний упоминает две горящие горы (вероятно, благодаря выходам природного газа или нефти) в Сирии. Страбон помещает амазонок в самых восточных областях Кавказа, граничащих с Каспийским морем и образующих преграду, разделяющую албанцев и иберов. Он также указывает на то, что равнины Скифии и весь берег Фемискиры, «именуемый равниной амазонок», имеют аллювиальный характер, странным образом контрастируя с их горными убежищами. Описывая современную ему географию региона, Плиний говорит: «По берегу (Эвксинского Понта) протекает река Фермодон, огибающая укрепления, называемые Фанарея (Фермея?) и подножия гор Амазонок (Масон Даг?). Прежде здесь существовал город, носивший то же самое имя, что и река, и еще пять остальных — Амазоний, Фемискира, Сатира, Амазия и Комана». Из всех них можно видеть громадные вершины черного хребта, связывающего Понт с далекими областями, прячущимися в таинственном хаосе гор, лесов, рек, морей и скучных равнин.

Многочисленные народы, населявшие упомянутую местность, равным образом вселяли трепет в душу географа. Страбон пишет: «Как говорят, амазонки живут в горах над Албанией. Надежные авторы утверждают, однако, что они живут у подножия Кавказских гор. Находясь у себя дома, они заняты тем, что собственными руками пашут, занимаются садоводством, пасут скот и, в особенности, объезжают коней. Сильнейшие среди них уделяют много времени верховой охоте и военным упражнениям». В его время люди, населявшие южную сторону Кавказа, являлись пиратами, не оставлявшими своим соседям и мгновения покоя; разделенные на небольшие племена, подчинявшиеся тиранам, они жили разбоем.

Страбон также упоминает «совершенно варварские» племена Кавказа, почитавшие Мать-землю, а также приносившие и поедавшие человеческие жертвоприношения, хотя при этом не употреблявшие для подобных целей женщин. Очевидно, в данном вопросе почитатели земли руководствовались в первую очередь принципом сохранения рода. Подобные наклонности вполне объясняют ту честь, которую они оказывали своим старикам: их удавливали ближайшие родственники. Мужчин также съедали, а женщин возвращали в лоно великой Матери-Земли. Аналогичный подход к основному принципу природы отличал албанцев и иберов, которых многие считают ближайшими соседями амазонок. Дело в том, что эти народы, почитавшие в первую очередь двух богов — Солнце (Юпитера), вероятно являвшегося «Неизвестным Богом», Богом Создателем, и Луну, особое почитание предназначали последней, как более близкой. Возле Иберии располагался храм Луны, где жрец бледной богини почитался следом за царем, и властвовал над многочисленными и людными тропами на священной земле вокруг святилища. Многие из храмовых служителей и других людей занимались пророчествами. Тех из них, кто превращался в буйных одержимых и отправлялся в лес в одиночестве, захватывали жрецы, помещали в священные оковы и целый год содержали в роскоши. Потом такого человека выводили к святилищу и ставили перед ним вместе с остальными жертвами. Служитель лунной богини, появившийся из толпы со священным копьём, наносил жертвам удар в сердце, в то время как стоявший перед святилищем жрец произносил предсказания, руководствуясь характером падения и истечения крови. После этого труп уносили в специально предназначенное место, бросая под ноги собравшегося народа, который получал, таким образом, возможность очиститься кровью освященного козла отпущения.

Геродот утверждает, что тавры приносили в жертву всех потерпевших кораблекрушение, а также всех греков, которых случай привел в их гавани, причем человеческие жертвоприношения совершались богине-девственнице. Жертву поражали по голове дубинкой, после чего голова отрезалась и прибивалась к дереву, а тело сбрасывали с крутых утесов. Захваченных в войне пленников обезглавливали, а головы их выставляли на высоких шестах вокруг домов. Геродот добавляет: «Головы помещались так высоко, чтобы весь дом находился под их покровительством», именно такой аргумент используют в настоящее время охотники за головами с Борнео и прочие дикие племена. Самые ранние указания на это можно видеть в древней «Аргонавтике», приписываемой Орфею, но почти наверняка записанной Ономакритом из Афин, жившим в 520–465 до н. э. В этой поэме мы читаем об опасных и свирепых народах, живших вокруг Меотийского озера и далее к югу, к числу которых принадлежали и кровожадные тавры, приносившие Артемиде жуткие жертвоприношения в виде чаши с человеческой кровью. Ужасные вещи рассказывают и о скифах. Они поклонялись солнцу и луне, а также младшим богам природных стихий — воздуха, огня и воды, — принося им жертвоприношения. Уздечки их боевых коней украшали скальпы, снятые с павших врагов. Могучий и загадочный народ хеттов также пришел с Кавказа, и вне сомнения находился в родстве со скифами. Хетты почитали богиню сил природы, подобную Ашторет, и оставленные ими в Малой Азии памятники свидетельствуют о том, что они приносили в жертву людей при исполнении собственных религиозных обрядов, имели гвардии из жрецов и жриц, а также практиковали весенние оргии. Хетты, возможно, и являлись подлинными основателями Эфеса. Они пользовались двулезвийными топорами, носили короткие рубахи и высокие сапоги с загнутыми вверх носками. Удобная для хождения по снегу обувь свидетельствует о северном происхождении. Любопытно, что Плиний пишет об обитателях Кавказских высокогорий, носивших сапоги из сыромятной кожи с загнутыми вверх носками, чтобы ходить по снегу. В подобной обуви амазонки часто изображаются на керамике, она аналогична монгольской обуви, до сих пор носимой в Китае.

Небрежное замечание Страбона о том, какими делами занимаются женщины, «находясь дома», имеет едва ли не саркастическое звучание, поскольку может показаться, что они крайне редко обращались к подобным мирным занятиям: в соответствии с общим хором древних писателей, походы амазонок были настолько же далекими, насколько просторной являлась область их влияния. Утверждают, что между появлением амазонок и периодом их высшей активности в Малой Азии на деле прошло три столетия беспрестанных войн, после чего давление воинственных женщин на греков сделалось столь нестерпимым, что Беллерофон (считавшийся потомком Гелиоса, бога солнца, и Посейдона, бога морей), сразу же после убийства Химеры, был отправлен царем Ликии отражать их натиск. Герой справился и с этим крайне трудным заданием, на время заградив путь амазонкам.

Однако ход событий показал, что неотвратимое наступление варваров было лишь прервано. После ухода Беллерофона, плотины, преграждавшей путь беспокойным волнам степного прилива, не стало. Угроза нападения амазонок вновь сделалась первостепенной. Греция подверглась такому натиску, что воинственные царицы и дела их приобрели выдающееся значение. Одним из двенадцати подвигов, выполненных Гераклом по поручению царя Микен Эврис-фея, стало чрезвычайно опасное деяние, заключавшееся в похищении пояса предводительницы амазонок. — пояса, имевшего среди женщин-воительниц чрезвычайное символическое значение и оттого наиболее священного для них предмета. Подвиг этот стал началом великих событий. По мнению большинства авторов, Геракла в этом походе сопровождал царь афинский Тесей, а также цвет греческой молодежи, вместе с большим флотом великолепных кораблей. Переплыв Эгейское море, они прошли через Босфор и Черное море, и без препятствий дошли до устья самого Фермодона. Они сумели пройти вверх по реке до Фемискиры, прежде чем Антиопа, царица, ведавшая охраной дома, успела подготовиться к сопротивлению или вызвать свою сестру и соправительницу Оритию, находившуюся в дальнем военном походе. Геракл отправил вестников к Антиопе, и со всеми церемониями потребовал отдать ему пояс царицы, что, в сущности, было

эквивалентно требованию капитуляции, и естественно получил немедленный отказ. Обе стороны принялись готовиться к битве. Греки приступили к стенам и пошли на штурм. Ослабленный гарнизон амазонок защищал свою столицу с великим упорством и совершил кровавую вылазку под руководством царицы. Самые свирепые битвы кипели вокруг Геракла и Тесея. Геракл, неуязвимый под своей львиной шкурой, совершил удивительные деяния, убив собственной рукой одиннадцать предводительниц амазонок, которые в своей безупречной доблести по очереди нападали на него. В самом деле, Диодор Сицилийский сообщает нам, что Геракл вызывал их на поединок. Аэлла Быстроногая пала от его руки, обратившись в бегство; Фи-липпида была убита первым ударом. Протоя, сразившая в поединках множество мужчин, не оказалась удачливее; еще несколько амазонок, спутниц Артемиды-охотницы, потерпели поражение, и души их отправились в Аид. Геракл казался неуязвимым. В итоге победа осталась за греками, отнюдь не ставшими медлить с грабежом, в чем признаются их собственные авторы. Взято было множество пленниц и ценностей. Сам Геракл захватил Меналиппу, сестру обеих цариц, в то время как четвертая сестра, Ипполита, досталась Тесею. Геракл, памятуя о цели похода, выменял свою прекрасную пленянку на пояс Антиопы. Тесей же, покорившись вспыхнувшей в нем любви к прекрасной Ипполите, взял ее в жены и решил увезти с собой. Некоторые авторы, в частности Диодор, утверждают, что Геракл отпустил Меналиппу и, захватив Антиопу, снял с нее пояс и отдал Тесею, который увез ее в Афины, где она стала матерью Ипполиты. Аполлодор Афинский добавляет к этой истории нотку сверхъестественного. В соответствии с ним Ипполита носила пояс Ареса, который намеревалась отдать Гераклу. Однако Гера, приняв облик одной из воительниц, явилась среди амазонок и заставила их возобновить сопротивление грекам явившимся по ее словам, чтобы похитить их царицу. Тем не менее супруга Зевса не сумела воспрепятствовать победе греков. Геракл, не удовлетворившись приобретением пояса царицы, также увез с собой ее доспехи, в том числе и двухстороннюю боевую секиру, знак власти, о котором мы еще услышим потом. Погрузив разнообразные трофеи на корабли, греки поспешно отчалили от берегов и направились под парусами обратно.

Спешно вернувшись с войском домой, Орития обнаружила одни только руины, а Антиопа или Меналиппа рассказала ей всю горестную повесть. Намереваясь отбить Ипполиту и другие драгоценные трофеи, походная царица произнесла страстную речь перед войском. Что хорошего в том, спрашивала она, что, став владычицами Понта и Азии, невзирая на все достигнутые успехи, мы остаемся открытыми для наглости греков, посмевших напасть на нас в самом сердце нашего государства? Неужели мы будем кротко терпеть убийства и насилие? После, сознавая масштаб стоящей перед ней задачи, она обратилась за помощью к царю скифов Сагиллу, напомнив ему о связывающем оба народа родстве и об угрозе им всем, исходящей от тех же самых греков. Зов ее оказался услышанным, Сагилл отправил на войну своего сына Пенасагора во главе сильной конницы. Сама Орития собрала огромное войско и, пройдя вместе с союзниками по берегу Черного моря, переправилась через Боспор Киммерийский² по зимнему льду. Другие утверждают, что она обошла вокруг Черного моря, пересекла Дунай и достаточно долго пробыла на острове Ареса, где амазонки построили храм, посвященный ими богу войны. Главным здесь кажется то, что самые опасные вторжения варваров в Грецию происходили в основном через Фессалию. Во всяком случае, большинство авторов соглашаются с тем, что этот отважный поход на Аттику был осуществлен именно так. Орития вела свои войска быстрым маршем, не останавливаясь нигде, хотя иногда и встречалась с упорным сопротивлением. Появившись перед городом Афины Паллады, находившимся тогда на месте Акрополя, она остановилась лагерем на месте древних Афин Кекропса и потребовала у Тесея возвращения Ипполиты и священного пояса. Тесей отослал ее вестников назад с пустыми руками и, собирая войско, принес жертвоприношение богу Страха, храм которого открывался лишь в самые тяжкие времена. Царь Афин просил бога не тревожить греков, а вторгнуться в ряды врагинь и

² Ныне Керченский пролив.

смутить их сердца.

Плотная осада продлилась около месяца, ход ее разнообразили, с одной стороны внезапные вылазки, а с другой — свирепые приступы; однако, решительных успехов достигнуто не было, пока Тесей не собрал все силы. Войско амазонок широко растянулось по фронту, левое крыло его располагалось вдалеке — в урочище, впоследствии называвшемся Амазоннумом, или равниной Амазонок: центр находился возле Ареопага, а правое крыло упиралось в Пинкс. Афиняне нанесли удар со стороны Мусся, однако отраженный амазонками отряд был оттеснен назад, к Храму Эвменид. К грекам поспешили подкрепления из Палладиума, Ардетия и Ликея. В последовавшей упорной рукопашной женщины понесли жестокий урон и были вынуждены искать в итоге убежища в своем стане. Успех этот, о чем свидетельствуют большинство хроникеров, был достигнут лишь благодаря сосредоточению крупных сил в одном месте. Все подчеркивают, что борьба шла не на жизнь, а на смерть. В итоге создается глубокое впечатление, столь ярким образом доносимое до нас одухотворенными изваяниями, изображающими эту битву. Побоище было ужасным, казалось, оно никогда не прекратится. Обе стороны отчаянно сражались «за свои очаги и отечество», пока не появилась Ипполита, чтобы стать посредницей между победоносными, но почти выдохшимися войсками своего мужа, и побежденной, но ни в какой мере не собиравшейся сдаваться армией ее сестры. Был заключен мир, и в память об этом соорудили Хормосин, или Дом Клятвы. Павших похоронили со всеми полагающимися почестями, остатки войска амазонок, проведенного в Аттике около четырех месяцев, по условиям перемирия были выпущены из Греции. Рассказывают, что Ипполита скончалась и была похоронена в Мегаре, где показывали ее могилу. По прошествии долгого времени погребения прочих амазонок были известны в Афинах, Беотии и в Фессалии; однако в новое время следов их, как и храма Амазонок в Афинах, отыскать не удалось.

Некоторые из историков, в том числе Плутарх, считают, что Тесей не сопровождал Геракла в походе на Фермодон и что само выступление имело целью умиротворение амазонок на долгое время. Однако говорят, что впоследствии Тесей сам вторгся со своим войском на территорию государства, или же проник туда тайно и хитростью овладел царицей Антиопой, которая родила ему Ипполиту. Эти авторы намекают на то, что вторжение амазонок в Аттику было вызвано отнюдь не желанием вернуть девушку, а имело самые серьезные причины. В соответствии с этими авторами, Антиопа, рванувшаяся, чтобы прикрыть щитом мужа, была убита стрелой, посланной амазонкой Молпадией, в свой черед сраженной Тесеем. Прочие подробности осады в основном совпадают, хотя некоторые и утверждают, что к храму Фурий были оттеснены не греки, а амазонки.

Если следовать общепринятой версии, войско Оритии, побежденное, но не лишившееся чести, поскольку отступало с оружием и под охраной заключенного мира, — в качестве знака благодарности богам воздвигло статуи в нескольких храмах, однако вернуться назад в Фемискиру женщины постыдились, поскольку не достигли цели похода. Вновь пройдя через Фессалию вместе со своими союзниками-скифами, они дошли до скифских поселений во Фракии, где и основали новое женское государство, впоследствии распространившееся дальше на запад. Очевидно, в этих поселениях действовали более свободные законы, поскольку традиционный образ жизни постепенно забывался, и, смешавшись с окружающим населением, эта ветвь народа женщин-воительниц постепенно вернулась к естественному образу жизни.

Павсаний в своем описании Мегары утверждает, что в его время в этом городе возле святилища Пандиона находилась гробница Ипполиты, и пересказывает мегарское изложение событий, повлекших за собой ее смерть: «Когда амазонки шли войной на афинян из-за Антионы и были побеждены Тесеем, большая часть их погибла в сражении; однако Ипполита, сестра Антионы, в то время командовавшая ратью женщин, с немногими товарками бежала в Могару. Однако там несчастье, обрушившееся на ее войско, наполнило ее унынием, ситуация, в которой она оказалась, и отчаяние при мысли о невозможности вернуться домой в Фемискиру повергли ее в горе, от которого она скончалась и была

погребена. Гробница ее имеет форму щита амазонки» (пли, в соответствии с другими источниками, «украшена щитом амазонки»).

Существовали значительные противоречия в отношении тех городов, которые предположительно основали амазонки во время своих вторжений в Малую Азию и прочие части света. По поводу Эфеса, Павсаний поправляет Пиндара, который приписывает им основание святилища: «Верно, что женщины из Фермодона, исстари зная святилище, приносили жертвы Эфесской богине, как в этом случае (когда они торопились домой от Афин) и когда бежали от Геракла; некоторые из них приносили жертвы в еще более древние времена, когда бежали от Диониса и искали защиты в святилище. Однако само святилище основали не они». Труд Павсания, бесценный путеводитель, — так сказать, Мюррей или Бедкер по древнему миру, содержит много такого, что стоит отметить, поскольку великие общественные и священные здания Афин, Олимпии и прочих населенных пунктов были украшены картинами и статуями, часто принадлежавшими самым знаменитым мастерам и созданным на сюжеты различных событий этой скоротечной войны. Павсаний приводит описания большей части их, увы, зачастую прискорбно краткие.

Нам остается только следовать этому путеводителю, передающему то, что очевидец видел собственными глазами, и существовавшие тогда устные рассказы. В самих Афинах находились выдающиеся росписи на стенах Рыночной Колоннады, на которых был изображен Тесея и его собратья-афиняне, сражающиеся с амазонками, в основном конными. Павсаний пишет: «Может показаться, что доблесть этих женщин не была поколеблена неудачами, ибо амазонок ожидали великие события, после того как победивший их Тесея сошел в Аид». Росписи эти были выполнены знаменитым Миконом, жившим около 460 года до н. э., и просуществовали до середины четвертого столетия новой эры. «Возле Гимназия, — свидетельствует наш автор, — расположено святилище Тесея, украшенное живописными изображениями афинян, сражающихся с амазонками». Однако величайшая из достопримечательностей подобного рода находилась на южной стене Акрополя, где располагались «фигуры высотой в два локтя, посвященные Атталу. На них изображена легендарная война гигантов, некогда населявших Фракию и Перешеек, битва афинян с амазонками, сражение с мидийцами при Марафоне и истребление галлов в Миссии». Принято считать, что упомянутый Аттал является вторым среди носивших это имя, более того, эти фигуры, похоже, выполненные из полой бронзы (ибо Плутарх сообщает, что одна из них была опрокинута ветром), являлись копиями более крупных изваяний, поставленных Атталом I в Малой Азии. Мраморные копии их обнаружены в музеях Лувра, Экса, Венеции и Неаполя, причем в последнем из них находятся статуи мертвого галла и амазонки, лежащей на спине, чуть подогнув правую ногу.

В Олимпии, как нам рассказывают, можно было ознакомиться со всеми деяниями Геракла, среди прочих подвигов которого изображено и похищение пояса у царицы амазонок. Сцена эта была повторена в скульптурной группе, находившейся «не столь далеко от приношения ахсян», где Геракл изображался сражающимся с царицей, сидевшей верхом на коне. Группа принадлежала резцу Аристокла Кинодинского (Cynodian), которого Павсаний считает наиболее древним из скульпторов. Описывая изваяние Олимпийского Зевса, чья статуя и престол были украшены золотом, черным деревом, слоновой костью и драгоценными камнями, он утверждает, что, кроме того, там было много скульптур и картин. Между ножками колоссального трона находилось три плиты с изваяниями. На одной из них «изображено войско, сражавшееся на стороне Геракла против амазонок. Общее число фигур равно двадцати девяти. Фигура Тесея находится между союзниками Геракла». Стены не позволяли публике проходить под престолом, и на них с трех сторон нарисованы были картины, четвертая же оставалась синей как небо; «на последней росписи изображена испускающая дух Пентесилея и поддерживающий ее Ахиллес». Далее на приступке, украшенной золотыми львами, находился «рельеф с изображением битвы Тесея. Битва эта стала первым доблестным деянием, предпринятым афинянами в отношении внешнего врага». Далее он сообщает нам, что в Пиррихии находились два храма, один из которых был

посвящен Артемиде Прекратительнице Войны, поскольку именно здесь амазонки завершили военные действия, а второй — Аполлону Амазонийскому. «В обоих располагались деревянные изображения, предание утверждает, что их пожертвовали храмам женщины, пришедшие от Фермодона». Имя амазонок вновь и вновь возникает в повествовании Павсания. И все это конечно же свидетельствует о том значении, которым обладала эта война в глазах афинянин. Для них она была не просто памятным событием в истории народа, но одним из его наиболее выдающихся деяний. Геродот также заставляет своих афинянин хвастать этой победой в сердитой перебранке с тегеянами по поводу того, кому из них стоять на левом фланге против персидского войска. Сыны Афины восклицают: «Другим нашим благородным деянием стала война с амазонками, пришедшими от родных им Берегов Фермодона и наводнивших войсками Аттику». Эта гордость победой над воинственными женщинами вновь и вновь доносится до нас. Чувство это разделяют и трезвый хронист, и поэт, и художник.

Другую тему для удивления и восхищения греков предоставляет упрямая стойкость амазонок, которые, оправившись от сокрушительных походов Беллерофона и Геракла, поражения от Тесея, тем не менее сохранили внушительную боевую силу, позволившую им нападать на близкие и далекие царства, и даже еще раз помериться силой с греками, встретившись с ними под стенами Трои. Нечего удивляться тому, что Павсаний с известным удивлением отмечает: «Стойкость их не была умалена поражениями». Мы узнаем о нападении амазонок на фригийцев, запросивших помощи у соседей, и среди прочих у Приама, царя Трои. Долгое время спустя после этой войны Приам, взиравший на греческую армию со стен своего обреченного града, говорит Елене:

Зрел я великую рать фригиян, колесничников быстрых;
Зрел я Атрея полки и Мигдона, подобного богу:
Станом стояло их воинство вдоль берегов Сангария;
Там находился и я, союзником оных считался,
В день, когда мужам подобные ратью нашли амазонки:
Но не столько их было, как здесь быстрооких данаев³.

Несмотря на все кровопролитие, может показаться, что победа осталась на стороне амазонок, ибо, хотя нам сообщают о смерти их царицы Мирины во время похода, древние историки настаивают на их особом влиянии в Персии, сохранившемся до дней Александра Македонского. Страбон сообщает нам о том, что на равнине Илиона находился курган, воздвигнутый в честь Мирины Легконогой, получившей такое имя благодаря искусству в управлении колесницей; царица была превосходной всадницей и своей славой заслужила огромный погребальный холм. Через Фригию амазонки вторглись в Сирию и далее в Египет, хотя, если принять во внимание легенду о том, что они принудили Гора заключить с собой союз, поход этот должен быть совершен в куда более удаленные от нас времена. Иначе хронология совершенно перестает согласовываться. Спустя много лет после стояния Приама на кровавых берегах Сангария, амазонки в союзе с троянцами выступили против греков. Что послужило тому причиной — преклонение перед тестем Елены, или неувядающая ненависть к соотечественникам Беллерофона, Геракла и Тесея, — сказать трудно. Во всяком случае, Пентесилея по зову Приама явилась под стены Трои с небольшим отрядом амазонок, как раз в то время, когда почтенный царь совершал погребальные обряды над Гектором, только что убитым Ахиллом. Приам, пораженный красотой и отвагой царицы, принял ее с великой радостью; однако Андромаха предупредила самоуверенную воительницу о том, что в лице Ахиллеса, сразившего ее собственного мужа и многих других доблестных вождей, она обретет страшного противника.

³ Гомер "Илиада". Песнь Третья, 185. Пер. Н.И.Гнедича.

Несмущенная зловещими пророчествами Пентесилея надела легкий панцирь и шлем, вооружилась мечом, луком и стрелами, внушительного размера двухсторонней боевой секирой, парой дротиков и щитом, села на своего коня и отправилась на битву во главе отряда из двенадцати воительниц. При виде наступающих амазонок греки замерли — в удивлении и некотором испуге. Возвестив о своем вступлении в бой броском дротика, Пентесилея ринулась вперед и сразила своим жутким топором восьмерых видных греческих воителей. Однако пало и несколько важных амазонок и царица возобновила отчаянную атаку, призывая свою свиту и союзников к смертоубийству. Битва была в самом разгаре, и греки уже дрогнули, когда поднявшийся шум достиг ушей Ахилла и Аякса, возносивших жертвоприношение тени Патрокла. Вооружившись, оба героя поспешили в самую гущу боя и попытались остановить натиск наступавших троянцев. Тогда Ахилл и Аякс оказались перед амазонками, и Пентесилея, повернувшись к ним, узнала самых могучих воинов в стане ахейцев и метнула дротик в Ахиллеса, отразившего оружие своим знаменитым щитом. Обратив далее свой гнев на Аякса, царица вновь встретилась с неудачей. Оба войска остановились, чтобы оказаться свидетелями героического поединка. Пентесилея наступала, и как дочь Ареса объявила грекам, что как были они захватчиками, так и остались ими, и хотя панцири их в состоянии отразить брошенные ею грозные дротики, однако они не сумеют, в конце концов, избежать отмщения, которое обрушит на них ее топор, принеся, таким образом, облегчение страданиям Трои. Ахилл, в свою очередь, принялся обвинять царицу в пустой заносчивости и тщеславии, посоветовал ей не считать себя неуязвимой, ибо пусть она и дочь Ареса, но греки — сыновья Зевса, дарующего закон людям и богам. Гектор уже пал от его копья, и она может надеяться только на подобную участь, потому что сыновья Зевса сильнее дочерей Ареса. С этими словами Ахиллес метнул собственный дрот; пронзивший ее грудь справа. Хлынула кровь. После могучий греческий герой сразил коня царицы, а когда животное упало, соскочил со своего жеребца и пронзил копьем павшую врагиню. Вырвав оружие из раны, он нагнулся, чтобы снять с побежденной панцирь. И в этот миг ощутил себя сраженным дивной красотой умирающей и, памятуя о ее отваге, со скорбью поднял Пентесилею на руки и, взирая на ее спокойное лицо, принялся корить себя за то, что нанес смертельный удар такой красавице. Греческое войско замерло в почтительном молчании; лишь Терсит возвысил голос, укоряя своего вождя за подобное слабодушие. Ахиллес, не желая марать оружие о подобную тварь, ударил того кулаком в лицо, метнув в беспамятности ношу на землю. А потом снова подняв безжизненное тело царицы амазонок, отдал ее скорбным троянцам.

Эпизод этот относится к числу оставивших наиболее глубокий след на эллинском образе мыслей и его выражении в искусстве. Он стал центральным в поэме «Эфиопия» Арктиния Милетского, долго считавшегося предшественником Гомера, но на самом деле жившего около 770 года до н. э. и продолжившего «Илиаду» своей великой поэмой. В самом деле, она была посвящена описанию сражений между греками и амазонками и последними деяниями Ахиллеса. Предание утверждает, что самые прекрасные строки ее были посвящены великому поединку между царицей амазонок и вождем греков, и гнев последнего быстро сменился уважением и скорбью о сраженной им прекрасной женщине. «Эфиопия» дошла до нас в незначительных фрагментах, хотя влияние ее прослеживается как в литературе, так и в изобразительном искусстве, где выражает общее настроение греков, переросших те ужасы, которые внушал им рождающийся миф.

Квинт Смирнский, возможно, наилучшим образом излагает нам последнюю стадию восприятия этой легенды, хотя и добавляет к ней несколько чудес. По его словам, Пентесилеей руководила не столько ненависть к грекам, как личное горе, потому что она случайно убила собственную сестру во время охоты.

Дабы душу очистить от преступления злого, своим мечом
К злобным Эринниям жертвы свои отправляя,
К гневным, богиням, вершившим над ней отмщение

за гибель сестрицы,
Ибо незримыми, неустанно гонят они преступивших законы...

Подгоняемая страшной потребностью в принесении человеческих жертв духу усопшей и разъяренным богиням, Пентесилея уезжает из дома с двенадцатью подругами, и ее охотно приветствует Приам. И в скорбное для нее утро —

...Едва улыбнулась розовопятая Эос,
С ложа воспряв, Пентесилея члены свои
Облекла во сияющий панцирь, бывший даром Арея;
Первым чредом свои снежнобелые ноги поножами
золотыми укрыла царица,
Лег же на нежную грудь ее панцирь пестрой работы.
После, с плеча меч огромный повесив, с гордостью
Ибо ножны его были тонкой работы, выложенные то серебром
То слоновою костью, в шуйцу взяла она щит,
полумесяцем гнутый,
Схожий с луной, когда выставив острые рожки,
блещет она над волнами темного моря. Шлем же надела
последним,
с гребнем золотым и высоким султаном. Так воссияв,
Как перуны, что мечет гневный Зевес, предвещая
капли дождя
И бурного ветра порывы.
В левой руке за щитом два дротика были,
схваченные торопливо.
В деснице ж твердо зажата секира с двойными краями,
какие девам даровал Раздор, чтобы орудовать на поле
бранном.

После она поспешила на бой, производя смертоубийство среди греков, и, наконец, заметив Ахиллеса и Аякса, бросилась им навстречу, и после неизбежной перебранки была убита Ахиллом, остановившимся возле нее, чтобы снять панцирь, и ощутившим —

...безысходное горе
На тело убитой им девы взирая,
И скорбя о ней как об убитом Патрокле.

Квинт добавляет, что, увидев это, Арес ринулся вниз с Олимпа на Гору Ида, поколебавшуюся и вспыхнувшую огнем; бог войны напал бы на греков, если бы громы и молнии рассерженного Зевса не остановили его.

Во всем этом мы видим греческое ощущение неизбежной трагедийности мира. Смертными управляет Судьба и воля богов, а из сопротивления этому мироощущению выглядывает старинная и жестокая доктрина, утверждающая, что гневных богов можно умилостивить жертвоприношениями, совершаемыми собственной рукой или рукой жреца. Однако весь эпизод заканчивается на скорбной интонации.

Глава 3. АМАЗОНКИ АНТИЧНОСТИ (продолжение)

Сколько бы ни рассказывали эти писатели об амазонках в пору их славы, повествование их остается не менее занимательным и красноречивым, когда речь заходит об упадке племени этих удивительных женщин. Один из наиболее живописных случаев связан с ненавистью амазонок, направленной на греков. Рассказывают, что после гибели Ахиллеса и падения Трои, усопший герой-полубог правил на зачарованном острове, находившемся в Черном море возле устья Дуная, возможно близко к тому острову Ареса, на котором направлявшиеся к Афинам амазонки воздвигли храм, посвященный богу войны. Когда Фетида скорбела возле погребального костра Ахиллеса, Посейдон утешил ее следующим обещанием:

Остров есть посреди Эвксииского Моря,
На котором властью моей будут чтить Ахиллеса как бога;
И его погребальной жертвой ублажат соседние племена
и народы.

В каком бы именно месте ни располагался этот остров, рассказы о славном, хотя и сумрачном, царстве достигли амазонок, пребывавших в своей столице на Фермодоне, и ослепленные свирепой ненавистью к убийце царицы Пентесилеи воительницы решили последовать за героем даже в царство теней. Поэтому они силой захватили нескольких мореходов, поднявшихся вверх по реке, и вынудили их соорудить флот. Погрузив на корабли сильный конный отряд, они заставили мореходов отвезти их на таинственный остров. Мстительная и неблагочестивая армада достигла берегов острова, поросших величественными лесами. После спокойной высадки, амазонки приблизились к великолепному храму, и кони их сперва начали беспокоиться, а потом пришли в бешеный ужас. Вставая на дыбы и валясь на землю, они сбросили с себя утомленных всадниц, кусая и топчя оказавшихся на земле, а потом повернулись, помчались к береговым утесам и бросились вниз, чтобы погибнуть в разъяренных волнах. Поднявшаяся жуткая буря, ветер и молнии обрушилась на амазонок. Немногие из них уцелели в разразившемся буйстве стихий и сумели возвратиться с известием в Фемискиру.

Аполлоний Родосский в своей «Аргонавтике» описывает два типа амазонок. Он рассказывает о том, что, отправляясь на поиски Золотого руна, отважные мореходы побывали на острове Лемнос, на котором обитали одни только женщины, а властвовала над ними добрая Гипсипила. Ясона с его товарищами женщины встретили с подозрением, в доспехах и с оружием...

«Гипсипила надела доспехи отца и возглавила рать, страшная очарованьем».

Но когда стало ясно, что аргонавты не имели плохих намерений, молодая царица рассказала горестную повесть.

Лемнос, по ее словам, стал жертвой вторгшихся врагов, перебивших на острове всех мужчин. Рассказ должен был пробудить не подозрения, а жалость в сердцах греков, которых пригласили остаться на острове и занять место убитых. Правда, однако, состояла в том, что мужчины Лемноса были убиты собственными женщинами, и кару эту на них навлекло пренебрежение богами. Забытая женщинами Афродита отомстила им, сделав отвратительными для мужей и любовников, которые принялись искать утешение на стороне и стали привозить девушек-рабынь с материка. Разгневанные подобным оборотом событий женщины перебили всех мужчин и рабынь, а потом взяли за оружие, подозревая, что слухи об их деянии широко разошлись по свету, и мужчины соседних стран вот-вот нагрянут, чтобы наказать их. Виноватые в убийстве жены и дочери сначала увидели в прибывших аргонавтах опасность, а потом, когда стало известно, что те не имеют враждебных намерений, источник надежды; и поэтому женщины постарались сделать все возможное, чтобы заставить отважных мореходов забыть цель своего похода. Однако после небольшой

задержки аргонавты уплыли прочь и, миновав Геллеспонт, пробирались по Эвксинскому Понту, разумным образом — «избегая берега амазонок, чтобы Фемискира по знаку тревоги не собрала вооруженную рать».

Такова была репутация этих женщин, которых боялись сильнее армий, могущественных царей и волшебных чар, с которыми предстояло встретиться Ясону и его товарищам. О другом скоротечном морском походе нам рассказывает Геродот, который, повествуя о Савроматии, говорит, что после битвы при Термодоне, представлявшей собой вторую энергичную попытку греков отогнать народ женщин-воительниц, Геракл нагрузил три корабля пленными амазонками. Эти корабли отбились от флота, и на пути в Грецию через Босфор пленницы взбунтовались и перебили охрану и мореходов. Победа эта могла дорого обойтись им, поскольку, разделавшись с моряками, женщины обнаружили, что ничего не понимают в морском деле, и отдали корабли на волю стихий. Суда унесло на север, и, миновав опасные проливы, они достигли Меотийского озера (Азовского моря), омывавшего подножие неких, так и оставшихся неизвестными «белых утесов». Выбравшись на незнакомый им берег, женщины захватили первый же попавшийся им косяк коней и, обретя привычное средство передвижения, принялись обследовать окружающую страну. Они напали на ничего не подозревавших скифов, грабя и убивая направо и налево. Скифы не могли понять, откуда на них свалилась такая напасть: одежда, язык и все прочее было им незнакомо. В свой черед амазонки приняли бритых местных жителей за отряды молодежи. Однако в сражениях некоторые из амазонок пали, и когда стала известна истина, мужчинам показалось недостойным изгонять захватчиц силой оружия, и они придумали тонкую и полную поэзии хитрость. Они выслали наблюдать за незваными гостями легковооруженных юношей. Став лагерем на некотором расстоянии от стоянки амазонок, те следили за каждым движением женщин-воительниц с почтительного расстояния, случай стал время от времени сводить представителей обоих отрядов вместе; юноши делали все возможное, чтобы подчеркнуть свои мирные намерения, постепенно передвигая свой стан поближе к ним. По инициативе молодых людей начались свидания, и, наконец, женщины-воительницы, поняв, что беды отсюда можно не ждать, отбросили осторожность, и результат, которого не могла добиться скифская доблесть, был без всякого труда достигнут бесштаным и незрячим мальчишкой с его невидимыми стрелами. Недоверие уступило место любви, оба стана смешались, и женщины скоро овладели местным языком. После этого молодые люди собрались отправиться домой и зажить как подобает — они уже не желали других жен, кроме амазонок. Однако на это предложение их подруги ответили: «Мы не сумеем ужиться с вашими женщинами, так как наши обычаи во всем отличаются друг от друга. Мы умеем натягивать лук, бросать дротик, скакать на коне, а о женских трудах нам ничего не известно. Ваши женщины, напротив, ничего подобного не умеют, но остаются дома в своих повозках, занимаясь женскими делами, и никогда не выезжают на охоту или на рать. Мы не найдем согласия с ними!» Они предложили молодым людям вернуться к родителям и попросили выделить им долю наследства, достаточную для того, чтобы зажить своим кочевьем. Юноши согласились на это и, вернувшись с добром, выделенным им мудрыми отцами, предложили его странным женщинам. Тогда амазонки сказали, что им стыдно оставаться в этой стране, поскольку, не удовлетворившись грабежом и убийством, они похитили сыновей у отцов: чтобы жить в мире, им всем надлежит куда-нибудь перебраться.

Согласие на это также было получено. Переправившись через Танаис, они удалились на север — на три дня пути от реки, а потом еще три дня ехали в том же направлении. Отсюда нетрудно понять, что первый лагерь располагался на территории нынешней Европы, но потом новое племя передвинулось на северо-восток.

Геродот добавляет: «Женщины савроматов с того дня и до нынешнего продолжают соблюдать свои древние обычаи, и часто охотятся на конях вместе со своими мужьями, а иногда и в одиночку, а во время войны выходят на поле боя, одетыми в ту же самую одежду, что и мужчины». Об этом народе много сообщает и Плиний. Однако под нашими ногами находится более твердая почва, и нам легко видеть, каким образом чудесное выросло из

естественного. Бесспорно, это сообщение Геродота опровергает экстравагантное убеждение, исповедуемое некоторыми историками, убежденными в широком масштабе завоеваний амазонок. Дело в том, что Меотийское озеро находится не слишком далеко от Фермодона, а, насколько мы можем видеть, Геродот представляет как совершенно незнакомые друг другу что едва ли могло быть, если следовать изложению Диодора Сицилийского или Аполлония Родосского и многих других представителей риторских школ. Впрочем, какое-то основание для подобного утверждения существовало, ибо не бывает дыма без огня.

Не следует удивляться долгому существованию самых разнообразных преданий об амазонках. Упоминания о них в самых разнообразных местах присутствуют на страницах хроник и географических трудов. Юстин утверждает, что когда Александр Великий находился в Гиркании, его посетила Фалестрида, царица амазонок, явившаяся во главе отряда из 300 всадниц, двадцать пять дней находившегося в дороге по населенным и опасным странам, чтобы испросить какие-то привилегии у македонского завоевателя. Она провела вместе с Александром тринадцать дней, а после возвращения в свою страну быстро скончалась, унеся в могилу прежнюю славу своего народа. Квинт Курций приводит еще больше подробностей, однако Арриан утверждает, что Фалестрида, прибывшая, по его данным, в компании 100 амазонок, вооруженных двухсторонними секирами и полулунными щитами, была прислана Александру в качестве дара сатрапом соседней области. Арриан цитирует с осторожностью, и заявляет, что если эти женщины действительно прибыли в стан македонцев, то едва ли были прежними знаменитыми амазонками, в чем с ним охотно соглашались другие историки, хотя многие из них и сомневались в реальности упомянутого события. Плутарх утверждает, что Клитарх, Поликрит, Онесикрит, Антиген, Истер и еще несколько авторов выдают эту историю за подлинный факт, в то время как Аристокл, Харес из Фсангелы, Птолемей, Антиклид, Филон Фиванский, Филипп из Феангелы, Гекатей Эритрейский, Филипп Халкидский и Дурис Самосский видели в эпизоде чистой басни. Он сообщает, что Лисимах, осмеивая эту историю, прочтенную ему Онесикритом, со смехом спросил: «Хотелось бы знать, где тоща находился я?» Плутарх считает определяющим это свидетельство одного из ведущих сподвижников Александра, который должен был присутствовать при событии подобного ранга.

Хотя об участии в сражениях вооруженных женщин можно слышать еще долго после походов Александра, сами греки теперь говорят об амазонках очень мало. Многие из поздних греческих авторов рассматривали все сказания о них как миф, место которому среди преданий о гигантомахии, горгонах, кентаврах и так далее; что, вероятно, верно... То есть их следует рассматривать как символическое преувеличение некоторых определенных, известных исторических фактов. Эти позднейшие авторы обвиняли Страбона, Геродота и Плиния в доверчивости к легендам. Во всяком случае, в отношении Страбона это нечестно. Вне сомнения, он мог многое рассказать об амазонках, местах их расселения и подвигах, однако в своем труде он выступает просто как репортер, фиксирующий мнения других авторов и местные предания. В его собственном отношении к нашей теме сомневаться не приходится, поскольку существует вполне откровенный пассаж: «В повести об амазонках кроется некоторая странность. В прочих рассказах сказочная и историческая части не смешиваются. Древнее, ложное и чудесное называется сказкой. Однако предметом истории является истина, старинная она или новая, и истина эта или отвергает или изредка признает чудесное. Однако в отношении амазонок древние и современные авторы рассказывают одно и то же; факты эти чудесны и невероятны. Ибо кто способен поверить в существование чисто женского войска, города, племени, способного жить без мужчин? И не просто жить, но вторгаться на территории других народов, и захватывать земли, находящиеся рядом с ними, продвигаясь до современной Ионии, и даже посылать войска через море — в Аттику?» Плутарх, как мы уже видели, не доверявший рассказу о посещении Фалестридой Александра, тем не менее, не принадлежит к тем, кто сомневается в существовании государства амазонок, в чем можно, в частности, убедиться по тому, как он излагает жизнь Тесея. И если мы без особых сомнений можем отнести Квинта Курция и Диодора

Сицилийского к числу романистов, изложение событий в манере Страбона и Геродота заставляет нас не торопиться с вынесением поспешного суждения и направляет к более глубокому изучению загадочной темы.

Как у писателей, так и у художников не существовало особенных разногласий в отношении одежды и вооружения амазонок. На ранней стадии их истории это был короткий хитон или туника, перехваченная на талии знаменитым поясом так, что она редко доставала колен, верхняя часть ее скалывалась на левом плече, оставляя открытой правую грудь. Однако в более поздний период одежда делается более пышной и приобретает плавные очертания, что, вероятно, является следствием перехода от пешего боя к конному. Говорят, что самые ранние из хитонов представляли собой всего лишь шкуры убитых на охоте зверей. Страбон особо упоминает о том, что «они делают шлемы и одежды для тел и пояса из шкур диких животных». Конечно, сыромятные кожи использовались во всех временах и местах, по той простой причине, что предполагали некоторую защиту от дротиков и другого оружия; поэтому использование шкур диких зверей азиатскими амазонками и змей африканскими женщинами просто указывает на то, что могущество их оформилось в тот период, когда они находились еще на варварской стадии развития. Тем не менее в изобразительном искусстве, за возможным исключением некоторых примитивных керамических изделий, одежда явно имеет вид тканой. В качестве оборонительного вооружения амазонки наделяются низкими нагрудными панцирями, иногда, на поздних образцах, царицы облачены в кирасы, украшенные изображением Медузы. Нижняя часть тела защищена пластинами в виде юбочки. Поножи прикрывают спереди их ноги, головы покрыты шлемами. Шлемы сначала принадлежат к типу Минервы, они высокие, снабжены защитным гребнем и плюмажем. Потом они становятся более легкими и форма их следует форме головы, а после восточных походов уступают место высоким кидариям или подобиям фригийских колпаков, иногда с остриями над ушами и на шее. К поножам добавляются сандалии, охватывающий лодыжку ремешок со шпорами, а в случае отсутствия поножей шнуровка сандалий может подниматься до половины голени. Иногда мы видим амазонок, как на интересном фрагменте терракоты из Коллекции Таунли в Британском музее, оплаченными в короткие хитоны и высокие сапоги с отогнутыми поверху голенищами, украшенными спереди изображениями львиной морды, и загнутыми вверх носками, что свидетельствует о восточном влиянии. На лучших произведениях искусства ноги амазонок неприкрыты и босы, на них виден лишь ремешок со шпорами. После завоеваний во Фригии и походов на Персию, мы видим амазонок в персидских одеждах, состоящих из тесной облегающей туники и штанов, высоких сапог и либо облегающих голову шлемов, либо кидариев. Щиты амазонок, носящие название пельта, невелики, и либо имеют форму полумесяца либо изображены с двойным полумесяцем. При этом внешний край щита описывает почти полную окружность, в то время как внутренний вогнут, образуя две кривых и три вершины; однако часто мы видим полный круг. Все эти три формы рассматривались в качестве лунных эмблем.

Наступательное вооружение амазонок состояло из лука и стрел, дротика, копья и длинной пики. Последняя являлась просто приспособлением метательного оружия к нуждам ближнего кавалерийского боя. Характерным оружием для них являлся двусторонний топор, которому многие авторы приписывают символическое значение. В нем, вне сомнения, видели эмблему власти — первоначально божественной — и рассматривали как аналогию двойного громового перуна. В качестве оружия эта двойная секира имеет азиатское происхождение и, похоже, была принесена в Малую Азию страшными воинами хеттов. При первых столкновениях с восточными народами это оружие вызывало ужас в рядах греков и римлян. Квинт Смирнский пересказывает предание о том, что Геракл, похитивший священную двустороннюю секиру у царицы амазонок, отдал ее Омфале, царице Лидии. Утверждают, что подобный боевой топор являлся эмблемой царской власти вплоть до дней Кандавла, последнего из Гераклидов. В преданиях об амазонках мечи упоминаются лишь изредка, что свидетельствует об их крайней древности, или же, по меньшей мере, верности примитивным обычаям. Об умении женщин-воительниц владеть луком и стрелами

складывались легенды. Дротики их летали с быстротой взгляда или даже мысли, и солдаты Марка Красса в куда более поздние времена рассказывали о «странной разновидности стрел», которые использовали против них парфяне. Оружие это, по мнению потрясенных римлян, летало «быстрее молнии и поражало цель едва ли не раньше, чем было выпущено из руки». Далеко натягивая тетиву, варвары посылали свои стрелы с такой скоростью, что пронзали легкие панцири, а, попадая в конечности врагов, прибавляли их ноги к земле, а руки к щитам. Почти то же самое нам рассказывают о женщинах-воительницах, ибо от их оружия не было защиты, кроме пропитанной магией шкуры Немейского льва или не менее волшебного щита, защищавших соответственно Геракла или Ахиллеса.

Поначалу, в соответствии с источниками, амазонки пользовались тактикой, присущей в древности скифам и парфянам, и вели сражение издали, как, в сущности, поступали в ранние времена почти все варвары. Быстрый бросок вперед сопровождался ливнем стрел и дротиков. Затем следовало не менее стремительное отступление, которое, однако, было опасно для врага, как их нападение, поскольку этот стратегический маневр прикрывался многочисленными стрелами, выпущенными на полном скаку через плечо или в полоборота. Цель находила едва ли не каждая стрела. Как говорит Плутарх о парфянах и скифах: «Это действительно превосходная уловка, поскольку они спасают себя отступлением, но, не прекращая сражения, избавляются от бесчестия». Подобное бегство и наступление сменяли друг друга в боевом танце как тактический прием, в котором быстрота и непредсказуемость перемещения играли решающую роль. Рассказывают, что кроме труб они наступали под звуки систров⁴, как в какой-то не то варварской, не то священной пляске, под раскачивающимися на шлемах плюмажами, и со страшной головой медузы на щитах предводителей. По мере расширения масштаба завоеваний наблюдается частичный отход от тактики быстрых наступлений и бегств, которая подкрепляется планомерным наступлением с использованием копья и двустороннего топора как оружия ближнего боя. Однако, как мы уже говорили, азиатские амазонки редко применяли меч. С ранних времен конь стал спутником юных воительниц, и владение ими искусством верховой езды заслуживало восхищение всех тех, кому оно не вселяло ужас. Конница амазонок всегда была легкой, лошади практически обходились без упряжи, ограничиваясь простой уздечкой, и стихией ее являлись быстрые маневры. Сидя на коне, амазонки пользовались луком, стрелами и дротиками, а также копьем и топором. Отступая, они пускали стрелы назад, и даже делали сальто на спине животного, чтобы находиться при этом лицом к врагу. Такими изображали амазонок художники. Скульпторы также донесли до нас изображения трюков, вполне совместимых с тактикой варваров. Таким образом, греки подчеркивали происхождение воительниц, родиной которых являлись бескрайние степи. Кроме того, как нам рассказывают, что, бежав с кораблей Геракла, высадившись на сарматском берегу и превратившись в прекрасных кентавров женского пола, они без промедления напали на ничего не подозревающих местных жителей.

В трудах некоторых авторов можно найти короткие упоминания о боевом применении амазонками сетей, набрасывавшихся на врагов, которых после удавливали арканами или добивали копьями. Вне сомнения это украшение и без того живописной легенды рождено поэтической метафорой, символизировавшей либо попадание в сети женских чар, или коварные охватывающие передвижения гибких воительниц, стремившихся обойти врага, но быстро отступавших, чтобы возобновить атаку. Все войско превращалось в гибкую сеть, из которой не было выхода, которую нельзя было вспороть или разрезать. Нам известно, что варвары-гладиаторы (вооруженные трезубцами ретиарии) выступали на арене с сетями, однако об использовании таковых в боевых действиях свидетельств не осталось. С другой стороны, сети и узловатые веревки широко использовались богами и сверхъестественными созданиями из большинства мифологий мира в борьбе между собой или с человеком, тесно связывая этот процесс с чарами и магией.

⁴ Трещотка в виде скобы с металлическими пластинками.

Такие подробности дошли до нас из второстепенных произведений изобразительного искусства и литературы. Отмечено, что в лучших аналогах греческой культуры амазонки всегда изображаются в приятной простоте, наряд их обыкновенно ограничивается короткой рубашкой; руки, ноги, голова и часть груди обнажены, хотя более поздние скульптуры иногда представляют нам этих женщин в длинном, спускающемся ниже колена хитоне, из-под которого выглядывают сандалии. Существует немного свидетельств об использовании ими другого защитного оружия, кроме сравнительно редкого практикования шлемов и небольших щитов. Оружием их остаются лук и стрелы, копье и двулезвийный топор. Признаки усложнения наряда наблюдаются лишь во второстепенных работах. Вне сомнения, эта заученная простота во многом являлась следствием желания отобразить крайнюю давность происходивших сражений; аналогичным образом и греческие воины фигурируют или полностью обнаженными или в весьма скудной одежде, хотя головы их венчают роскошные шлемы, а в руках блистают великолепные щиты.

Глава 4. АМАЗОНКИ В ДАЛЕКОЙ АЗИИ

Амазонки, портреты которых донесли до нас греки, во всяком случае, во всей полноте их развития, относятся к Малой Азии, можно даже сказать точнее — к Понту. Однако существовали предания об их походе и на Дальний Восток. Сама идея существования женщин-воительниц имеет очень широкое распространение.

Что касается амазонок, обитавших на Фермодоне, в то время как многие считали, что остатки Фемискирского воинства удалились за Танаис, то существовали долгие и упорные слухи о том, что они нашли убежище в твердых горах Кавказа, а оттуда ушли в Персию, Тартарию и далее на восток. Так, например, некоторые из тех, кто описывал визит Фалестриды к Александру, когда он находился в Гирканни, предполагали, что она принадлежала к азиатской ветви амазонок, вышедшей с Кавказа, когда племя направилось на восток. Однако чем дальше мы двигаемся в этом направлении, тем сложнее становится различить результаты миграции племен и легенд.

Горы и леса, похоже, являлись любимым убежищем амазонок, а просторные аллювиальные равнины местами их укрепления и могущества! Однако мы сталкиваемся и с распространенной тенденцией помещать их колонии на островах. Вне сомнения в первую очередь из-за их удаленности, хотя, как мы попытаемся доказать, во многом благодаря более или менее четким наблюдениям, часто испорченным слишком поспешными выводами. В то время когда первые португальские путешественники и их конкуренты помещали колонию таких женщины на Сокотре или других островах возле юго-восточного берега Африки, Марко Поло, венецианский путешественник, писавший в конце тринадцатого столетия, сообщает нам о некоторой паре земель, находящихся возле берега Индии. Он утверждает: «Когда вы покидаете королевство Кесмакоран (Мекран), расположенное на материке, то проходите по морю примерно 500 миль на юг, и там обретаете два острова, Мужской и Женский, разделенные тридцатимильным проливом. Все жители его — крещеные христиане, однако следуют заповедям Ветхого Завета: пока их жены находятся в тягости, они не подходят к ним, пока те не разрешатся от бремени, а потом еще сорок дней. На острове, который носит название Мужского, живут одни только мужчины без жен или каких-либо других женщин. Каждый год, когда наступает месяц март, все мужчины отправляются на другой остров и проводят там три месяца, — а именно, март, апрель, май, — разделяя при этом общество своих жен. По прошествии трех месяцев они возвращаются на свой собственный остров и следующие девять месяцев занимаются сельским трудом и торговлей... Что касается детей, которых рожают им жены, то девочки остаются вместе с матерями; мальчики же проводят с ними четырнадцать лет, а потом матери отсылают их к отцам. Таковы обычаи двух островов. Жены не делают ничего, только вынашивают детей и собирают те плоды, которые вырастают на острове, ибо мужья обеспечивают их всем необходимым». Все это самым резким образом контрастирует с общественной организацией, обыкновенно приписываемой амазонкам. Вместо женщин активно занимавшихся войной и готовящихся к ней, мы видим здесь мирное общество, так что вся повесть кажется нам едва ли чем-нибудь большим, чем преувеличение обыкновенных фактов.

Мы узнаем, что эти люди питались мясом и рисом; что на побережье их земель выбрасывало много амбры; что мужчины там были превосходными рыбаками; и, наконец, то, что они жили на далеко отстоявших от берега островах. В подобных условиях мужчины небольшой общины почти неизбежно должны были проводить значительное время вне дома, занимаясь выращиванием риса, рыбной ловлей и меновой торговлей, и тогда остров населяли в основном, если не полностью, женщины и дети. Кроме того, возможная приверженность к Ветхому Завету (Марко Поло утверждает, что на островах находился епископ, подчинявшийся архиепископу Сокотры, где христианство вне сомнения было сродни коптскому исповеданию), или к какому-либо аналогичному языческому обряду, дают нам абсолютно разумное толкование всей истории. Сегодня мы можем легко обнаружить бесчисленные «дуальные» колонии, соответствующие этому описанию в те сезоны, когда

местная индустрия заставляет пошевеливаться местных жителей. Однако рассказанная венецианцем история стала источником многих былей, долгие годы будораживших обожающий чудеса мир.

Следует признаться, что Марко Поло просто в той или иной форме подхватил и развил чрезвычайно древнюю легенду. Хун Цан (Hiuen Tsang) является одним из наиболее известных рассказчиков подобного рода. Он был китайским буддийским священником, проведшим пятнадцать лет своей жизни — между 629 и 645 годами н. э. — в паломничестве по Индии. Вероятно, его следует считать величайшим среди путешественников, посетивших эту страну и записавших свои впечатления; он пересек Индию от Кабула до Кашмира, до устьев Ганга и Инда, от Непала до Канчипура, что возле Мадраса. От путешествия на Цейлон его удержали только волнения на острове, начавшиеся после смерти короля. Хотя Хун Цан и не побывал на Цейлоне, он приводит любопытный рассказ о ранней истории острова. Хронист сообщает, что в давние времена на материке родились некий мальчик и девочка, причем мать их была принцесса, а отец — лев. Подобное имя в данном случае может свидетельствовать о связи между дочерью раджи и вождя лесного, занимающегося разбоем, народа. После многочисленных приключений, которые едва ли способны заинтересовать нас, если не считать убийства этого человека-льва собственным сыном, юношу и девушку, посаженных в лодки, волны унесли в разные стороны. Молодой человек высадился на Цейлоне, настолько богатом драгоценными камнями, что впоследствии он носил имя Острова Самоцветов. Сестра оказалась на суше в другой части Цейлона, где обитали злые духи, и произвела от них 500 дочерей — ракшас и демониц, питавшихся человеческим мясом. Все дети были чрезвычайно хороши собой и обитали в великолепной крепости из железа. Над ней был вывешен волшебный флаг, свободно реявший по ветру, когда его обитательницам предстояла удача, и поникавший, когда им грозила беда. К этому замку, увенчанному знаком пиратства, женщины-чародейки привлекали мужчин, которые после короткого и обманчивого в своей приветливости приема неизбежно попадали в подземелья крепости, где им оставалось только ожидать своей очереди оказаться в качестве блюда на столе возлюбленных.

Однако пришел печальный день, когда ракшас привлекли в свой великолепный замок группу богатых купцов. Ни о чем не подозревавшие мужчины исполняли назначенную им роль, не ведая собственной участи. По счастливой случайности предводитель торговцев отправился бродить по замку, и оказался вблизи темного уголка, где его внимание привлекли горестные жалобы. Занявшись расспросами, он с ужасом узнал, что подземелья эти были полны мужчин, некогда развлекавшихся с этими женщинами, но теперь ожидавших самой горестной расплаты. И все же надежда для свободных еще оставалась. Узникам стало известно — увы, слишком поздно, — что на морском берегу обитает божественный конь, который, если его упросить, может переправить страждущих на материк. Не теряя ни мгновения, купец собрал своих спутников, и все они, обратившись лицом к берегу, принялись молить коня о помощи. В результате явилось коневидное божество и, приказав держаться за его гриву и ни в коем случае ни оглядываться, погрузилось в море вместе со всеми купцами на спине. Спасение пришло как раз вовремя, потому что женщины, осознав, что *лишились* компании, бросились к краю воды и принялись громкими голосами звать своих любовников назад. Увидев, что просьбы их остаются без ответа, они взяли на руки младенцев-сыночек и, вопя и стеля, поднялись на воздух, чтобы преследовать беглецов, и, наконец, высадились там же, где это сделал и конь. Однако на материке они оказались бессильными, мужчины остались глухими к их просьбам и слепыми к чарам. Тогда царица полетела прямо к дому главного среди купцов. Она рассказала там скорбную повесть о своем браке с драгоценным наследником этого дома; о его отправлении в неведомые земли и вести о его кончине; о своем отчаянном положении. Возрыдав о страданиях сына, родители купца пожалели ракшасы и предоставили ей свой кров. Потом вернулся домой и сам купец и, не желая слушать обманщицу, выставил ее вон. На дом после этого немедленно обрушились несчастья. Царь того края, услышав о дивной красе таинственной женщины, пригласил ее в

свой дворец и обрушил свой гнев на несчастного негодника. Всех участников повествования стали преследовать разнообразные горести, и царство пришло в упадок. Когда казалось, что худшего уже быть не может, божественный конь явился самому царю и поведал тому, какое создание он укрывает. Ракшасы схватили, собрали огромную рать и отправились на Цейлон. Демоницы — сдавшиеся в отчаянии, когда их волшебный флаг совершенно поник и обвился вокруг древка — были уничтожены.

Более ранний китайский пилигрим, Фа Сянь (Fa Hsien), также буддийский священник, прожил в Индии четырнадцать лет и вернулся домой только в 413 году н. э.; посетив Цейлон, он назвал остров Страной Львов, что интересным образом напоминает нам предшествующую легенду. До слуха Фа Сяня также донеслись отголоски легенд доисторического периода, и он сообщал, что остров первоначально был населен «бесами, духами и драконами». Но даже в те ранние времена, предшествовавшие явлению Будды, купцы с материка торговали с нечестивыми туземцами, хотя бесы и духи не являлись им лично. Принятый метод торговли был более тонок, чем на наших рынках, так как туземцы доверчиво выкладывали свой товар на берегу, выставя определенную цену за каждый предмет или их груды, а купцы, отобрав нужное, оставляли назначенную цену и отбывали восвояси. Словом, демоны вели себя вполне пристойно, и проявляли свою бесовскую натуру только в том случае, если лукавый индус или представитель того народа, что предшествовал им, нарушал установленные правила. Относительно более цивилизованные жители материка видели в чернокожих аборигенах маленького острова явную нечистую силу, однако не брезговали взаимовыгодной торговлей с ними. Иной способ ее организации был невозможен из-за крайней дикости и застенчивости лесного и горного люда, бродившего по своему острову и становившегося грозным, только когда с ним обращались несправедливо или грабили. С другой стороны, женские чары вполне могли воздействовать на путешественников, и приписываться ими впоследствии волшебству. Так вся повесть могла принять живописную и полную чудес форму, которую донес до нас Хун Цан.

Упомянутые цейлонские ракшасы, хотя и имеют местное происхождение, представляют собой всего лишь разновидность женщин-вампиров, часто встречавшихся в сказочных, вымышленных краях. Представителями их можно считать Цирцею и сирен, аналогии которым можно найти в Нордической и Тевтонской мифологиях. О ранних восточных походах Фемискирских амазонок нам рассказывает легенда о Дионисе, многоликом геро-боге, символизировавшем весеннюю пору и сельский труд, а более всего изобилие вина. Следует помнить, что этот «дваждырожденный» бог, как его называют поэты, вырос в Никее, пришел на помощь отцу Зевсу в его войне с Кроном и титанами и внес долю в его победу — причем, как утверждают некоторые, — не без помощи доблестных амазонок. С ними вместе он прошел через Азию до Индии, а на обратном пути продолжил свои завоевания в Египте. Дионис ранних греческих сказаний представлял собой симпатичного юношу. Потом мы видим его уже в облике прекрасного героя, прославившегося в восточных походах и вернувшего людям вино, погибшее во время Девкалионового Потопа. Там, куда приходил он, там, где его принимали, воцарялось процветание. Охранявшие его амазонки явно символизируют более жестокий аспект легенды. Вне сомнения именно эта стадия развития мифа была зафиксирована многими наблюдательными путешественниками по Индии. Например, Нибур⁵, описывая изваяния, покрывающие высеченные из камня храмы Элефанты, замечает: «У одной из женщин изображена только одна грудь. Это явным образом свидетельствует о том, что легенда об амазонках не осталась неизвестной стародавним жителям Индии». Он приводит в своей книге изображение этой предполагаемой амазонки, подобные которому можно обнаружить по всей Индии — там, где ощущается влияние брахманов. На самом деле это не амазонка, но могущественный Ардха-наришвара, символизирующий союз «увенчанного луной» бога Шивы и женского принципа Умы или его жены Парвати. Многочисленные повести, наполненные глубоким философским

⁵ Карстен Нибур (1733–1815), немецкий путешественник.

содержанием, рассказывают нам об этой двойной личности, утверждая, что подлинная жизнь не может быть односторонней и оба пола взаимосвязаны. Эта проповедь в камне повествует о жизни и терпимости, и посему прямо противоположна тому предостережению, которое несет в себе первоначальный вариант мифа об амазонках; он также отличается от имеющегося у талмудистов предания о том, что Адам сперва являлся существом гигантского размера с признаками обоих полов, устранившим даже ангелов. Обе восточные аллегории повествуют о единстве природы, хотя следуют при этом разными дорогами. Тем не менее соединенная и раздельная индийская мистическая пара не лишена присущей брахманизму мрачности, поскольку она символизирует великие природные и сверхъестественные силы в их неизмеримо глубоком взаимодействии. Шива — этот «тот, от кого прирост» (увеличение, процветание), «он является обладателем восьми форм» — то есть этот бог представляет собой персонификацию земли, воды, воздуха, огня, эфира, солнца, луны и жертвоприношения, а Парваги символизирует универсальную богиню природы. Священные писания индуистов утверждают, что Шива и Парвати находились в одном теле, соединенные столь же неразрывной связью, как *слово* и его *смысл*.

В соответствии с одной из Пуран, Ардханаришвара вышел «в полном вооружении», подобно Афине Палладе, из нахмуренного чела Создателя Брахмы, который приказал Шиве и Парвати разделиться и обрести самостоятельное существование. В другой из пуран указывается, что после брака Шива и Парвати обитали на горе Кайласа, где жена следила за домом, а божественный супруг добывал средства к существованию семьи, прося подаяние. Однако Шива слишком увлекался курением дурмящих трав и пренебрегал заботами о семье, посему Парвати, как следует отчитав его и отправив просить подаяние, перебралась с детьми к своему отцу Гималаи). Однако, раскаявшись в своем намерении, она приняла облик богини пищи Аннапурны и заклала пищу во всех домах, куда мог обратиться Шива, так что ему пришлось вернуться домой с пустыми руками. Когда приунывший и голодный Шива вернулся домой, Парвати встретила его радостной улыбкой и наделила едой. Тогда он обнял ее, и они соединились. Вне зависимости от варианта повествования, смысл его заключается во взаимной терпимости и взаимосвязи полов.

На изваяниях Элефанты различия полов особенно подчеркнуты — с истинно восточной любовью к преувеличениям. Правую сторону пятиметрового изваяния составляет изображение Шивы, левую — Умы. Каждая из половин обладает парой рук. Задние руки Шивы держат один из его наиболее почитаемых символов, раздувшую капюшон кобру, в то время как другая почитает на голове священного быка Нанди. Доктор Уилсон убежден в том, что изображен здесь не одомашненный буйвол, а обитающий в лесу дикий *bos gavoeus*, что в достаточной мере доказывает древность этих изображений или их прототипов. Головная повязка бога как всегда высока и обильно украшена. Справа находится полумесяц, из-под шапки ниспадают волосы; слева две тяжелые пряди опускаются на плечо Умы, волосы которой показаны серией аккуратных кудрей. Ума держит в руке небольшое зеркало, которое Нибур в компании проникнутых идеей греческого влияния ученых ошибочно принял за небольшой круглый щит. Женственная сторона Ардханаришвары, таким образом, непосредственно связывается с мирным образом жизни, а не с войной или властью.

Любопытно, что латиняне, жившие в третьем столетии нашей эры, обладали более верным описанием этих изваяний, чем располагали мы в XVIII веке. Сохранившаяся часть утраченного трактата Порфирия⁶ «*De Styge*» повествует о беседе с некими индийцами, пришедшими в Сирию во время правления Гелиогабала. Эти путешественники поведали об огромной естественной пещере, находившейся в крутой горе. «А еще, — сказали они, — в этой пещере находится статуя высотой в десять — двенадцать локтей. Она стоит прямо, и руки ее распростерты в виде креста. Правая сторона лица принадлежит мужчине, а левая — женщине. Равным образом правая рука, правая нога и вся правая половина тела принадлежат мужчине, а вся левая — женщине; увидев ее, можно удивиться тому, как несовместимое в

⁶ Греческий философ-неоплатоник.

двух сторонах тела соединяется воедино. Говорят, что на правой стороне этой статуи вырезано солнце, а на левой луна; а вдоль по рукам искусно изображены ангелы и все, что существует во вселенной, — то есть, небо, горы и морс, река и океан, растения и животные, иначе говоря, все, что было сотворено в ней. Говорят, что эту статую Бог дал своему Сыну, когда тот творил мир, в качестве модели». Индусы также уверяли, что изваяние это летом потеет, жрецам приходится овеивать его с помощью опахал; однако не следует забывать, что первоначально статуя была раскрашена в черный или синий цвет справа, а слева в алый, желтый и белый, и, возможно, наблюдавшееся явление имело какое-то отношение именно к окраске. Ангелы и прочие изображения находятся не на статуе, а позади нее. Расхождение это, как и несколько других неточностей, вполне могло стать следствием какого-то непонимания со стороны лиц, проводивших расспросы. Однако приведенные детали явным образом указывают на Элефанту, и если это действительно так, мы получаем подтверждение значительно более ранней даты создания изваяний, чем X или даже VIII века, к которым приписывают их современные знатоки индийских древностей. Можно видеть, что прибывшие из Индии пилигримы сумели предоставить своим римским собеседникам истинное представление о религиозном и природном характере этих изображений, не имевших ничего общего с амазонками. Тем не менее воинственные женщины были отлично известны и в Индии. Мы узнаем о них из греческих источников, связанных с Мегафинеем, побывавшим здесь примерно в 300 году до н. э. После кончины Александра в Вавилоне, одним из его полководцев, стремившимся завладеть властью над Востоком, узурпированной великим Македонцем, был Селевк Никатор, в итоге сделавшийся повелителем Вавилонии, Бактрии, а также Западной и Центральной Азии. Однако, дойдя до Индии, он обнаружил перед собой сопротивление в лице могущественного местного правителя, который, изгнав греческих и прочих иноземных наместников, принял имперскую власть, поместив свою столицу в Паталипутре (современной Патне). Этот индиец, которого местные жители знали под именем Чандрагупта Маурья, а греки называли Сандрокотосом, по отцу происходил из древнего царского рода, правившего на севере Индии. Однако мать его, а, следовательно, и он сам, принадлежали к низшей касте. Несмотря на это в сердце его жила преданность царским традициям, и он старался возродить старинные обычаи, противопоставляя их принесенным греками нововведениям. Получив отпор, Селевк отправил Мегафинея своим посланцем в Паталипутру. Сохранившиеся отрывки из его груга позволяют нам взглянуть глазами чужеземца на Индию того времени и ее обычаи. Он сообщает, что Сандрокотос обитал в своем дворце в практической изоляции, окруженный внутренней охраной из вооруженных женщин. Винсент Л. Смит утверждает, что первый министр раджи Чанакья приказывал, чтобы «поднявшегося из постели государя окружало войско вооруженных луками женщин». Предание гласило, что при определенных обстоятельствах эти женщины имели право убить царя, и тогда убийца выходила замуж за его преемника. Эта личная охрана не оставляла властелина, когда он оказывался на людях. Когда он выезжал на охоту, раджу сопровождал внушительный отряд женщин, некоторые из них ехали в колесницах, другие верхом на лошадях и слонах, все были вооружены так, как если бы выезжали на битву.

Женская свита на охоте и охрана являются отражениями очень древних традиций, часто упоминаемых в местной литературе. Тэлбойс Уиллер в своем обзоре древних индийских пьес, указывает на то, что первое действие драмы *«Шакунтала»* (написанной Калидасой около 56 года до н. э., происходит в лесу, где появляется едущий в колеснице раджа, вооруженный луками и стрелами. Его окружают женщины, украшенные венками и гирляндами, но с таким же оружием в руках. Сэр Ричард Бартон упоминает о том, что местные князья, особенно те, чьи владения находились в Хайдарабаде и Декане, держали гвардию из вооруженных женщин, называвшихся урду-бегани — «лагерными командирами». Потом не следует забывать про Ранджита Сингха из Лахора, чью личную охрану составляли 150 амазонок, — самые очаровательные девушки, которых он сумел отыскать в Кашмире, Персии и Пенджабе. Богато одетые, вооруженные луками и стрелами

они ездили на молочно-белых конях. Представляя собой чисто парадное подразделение, они символизировали царскую стражу прошлых времен. Во дворце Лакнау находилась сильная стража из сипаев женского пола. Тот же самый обычай преобладал в Хайдарабаде, как мы уже говорили, до середины девятнадцатого столетия.

Путешественники оставили нам живые описания женских войск, нарядных в своих алых туниках, зеленых штанах и красных матерчатых шапочках, обшитых золотыми кружевами и украшенных зелеными плюмажами. Они были вооружены мушкетами и холодным оружием и подобно прочим войскам участвовали в парадах, под командованием мужчин. Нам не однажды приходится слышать об их пылком участии в дворцовых интригах и династических переворотах. Царицы-матери приводили к власти реакционные партии при помощи женщин-солдат. Случайные посетители дворца нередко ошибочно принимали мелких и изящных хайдарабадских девиц в их боевом одеянии за обыкновенных сипаев мужского пола, поскольку те старались держаться как мужчины. Вне сомнения эти вооруженные женщины занимались охраной гарема. Однако источник возникновения их отрядов находится в настолько далеком прошлом, что в данной связи уместно будет напомнить: раджа в прежние времена считался священным правителем и полубогом. Так Рамайна, похоже, записанная в пятом веке до Рождества Христова, но созданная существенно раньше, описывает приключения Рамачандры — воплощения бога Вишну, сына Дашаратхи, Царя Айодхьи. Он являлся потомком бога солнца, внука Творца Брахмы. А предком Пандавов, героев более Известной Махабхараты, являлся Чандра, считавшийся богом луны в Северной Индии. Особенно интересно отметить, что, хотя мы уже познакомились с повестью о колонии амазонок на Цейлоне, наиболее раннее и определенное упоминание подобного явления появляется в Махабхарате. Подобно более старшей Рамаине, эта эпическая поэма первоначально представляла собой собрание религиозных и династических преданий, в соответствии с вычислениями Монстюарта Элфинстона относящееся самое позднее к 1500 году до н. э. и повествующее о великих деяниях рода Бхараты, правителей арийского народа. Впоследствии, однако, брахманы превратили великую поэму в одну из священных книг, излагающих религиозное и нравственное учение, хотя в объемистом тексте до сих пор сохраняются описания древних ведийских и доведийских обрядов. Повествование начинается в городе Гастинапуре, расположенном на северо-восток от современного Дели в верхнем течении Ганга. В основном оно посвящено деяниям лишившихся своего царства Пандавов — законных владык, изгнанных собственным дядей благодаря интригам тетки. Возможно, основным из героев является младший среди Пандавов, Ар-джуна, особенно интересующий нас потому, что в Махабхарате приводится описание организованной им ашвамедхи или жертвоприношения коня. Мы воспользуемся анализом, проделанным Тэлбойсом Уиллером, поскольку он наилучшим образом соответствует поставленной нами цели. Некогда ашвамедха представляла собой религиозный обряд и вызов имперского масштаба. Над старательно отобранной раджей конем проделывались сложные религиозные обряды, текст вызова гравировался на прикрепленной ко лбу животного металлической пластине. В течение целых двенадцати месяцев коню дозволялось скитаться где угодно, а раджа со свитой следовал за ним. Если животное переходило на территорию соседнего государства, правившему там радже предоставлялся выбор: или захватить коня, поставить его в собственную конюшню и защитить силой оружия, или же, поймав его, вернуть кочующему вслед радже со всей подобающей покорностью, что означало признание вассальной зависимости. В том случае, если конь не стеснял себя в перемещениях и все складывалось удачно для выпустившего его раджи, в конце года животное с триумфом возвращали в столицу, где приносили в жертву богам — в присутствии покорившихся или побежденных раджей, вознося похвалы и воспевая хвалебные песни.

Из Махабхараты мы узнаем, что раджа Арджуна, совершив много отважных деяний и разнообразных жертвоприношений, решил совершить ашвамедху. Оставив Гастинапур, конь ведет отряд странными краями, через опасные приключения. Пятое из них начинается, когда

он вступает в страну, населенную только женщинами под предводительством рани Параминта. Обычай этой страны требовал, чтобы прекрасные ракшасы принимали мужчин, любезно развлекали их и удерживали при себе различными хитростями; но, если мужчина проводил здесь больше месяца (а у него было немного надежды ускользнуть от глаз бдительной стражи), его убивали. Привечавшие его красавицы совершали *samu*⁷ — в том случае, если оставались праздными. Таким образом, племя хранило свою молодость. Когда Арджуна, следуя за священным конем, вступил в эту страну, то оказался в весьма сложном положении. Обернувшись к сопутствовавшим его людям, он сказал: «Конь привел нас в удивительный край. Покорив этих женщин, мы не приобретем славы; но если потерпим поражение, позор наш окажется беспредельным. Более того, эти женщины обладают великой силой, и тот, кто проведет у них более месяца, может считать себя мертвецом. Но теперь они поймают нашего коня, и хорошо, если нам удастся выстоять против них». Пока, под влиянием дурных предчувствий, Арджуна пребывал в глубокой задумчивости, появилась блестящая кавалькада. Женщины-воительницы оказались невероятно красивыми, всем им было по пятнадцати-шестнадцати лет. Сидевшие на великолепных конях, они были пышно разодеты, украшены нитками жемчугов. В руках их были луки, а за плечом находились колчаны, полные стрел. Они немедленно поймали коня ашвамедхи и привели его к рани, которая приказала поставить коня в собственную конюшню и ходить за ним как за своим.

После, сидя на слоне, Параминта выступила из дворца в окружении собственной конницы. Увидев противника, она вскричала: «О, Арджуна, победивший стольких мужей, сумеешь ли ты теперь победить меня?» — и с этими словами выпустила одну-единственную стрелу с такой меткостью, что потрясенные мужчины застыли на месте. «Я сама возьму тебя в плен. Ты же должен забыть про свою неудачную ашвамедху, сделаться моим рабом, есть и пить со мной и проводить свое время в удовольствиях». «И все же, о, рани, если я останусь, меня ждет смерть», — ответил Арджуна. «В любом случае, у тебя нет выбора. Если ты станешь сопротивляться, то погибнешь от моих стрел; если же останешься, тебе придется предстать перед светом моих глаз». Арджуна признал себя побежденным, ибо, покоренный ее красотой и силой, он уже покорился любви. Тем не менее раджа воззвал к ее пониманию: вместе со своими людьми он не мог прекратить ашвамедху, обычаи объявленного жертвоприношения следовало выполнять до конца жизни. Он должен продолжить свое дело; а потом, если Параминта согласится приехать к нему в Гастинапур после его возвращения, женится на ней и найдет отважных мужей всем ее спутницам. На это рани ответила, что намеревалась перебить всех чужаков, однако произнесенные раджей слова обрадовали ее. Она была готова отпустить коня, и даже отправиться в Гастинапур, чтобы ожидать там славного возвращения Арджуны. С этими словами предводительница отбыла вместе со своей конницей и большим количеством слонов, груженных сокровищами, что, конечно, являлось актом подчинения в соответствии с правилами этой забавной воинской игры.

Излишне будет следить за приключениями отряда Арджуны до самого успешного завершения обряда, поскольку нас интересуют только те женщины, однако необходимо упомянуть в качестве одного из аспектов нашего исследования то, что конь привел скитальцев к лесу, в котором мужчины и женщины росли на деревьях, расцветая на день, а потом умирая, а также к земле змеепоклонников. Вполне возможно, что то племя женщин-воительниц имело некоторое отношение к странным обрядам и воинственным привычкам женщин народа наис, населяющего горные районы мала-барского побережья. Скорее всего оно указывает на предания о странном положении дел, характерном для растворяющегося в древности прошлого. Мы хотим подчеркнуть один момент: в отличие от греков, причислявших войны с амазонками к высшим подвигам своего оружия, индийский князь придерживается другого мнения, несмотря на то что страшится и силы и хитрости женщин. Возможно, брахманы подкорректировали эту историю, наделив ее моралью, свидетельствующей о том, что Арджуна избежал несчастья лишь потому, что устоял против

⁷ Ритуальное самоубийство.

искушения и предпочел ему выполнение религиозного долга.

И Рамаяна и Махабхарата описывают Индию как страну, в которой редкие города далеко отстоят друг от друга. Они разделены густыми лесами, населенными в основном двумя разновидностями людей: обитающими в уединении аскетами, накапливающими силу путем молитвы, соблюдающими строгие обряды и возносящими жертвоприношения; и злыми созданиями, противостоящими отшельникам, чародеями и в основном каннибалами. Многие из последних были женщинами-ракшаси, с которыми Рамс и Арджуне приходилось нередко воевать.

Епископ Эллинопольский Палладий в своем труде *«De Gentibus Indi»*⁸, пишет о другом положении дел, когда утверждает, что в долине Ганга племя браминов живет на одном берегу реки, а женщины их — на другом, причем мужья посещают жен в течение сорока дней в июне, июле и августе, но после рождения ребенка муж уже не возвращается. Здесь мы снова имеем дело с искаженным смешением двух явлений — долгих сезонных отлучек мужей и разделения полов во время определенных периодов, пусть не совсем связанных с физиологическими причинами, и следующих из этого религиозных наблюдений. О государстве, где мужчинами управляли женщины, можно узнать из намека, сделанного Хун Цанем, утверждавшим, что на северных границах Брамапутры он обнаружил королевство Кин-Чи («золотого семейства»), которым правила царица. Ее муж носил титул царя, но не правил. Мы остаемся в неведении относительно того, являлось ли это обычаем, или же просто следствием случайности, соединившей властную царицу со слабым мужем, однако китайский философ, похоже, видит в этом нормальное положение вещей.

Известия об островах амазонок приходят из еще более восточных краев. В *«Сказках 1001 ночи»* Гассан эль Бассора рассказывает нам о любви к прекрасной и загадочной женщине, которая, выйдя за него замуж и родив детей, бежит на остров Вак-Вак, обнаруживая при этом некоторую аналогию с очаровательной Лилит, первой женой Адама, которая в соответствии с талмудистами, населив землю демонами, бежала, чтобы сочетаться с сатаной и породить в добавку к ним легион джиннов⁹. Оказывается, жена Гассана являлась дочерью весьма могущественного царя, правившего над людьми и джиннами. Он располагал армией в 25 000 женщин-воительниц, «мечом разящих и копьем пронзающих», всякая из которых верхом на быстром коне доблестью равнялась тысяче рыцарей. У царя этого было семь дочерей, каждая из которых отважнее и искуснее 25 000 своих «сестер». Старшая из семи «по доблести и умению владеть конем, умению, мастерству и чарам превосходила всех своих подданных» и оказалась женой Гассана и царицей Вак-Вака, дальнего из семи островов, на кагором гору Вак покрывал лес, деревья которого приносили плод с лицами сынов Адамовых. Они восклицали «Вак-вак, слава Царю Творцу» — когда восходило солнце, и «Вак-вак, слава Богу» — на его закате.

В примечаниях к своему переводу Лейн утверждает, что остров Вак-Вак, или Эль-Вак-Вак, прекрасно известен преданиям и хроникам, располагался возле Борнео. Им правила царица, окруженная войском, составленным из прекрасных женщин. На острове изобиловало золото; на деревьях росли женщины, свисавшие на волосах с ветвей и кричавшие «Вак-вак». Когда волосы их перерезали, они умирали! Арабский автор Ибн-аль-Варди, цитируемый Лейном, упоминает о существовании в том же море острова женщин, на котором не было мужчин. Мендоза, написавший историю Китая, слышал о существовании двух островов, мужского и женского, как у Марко Поло, возле побережья Японии; любопытно при этом заметить, что по сообщению сэра Ричарда Бартона, профессор Гоуиджи (Гоеје), слышал, как японцы именовали Кантон — Во-Квоком. В своих заметках к истории Гассана Бартон пишет, что арабские географы различали два Вак-Вака. Он цитирует французский перевод Ибн-аль-Факиха и Аль-Мауди, помещавших один из островов в Африке за Занзибаром и Софалой.

⁸ "О языческой Индии".

⁹ Таким образом, часть талмудистов пыталась объяснить поклонение демонам в раннюю пору еврейской истории. — *Примеч. авт.*

Бартон же видит в ней просто территорию мыса Гварда-фуй, покоренного галласами (gallas), прежде чем их вытеснили мусульмане-сомалийцы. Язычники галласы постоянно восклицали «Вак», подобно тому, как мусульмане часто произносят «Аллах»! — «Такая идентификация, — продолжает Бартон, — объясняет уйму различных мифов, в том числе и об амазонках, которые, по словам Марко Поло, владели Женским Островом. Плод, похожий на голову женщины (подвешенную за волосы) и в спелом виде повторяющую вак-вак или аллах аль халлак (Творец), растет на калебасовых деревьях. Эти гротескные растения являются слонами среди других деревьев, чьи плоды, нередко более крупные, чем мужская голова, висят на тонком волоске». Второй Вак-Вак попеременно отождествляли с Сейшельскими островами, Мадагаскаром, Малаккой, Сундой, Явой, островом, находящимся возле Суматры, возле берегов Японии, и даже с далекой Новой Гвинеей, которая попала в перечень потому, что здесь стаи птиц опускаются на деревья и принимаются кричать «Вак-вак-вак». Прочие специалисты сообщают нам, что к югу от Китая располагался лишенный мужчин остров, где женщины зачинали от ветра. Патриарх Бермудес упоминает о расположенном в тех же водах острове, населенном амазонками, которые как положено принимали мужчин в оговоренные заранее сроки, оставляли при себе девочек, а мальчиков отсылали отцам. Далее, как сообщает нам Пинкертоном, иезуитские миссионеры слышали о подобных территориях от обитателей Марианских островов, причем слухи относились к одному из них, пользующемуся дурной репутацией Ладронне, или к еще более южному острову Каролинского архипелага, о котором рассказывали подобные же истории. Однако слухи эти были настолько неопределенными, что могли с равной вероятностью относиться к некоему сказочному острову, плавающему по неведомым морям и появляющемуся то тут, то там, в меру доверчивости и невежественности слушателя, или же к определенной общественной аномалии, время от времени возникающей во многих похожих обществах, далеко отдаленных друг от друга, как ликом вод, так и временем, что снова возвращает нас к Дальнему Востоку.

Бесспорно, на самом Дальнем Востоке не только предания, но и реальное существование гвардий амазонок может быть прослежено вплоть до недавних времен. В начале 70 х годов XIX века женщины исполняли роль дворцовой охраны в Бангкоке, на тех же условиях, как это делалось в Хайдарабаде. В то же самое время в Бентаме, находившемся при голландцах в полунезависимом состоянии, король располагал женской гвардией, солдатессы которой ездили верхом и носили мушкеты и пики. Утверждают, что если король умирал, не оставляя прямого наследника, амазонки общим решением выбирали такового из числа собственных сыновей.

Сэр Ричард Бартон утверждает, что Тянь-Ван (Tien-Wang), Небесный Король Тайпинов («Князей Мира»), располагал 1000 женщин-тслюхранительниц. Этот факт можно назвать особенно интересным, потому что Тянь-Ван в 1851 году возглавил внушительное по размаху восстание против реакционного маньчжурского императора, правившего Китаем, и назвал себя именем Тай Те (Tie The) (Небесная Добродетель). Он провозгласил себя восстановителем почитания истинного Бога, вторым сыном Господа, братом Иисуса, правителем всей Поднебесной и истинным владыкой Китая. Этот универсальный монарх и его последователи совершили великие завоевания и, вероятно, овладели бы всем Китаем, если бы не совершенная Гордоном интервенция, повлекшая за собой поражение тайпинов и захват европейцами Нанкина в 1864 году, после чего Тянь-Ван совершил харакири. Его сторонники в основном укрылись в Тонкине, где их долго знали как беспокойных смутьянов, принадлежавших к организациям Черных и Желтых Знамен. Интересно отметить, что двойная претензия, сделанная Тянь-Ваном на божественное достоинство и титул всемирного монарха, совпала с появлением при нем женской гвардии, что социологически связывает китайского религиозного реформатора не только с князьями Декана, но, как мы еще убедимся, с окутанными тайной правителями Верхнего Нила и западного побережья Африки.

Глава 5. АМАЗОНКИ НА КАВКАЗЕ

От века к веку воспоминания об амазонках настойчиво теснились к Понту, ко всему Кавказскому горному хребту и регионам, непосредственно расположенным позади него, или же попадающим в его сферу влияния. Многие авторы предполагали, что какие-то остатки населения разгромленного Фемискирского государства нашли себе убежище среди более высоких гор, и там, пребывая в безопасности, если не в одиночестве, сумели в большей или меньшей целостности сохранить традиционный образ жизни. Идея эта постоянно подкреплялась сообщениями об участии женщин этого края в войнах. Когда понтийский царь Митридат V воевал с римскими колониями в Малой Азии между 100 и 98 годами до н. э., в огромной армии его находились сильные вспомогательные отряды из Скифии и Сарматии, считавшиеся варварами как друзьями их, так и врагами. Как утверждают, после сражений римляне находили среди убитых женщин, одетых в панцири и с оружием в руках. Историк Аппиан, повествуя об этой войне, обращается к интересующей нас теме и поднимает интересный вопрос: а не была ли преувеличена степень участия этих женщин в сражениях. По его мнению: «Среди заложников и пленных было обнаружено несколько женщин, чьи раны оказались столь же серьезными и опасными, как и у мужчин. Говорили, что женщины эти являются амазонками либо потому, что вспомогательные войска набирались среди племен, соседствовавших с амазонками либо потому, что варвары давали подобное имя всем воинственным женщинам».

По прошествии более чем трех столетий предание в этом регионе еще не было забыто. Гиббон рассказывает, что в театрализованном шествии по случаю триумфа императора Аврелиана в 274 году н. э. участвовали десять героинь из готского племени, захваченные в плен с оружием в руках и представленные римскому народу в качестве «амазонок». Именно комментируя сей факт, Гиббон, не менее великий скептик, чем Аппиан, писал с удивительной для себя нерешительностью: «Почти невероятно, чтобы общество амазонок могло когда-либо существовать в Старом или Новом Свете». Из подобных уст мы могли бы рассчитывать и на более определенную сентенцию. Тем не менее вопрос содержит в себе достаточно тайны, чтобы оправдать не свойственную Гиббону нерешительность.

Например, Якоб Рейнеггс, в описании Кавказа, относящемся к 1796 году, утверждает, что в его время черкасы говорили, что до того, как их отцы вышли к Черному морю, земля эта принадлежала народу «аммеш», с которыми они находились в войне. Женщины их «не допускали в свое общество мужчин, однако полные воинского духа охотно принимали в свою боевую гильдию любую соплеменницу, готовую разделить их скитания». На первый взгляд кочевое племя состояло из общественных отбросов конфликтующих племен. Шебер, повествуя об Азиатской России, перемещает женщин в еще более дальние регионы, поскольку слышал о том, что «амазун» еще населяли горы Великой Татарии, и хотя в его время они уже расстались с привычкой постоянно сражаться, сделались умелыми охотницами и держат своих мужей в состоянии полной покорности. С другой стороны, нам известно, что калмыки — обитающий в России азиатский народ монгольского происхождения и, возможно, знакомый с теми амазун, о которых пишет Шебер, — пользовались словом «амецайне», называя им полных жизненной силы женщин. Нам не сообщают, насколько филологически обоснованным и описательным является это слово. Возможно, оно было производным, позднейшим преобразованием греческого, или, точнее говоря, грецизированного термина амазон; на деле определения подобного толка в приложении к личности существовали с дней Митридата. Во всяком случае, длительное существование слова в конкретной местности, при всех небольших вариациях в его звучании и в применении к определенному племени или типу женщин, заставляет отнестись к себе внимательно. Оно может просто свидетельствовать о существовании легенды и одновременно указывать при этом на наличие известных оснований у сочинителей легенд, что, похоже, подтверждает местная история.

Во всяком случае, слухи подобного рода, повторяемые путешественниками или авторами посвященных этим регионам книг, начиная от Средневековья и вплоть до конца восемнадцатого столетия, явно указывают в этом направлении. Сэр Джон Мандевиль, выделяющийся в обществе выдумщиков-повествователей, писал об амазонках как о племени, еще существовавшем в его время. Помимо всего прочего он утверждает, что они держали десять потерянных колен Израилевых в окруженной высокими горами долине. Даже наделенный фантазией рыцарь мог бы понять, что горы не являются сплошной изгородью и что бдительность амазонок не могла бы оказаться настолько высокой, чтобы содержать в горном загоне такое количество непоседливых евреев. Еще в те времена существовали другие, противоборствующие школы, которые помещали потерянные колена в Абиссинии и на берегах Ганга. Известная неопределенность в географическом положении объяснялась неопределенностью представлений о земном шаре у средневековых ученых, свидетельствуя, впрочем, о национальных особенностях населения этих дальних земель. Однако интересно слышать, что несториане Месопотамии претендуют на происхождение от потерянных колен, в то время как евреи Кавказа всегда настаивали на том, что являются потомками этих десяти племен, грузинские евреи уверяли в том, что являются потомками пленников, увезенных Навуходоносором, а обитающие в более удаленных местностях утверждали, что были выведены из Палестины Салманассаром. Все это указывает на особое смешение племен в районе Кавказа. Вызывает также интерес связь женщин с потерянными коленами Израильскими. Амазонки принадлежали к скифскому народу, а, насколько нам известно, одна из наиболее устойчивых традиций называет скифов (прародителей всего тевтонского племени, а следовательно, англо- и саксов) представителями десяти потерянных племен. В качестве доказательства можно привести старинные верования евреев, их последующее поклонение Ашторет, Небесной Царице, а также то, что в рассеянных остатках племен почитание Каббалы или традиционного знания должно было перевесить записанный закон и вне сомнения породить некоторые из возникших повсюду мистических экстравагантностей, а также тайны, хранимые избранными посвященными в них людьми. Это же вновь вызывает ассоциацию вооруженных женщин с религиозным ритуалом.

Но чтение Мандевиля рождает много вопросов, а более надежный автор Джон Картрайт, активно путешествовавший по Востоку и в 1603 году написавший отчет о своих путешествиях, рассказывает об Армении, о ее великих равнинах, охваченных грядями гор, отрогов Кавказа и Тавра. Люди здесь «изобретательны во всякого рода труде», пишет он и добавляет в порядке противопоставления: «женщины их искусны в стрельбе и владении любым оружием, как свирепые амазонки античных времен и современные женщины, населяющие горы Ксатач в Персии». Слова эти непреложно напоминают нам о заметках Геродота по поводу Сарматии. Затем известный авантюрист, сэр Джон Шарден, начинавший свою жизнь в качестве простолюдина Жана Шардэна, сына парижского ювелира, совершивший самую живописную карьеру на Востоке и закончивший дни в мирной Англии в качестве протеже Карла II, утверждает, что, когда он находился в 1671 году в Грузии, амазонки совсем недавно вторгались в какую-то далекую, расположенную на северо-западе, часть Грузинского царства. Из его слов следует, что регион этот населяло племя, аналогичное упомянутому Гиппократом, заявлявшим, что скифское племя населяло земли, расположенные прямо на север от Меотийского болота, каковое море он помещал целиком в Европе. Женщины этого племени, говорит великий врач, были рыжими, ездили верхом на конях, пользовались луком и стрелами даже на полном скаку, выступали на войну и выходили замуж только после того, как убивали третьего врага. Отсюда следует, что греки вполне естественно дали им имя андрохтонов¹⁰. Заработав три мужских скальпа, эти милые девицы забрасывали войну и охоту и обращались к строительству тихого семейного очага. Они прижигали себе правую грудь докрасна раскаленным железом, и в результате этого правые руки амазонок обретали чрезвычайную силу. Подобный рассказ предоставляет еще

¹⁰ Мужеубийц.

одну интересную связь между женщинами из Фемискиры, мужеподобными сарматками, которых описывал Геродот, савроматками гинекократуменами Плиния, и современными воительницами из диких районов земли.

Что касается Шардена, он признается в том, что не видел страны амазонок, которую считал частью Тартарии, однако, находясь в Грузии, много слышал о ней и ее обитательницах. Ему даже показали шерстяной костюм особого покроя, чья владелица утверждала, что он был снят с амазонки, убитой в недавних войнах. Обсуждая тему в разговоре с молодым грузинским князем, оба сошлись на том, что не видят ничего невероятного в сражающихся верхом на конях женщинах. Женщины-воительницы и агрессивные царицы не представляют собой особой новости в этой части света, где большинство женщин и девушек превосходно ездит верхом, причем по-мужски. Упомянутый князь придерживался того мнения, что нападавшие принадлежали к числу кочевых скифских племен, однако о греческом предании как будто бы ничего не знал.

И в самом деле, участие женщин в войне характерно для всех стран, начиная от Армении и Курдистана до Сирии и регионов Аравии, а также для местностей, прилегающих к Азовскому морю и тянущихся на восток к Тартарии. О южных амазонках мы постоянно слышим в связи с завоеваниями преемников Магомета. Оккли утверждает, что при первой осаде Дамаска попали в плен мусульманские женщины, охранявшие стан захватчиков, и греки предложили им оскорбительные условия. Однако женщины, которых организовывали две подруги из племени химьяритов, считающегося потомками амалекитян, немедленно организовали сопротивление. Вооружившись шестами от шатров, они встали тесным кольцом и остановили врагов, проламывая черепа всякому, кто смел приблизиться к ним на опасное расстояние. Даже конники не произвели на них особого впечатления, поскольку шесты оказались длиннее пик и ими можно было легко сломать ноги коню, повалив его на землю вместе с всадником. Схватка продолжалась до тех пор, пока на выручку к женщинам галопом не прискакала мусульманская конница, после чего женщины помогли собственным войскам преследовать и гнать обескураженных греков. Эта стычка завершилась удачно для них; однако вполне очевидно, что, если бы им не пришли на помощь, женщины вполне могли бы спастись и в темноте. А если бы погибли их друзья, могли уйти в горы, укрыться среди холмов и образовать женское сообщество.

Аналогичный эпизод имел место и при второй осаде, когда одного из арабских полководцев доставили в лагерь смертельно раненным отравленной стрелой. Его жена, дочь племени химьяритов, схватила лук и стрелы мужа и бросилась в бой, сумев выбить глаз у благородного Фомы, греческого наместника Дамаска. Женщина продолжала свирепствовать и, проведя в бою целый день, попала в засаду возле стены, поскольку у нее кончились стрелы, однако была немедленно освобождена. Она вновь и вновь нападала на врагов. Подобные действия женщин были типичны как для нападавших, так и для защищавшихся, но удивления они не вызывали, ибо эти отважные создания были «с юности привычны скакать на коне, стрелять из лука и метать дротики». Почти то же самое рассказывают о племенах, обитавших на севере.

Вероятно, наиболее обстоятельный рассказ о последних амазонках в районе Кавказских гор принадлежит падре Анжело Ламберти, составившему подробное «*Relation de la Colchide*»¹¹, опубликованное в 1654 году, после долгого пребывания в этой стране. Добрый священник не желает обсуждать тему о существовании государства амазонок, однако свидетельствует о том, что пока он находился в Мингрелии, царя этой страны известили о том, что Кавказ покинул крупный вооруженный отряд, разделившийся потом на три части. Одна из них пошла в Московию, а обе остальные занялись нападениями на местные племена. Нападавших отбили, и среди мертвых обнаружили большое количество женщин, принимавших активное участие в сражении. Все они были в доспехах прекрасной работы, украшенных с истинно женской любовью. Доспехи включали шлемы, нагрудные пластины,

¹¹ "Донесение о Колхиде".

поножи и так далее, сделанные из пластин с таким умением, что они не ограничивали свободу движения. К нагрудным пластинам были прикреплены короткие юбочки из шерсти, покрашенные в ярко красный цвет. Невысокие сапоги были украшены медными дисками, закрепленными тонко сплетенными нитями из козлиной шерсти. Женщины были вооружены луками и стрелами — длинные древки их были позолочены, а наконечники сделаны из железа; не заостренные и снабженные шипом как обычно, они имели острую режущую кромку, как нож. Кромка эта помещалась под прямым углом к древку. Очевидно, стрелы были предназначены только для ближнего боя и не предназначались для стрельбы вдаль: имели разрезающее, а не пронзающее действие. Подобная форма наконечника намекает на существование стрелы с наконечником в виде полумесяца, считавшимся на востоке обладающим великой силой мистическим оружием.

Рама, герой-полубог Рамааны, совершил удивительные подвиги с помощью своих неотразимых стрел с наконечником в виде полумесяца. Ими же пользовался и раджа Арджуна, как следует из текста Махабхараты. Действительно, сам он был сражен именно такой стрелой, никакое другое оружие просто не могло причинить ему вреда. Кроме того, стрела была пущена его собственным сыном, раджей, обитавшим в окруженном стеной из золота великолепном дворце, находившемся посреди города Манипур, сложенного из серебра. Раджа общался с различными магами, в том числе Царем Змей. Когда, не зная того, он выпустил в гнев священную стрелу в собственного отца, она снесла Арджуне голову с плеч. Потом она была присоединена к телу, и воитель возвратился к жизни благодаря самоцвету, позаимствованному у Царя Змей. Во всех этих случаях стрелы, имевшие наконечники в виде полумесяца, считались священным оружием. Действительно, такая форма стрелы имела символическое значение и использовалась в жертвоприношениях поклонниками лунных божеств востока. Син, второй по значению из великих вавилонских богов, являлся богом луны, символом его страшной дочери Иштар был лунный полумесяц. А как вам уже известно, в горах Кавказа находились святилища лунных богов, в которых жертвоприношения осуществлялись даже в позднее время. Таким образом, оружие, которое видел отец Ламберти, на самом деле представляло собой сохранившуюся, но деградировавшую форму. Ламберти утверждает, что царю доставили только различные образцы оружия амазонок, однако обещание его выдать крупную награду тому, кто приведет живую амазонку, осталось невыполненным. Тем не менее говорят, что эти женщины находились в постоянной войне с калмыками, которые, как мы уже знаем, уважали их доблесть и называли аметцайнами.

Слухи об амазонках существовали до достаточно позднего времени, и даже в середине девятнадцатого столетия мы слышим о женщинах-воительницах. Видным образчиком современной Фалестриды можно назвать некую предводительницу курдов, известную под именем «Черной Девственницы». В начале Крымской войны она командовала конной тысячей и, проехав на параде перед дворцом султана в Константинополе, отправилась сражаться с русскими под командованием Омар-паши на Дунае.

Глава 6. АМАЗОНКИ ЕВРОПЫ

Чтобы, с одной стороны, завершить свои повести о надломе великой власти амазонок и одновременно объяснить некоторые явления, имевшие место в различных уголках мира, греческие хронисты прибегли к ряду вполне правдоподобных историй. Так они явным образом соглашались с тем, что пленные женщины, посаженные на один-два гребных корабля, направлявшихся в Грецию после битвы на Фермодоне, восстали и, сумев пробиться за Танаис, основали государство сарматских амазонок. Потерпев поражения войска Оритии, после поражения у стен Афин они решили более не возвращаться в Фемискиру и через Фракию направились в дебри Центральной Европы. К этим женщинам возводят свое происхождение многие народы. В самом деле, Жильбер Шарль ле Жандр, маркиз де Сент Обэн-сюр-Луар (Gilbert Charles le Gendre, Marquis de Saint Aubin-sur-Loire), писавший в начале восемнадцатого столетия, в своем труде *«Antiquites Franquaise»*¹² утверждает, что франки произошли от фракийских амазонок. Другие подразделения потерянной рати предположительно сумели просуществовать в течение многих столетий в более или менее автономных колониях, прятаясь в уединенных уголках континента.

Любопытные рассказы о таких «женских народах» неожиданным образом сохранили нам народные предания, вне сомнения, благодаря сарматам и их обычаям, обычаям потомков савроматов Геродота и Плиния. В своей *«Естественной истории»* Плиний говорит, что за рекой Танаис, то есть к северо-востоку от нее, обитали Савроматы Гинеко-кратумены («Савроматы, подчинявшиеся власти женщин»). Похоже, что подобное название скорее указывает на матриархальную форму правления, а не на старинное, лишенное мужчин государство амазонок, и, скорее всего, оно было сочинено самим Геродотом, чьему рассказу о савроматах мы уже уделили некоторое внимание. Необходимо помнить, что этот народ представлял собой колонию, основанную теми немногими амазонками, которых Геракл отправил в Греции, однако по пути, заметив слабость охраны, они восстали и направили корабли на северное побережье Черного моря. Правление цариц вполне соответствовало обычаям древнеславянского народа, и в повести Плиния мы обнаруживаем нечто большее, чем простое смешение власти женщин-цариц и мифического матриархата. Мы даже можем не обращать внимания на мнение некоторых специалистов, полагающих, что слова «управляемые женщинами» не следует воспринимать буквально, а понимать как эпитет, адресованный поработавшим женщин соседям сарматам, допускавшим участие женщин к самым почетным среди них занятиям — спорту и войне.

Древняя география региона весьма запутана не только потому, что граница между Европой и Азией постоянно перемещалась, но и благодаря куда более волнующему фактору — природным топографическим изменениям. Внутренние моря сократились в размере, реки изменили русла, болота высохли. Что касается Танаиса, считавшегося границей между Европой и Азией, то он идентифицировался с Доном, вытекающим из расположенного в далекой Тульской губернии Иван-озера и тек на юго-восток, потом на юго-запад, далее в Азовское море (прежнее Мсотийское озеро, некогда уходившее на восток много дальше, чем сегодня). Некоторые из географов отождествляли Танаис с Донцом, поворачивающим на юго-запад над Харьковом и сливающимся с Доном невдалеке от Азовского моря, однако они едва ли правы. Что касается сарматов, этот народ явным образом мигрировал на запад, дав начало славянам, распространившимся по территориям нынешних России, Польши и Богемии. Это во многом объясняет сохранение как самой легенды, так и обычаев. Еще в восемнадцатом столетии в России существовали женские общины; косвенным образом об этом свидетельствует Джордж, лорд Макартни, выполнявший деликатные обязанности британского посланника в Санкт-Петербурге с 1765 по 1767 год. Описывая казаков вообще, он упоминает казаков запорожских, которых, по его словам, насчитывалось 30 000 человек «собранных из всех национальностей и живущих в особенном обществе, в которое не

¹² "Французские древности".

допускались женщины. Они представляют собой нечто вроде амазонок мужского пола, в определенное время года собирающихся на некоем днепровском острове, и по соседству от него, где они встречаются с зависящими от них женщинами». Посланник утверждает, что запорожцы придерживаются самых примитивных и дикарских обычаев. Девочки оставались со своими матерями, а мальчики, после достижения определенного возраста, присоединялись к мужчинам, воспитывавшим их как охотников и воинов. Учитывая все обстоятельства, подобный образ жизни кажется много более естественным, чем это показалось достойному ирландцу, чьи описания местных обычаев не следует принимать слишком серьезно, ибо они представляют обыкновенный глянec, наведенный с высшим невежеством на лишь отчасти понятные обычаи.

Достаточно ясно, что эти люди, находившиеся на правительственной службе, были вынуждены вести кочевой образ жизни, и организация быта воинских отрядов заставляла мужчин, занятых патрулированием невообразимых пространств, военными упражнениями и охотой, оставлять своих женщин в селениях. Вне сомнения речной остров был выбран как место, обеспечивающее некоторую безопасность природными средствами, тем самым послужив основанием для рождения дикой легенды. Тем не менее именно этот пассаж во всей его примитивности можно обнаружить в *«Некоторых подробностях из жизни графа Макартни»* — книге, изданной сэром Дж. Барлоу.

Как мы уже говорили, слухи о подобных колониях распространялись на значительные расстояния. Задолго до того, как лорд Макартни занес на бумагу собственное представление о запорожских казаках, Адам Бременски, писавший в шестнадцатом столетии, заявил, что в Балтийском море существовал остров, населенный одними только женщинами. Обыкновенно считается, что этот весьма ученый и благочестивый историк допустил в данном случае ошибку, спутав название Гвенланд (Финляндия) с землей гвенов (то есть землей женщин). Однако женщины Европы, как и повсюду, брались за оружие, чтобы защитить свои дома от внешнего вторжения или внутренних беспорядков, чему существует бесконечное количество примеров, начиная от времен римской экспансии и до наших дней. В нашей Англии существовало достаточное количество видных предводительниц; сохранилось и некоторое количество известий о формировании женских военных отрядов, хотя и не проявлявших особой кровожадности. Один из подобных случаев следует уподобить невинной стратагеме квакера, — не того, который верил в Провидение и держал свой порох сухим, а другого, более миролюбивого, полагавшегося на фальшивые деревянные пушки, внушительные только с вида. Когда французы, вдохновленные «корсиканским чудовищем» (Наполеоном. — *Примеч. ред.*), предприняли безуспешные попытки вторгнуться на наши острова и обратили свое внимание на западные их области — Ирландию и Уэльс, наши соотечественницы во многих областях обороны помогли мужчинам и даже заменили их. В Фишгарде перед лицом находившегося в море врага была предпринята любопытная военная хитрость. Собравшиеся женщины, набросив на плечи красные шали, батальонным строем промаршировали по зеленым склонам холмов, и обманутый этой картиной французский генерал решил, что имеет дело с подошедшими крупными подкреплениями, в результате чего высадка была отложена. Местные предания утверждают, что одна из этих носительниц красных шалей, Джемима Николас, скромное надгробие которой еще можно видеть на местном церковном кладбище, сумела захватить и сдать властям семерых французских солдат.

Конкретные потребности всегда требуют аналогичных мер, и параллель этой истории мы находим в Испании в героический период борьбы готы против вторгнувшихся мавров. Один из предводителей, вынужденный отступить от побережья в укрепленный город Тадмир, обнаружил, что его дружина настолько сокращена мечом, что приказал женщинам одеться в мужскую одежду, завязать волосы под подбородком, чтобы таким образом изобразить усы и бороды, взять оружие и занять место позади боевых порядков настоящих бойцов.

Укрепившись подобным образом, он сумел выставить против мусульман внушительную рать и выговорить себе почетные условия, в точности выполненные, несмотря на обман.

Похоже, что боевой дух всегда пылал в груди испанских женщин. Во время войны за Испанское Наследство женщины почти в одиночестве долго обороняли Барселону, хотя в конце концов город был взят маршалом Бервиком. Во время наполеоновской кампании, когда к Сарагосе приступил маршал Лефевр, ее 12-футовые бастионы могли защитить только 120 солдат и несколько старинных орудий. Тогда женщины образовали роты по 200 и 300 человек, которые подменяли мужчин и сражались бок о бок с ними. Лефевр не мог добиться никакого успеха, пока не сумел с помощью подкупа подорвать пороховой склад. Тогда французы, воспользовавшись общим смятением и неразберихой, пошли на приступ, но одна из дев-воительниц, Агостина, с помощью фитиля запалила пушку и произвела выстрел в самую гущу захватчиков, а во главе гарнизона выставила французов из города, удержав их снаружи, пока на помощь не пришли британские войска. Агостина просила, чтобы ей позволили сохранить свой артиллерийский чин. Ее наградили пенсией и правом носить имя и герб города Сарагосы. На лигурийском побережье циркулируют многочисленные рассказы об отважных женщинах, сдерживавших натиск сарацинов. Стоит вспомнить один из поздних случаев, когда на берега Ниццы напали берберийские пираты. Это произошло в 1527 году, когда Екатерина Сигурана (*Sigurana*) являлась главным инструментом отражения войск Барбароссы от крепости Ниццы. Бей Туниса Барбаросса был вассалом Сулеймана II, жуткого союзника французского короля Франциска I. Сигурана представляла собой патриотически настроенную мегеру, совершенно не похожую на Пентесилею, о чем свидетельствует прозвище Мофасия (*Maufacia*), подразумевающее «собственную печальную историю». Каждая европейская страна обладала своими отрядами женщин-воительниц и отдельными героинями, воинственный дух не угасал в толпах. Об этом может свидетельствовать катастрофическая увертюра к первому из крестовых походов, когда Петр Отшельник повел на смерть 40 000 мужчин, женщин и детей.

Тем не менее ни одно из воинственных деяний, осуществленных женщинами в первую очередь для защиты собственного дома, не имело ни малейшего отношения или какой угодно связи с женским правлением в любой его форме. Правда, в европейской истории выделяется один-единственный эпизод, разукрашенный сказочными подробностями, к которому можно прибавить второй, увы, слишком подлинный.

Богемия, или Бойемия Тацита, первоначально занимала часть огромного Герцинского леса. Это место представляло собой возвышенное плато, практически со всех сторон окруженное цепями высоких и мрачных гор, чьи отроги уходили на равнину; его пересекают многие реки, в том числе романтическая Эльба. Кельтское племя бойев обитало здесь до прихода маркоманов. Те уступили место славянам, родственным сарматам, и потому, предположительно связанным с племенами, знакомыми с обычаями амазонок. Населявшими Богемии славянами управляли избираемые вожди, последним из которых стал Крокус, или Крок, имевший дочь по имени Любуша.

Эней Сильвий в своей *«Historia Boemii»* утверждает, что Любуша унаследовала власть от своего отца, поставила женщин на многие высокие посты и самым усердным образом обучала женские войска, прежде чем повести их к многочисленным победам. После ее смерти в королевстве нашлось достаточное количество желающих изменить подобное положение дел, что послужило поводом для восстания женщин, которое возглавила Валаска, или Власта, одна из приближенных к Любуше. Захватив власть, Валаска поставила женщин на все должности и решила, что военным делом должны заниматься только они. И чтобы закрепить такое положение дел, девочки должны были заниматься военными упражнениями, а мальчиков калечили: им удаляли правый глаз и правый большой палец, что делало невозможным владение оружием в сражении — подобная жестокость была характерна для планов и действий Валаски. Как утверждают, она правила семь суровых лет, а потом по ее воле образ жизни народа вернулся в прежнее русло. Огромные руины на горе Видоволе,

известные как Дивин-град (Город Дев), считаются столицей Валаски.

То, что основа этих государственных экспериментов являлась патриотической и служила росту национальной гордости, подтверждается тем фактом, что народные песни полны воспоминаний о доблести обеих героинь. Донесенные до нас течением времени обломки языческой цивилизации представляют чрезвычайный интерес для нашей темы. Они свидетельствуют о том, что сам образ мышления людей был обращен к самопрославлению; весь народ образовывал единую семью, воспринимавшую окружающий мир анимистическим образом. Природа поистине сочувствовала избранным людям. Ссора мелких вождей способна была вызвать наводнение или землетрясение. Над таким-то народом властвовали Любуша и Валаска. Но, как всегда бывает в сказаниях, деяния добрых женщин и произведенный ими эффект оказались преувеличенными. Правда заключается в том, что Любуша, младшая из трех дочерей, родилась в 680 году, унаследовала власть от отца в 700-м, и скончалась в 738-м, оставив наследников. По обычаям древних славян младший ребенок, обладавший особыми качествами, мог унаследовать семейную собственность и власть в семье; ибо простейший здравый смысл велел не признавать первородства, если оказывалось, что в жизненно важных вопросах старший не обнаруживал нужных физических и умственных способностей. Любуша, по преданию обладавшая даром пророчества, обратилась к своим сестрам, которых звали Кача и Тета, и учредила поддерживавший ее Совет Дев. Кроме того, ею были установлены Три Строя, или Сословия, отчасти являвшиеся преградой для претензий знати, а также восстанавливавшие старинные законы, поскольку Сословия являлись также и судами. Она вышла замуж за крестьянина Пржемысла, стала основательницей города Прага и при любой возможности возвышала женщин. Тем не менее после ее смерти Совет Дев был упразднен. После этой меры Вала-ска, самая близкая из наперсниц Любуши, подняла восстание, собрав недовольных, и попыталась основать женское государство; однако ее победа оказалась частичной и кратковременной. Можно только представить, насколько эдикты, издававшиеся избранным комитетом «молодых особ», раздражали крепких мужчин, населявших этот подвергавшийся постоянным опасностям край. Поэтому конечное ниспровержение навязанного Любушей режима женской власти не может удивлять. Тем не менее даже в те дни Богемии нельзя было назвать страной амазонок. Сама Любуша была замужней женщиной, ее потомки, в первую очередь представленные гордыми Габсбургами, последним прямым наследником которых по прямой линии являлась Мария-Терезия, сыграли значительную роль в истории Европы и ее собственного родного края. Весьма вероятно, что старинные песни и предания в достаточно верной форме донесли до нас опрометчивые идеи свирепой Валаски (ироничной карикатуры на ее достойную госпожу). Вполне очевидно, что поскольку большинство мужчин в неприкосновенности сохранили свои правые глаза и большие пальцы, они могли позволить себе воспевать деяния обеих героинь только после того, как те надежно упокоились в могиле.

Второй ряд событий не делает чести человечеству, а напротив, переносит нас на первобытную стадию греческих мифов, хотя этому, наверно, можно найти и некоторые смягчающие обстоятельства. В самом начале Первой французской революции женщины, особенно парижанки, играли активную роль в политике и, как следует откровенно признать, редко обращались к интересам мира или доброй воли. Однако, по справедливому замечанию Мишле, женщины в течение многих веков переносили давление двойного угне-гения, ибо помимо собственных им приходилось разделять страдания любимых ими людей. Долго копившиеся незаслуженные обиды, которым не было конца, доводили их до отчаяния. Они принимали участие во взятии Бастилии и стали свидетелями реакции, на которую Королевское Семейство не обращало внимания, а дворцовые дамы попросту разжигали.

Разъяренные рассказами о том, как придворные топтали трехцветные кокарды национального знамени в присутствии короля и королевы и заменили их «антипатриотичными» черными или белыми лентами, женщины немедленно собрались в поход на Версаль. Юная девушка с центрального рынка схватила барабан и сыграла общий

сбор. К хлынувшей вперед толпе женщин присоединялись другие — из Фобург Сент-Антуана и прочих мест. В Пале-Рояле к ним обратилась с речью молодая женщина. Еще одна особа, пользовавшаяся скандальной известностью актриса Теруань де Мерикур, получившая прозвище Льежская Амазонка, схватив зажженный фитиль, уселась верхом на пушку, и ее в таком виде повезли во главе разношерстной процессии, полудружелюбной, полуостервеневшей, но почти полностью обезумевшей, к аристократическому и невыразимо изысканному Версало. Женщин не должны были задержать, и они в значительно большей мере, чем мужчины, послужили инструментом для возвращения короля и королевы вместе со свитой и дофином назад в Тюильри, что самым существенным образом приблизило трагическую развязку. В начале 1792 года Парижский муниципалитет постановил вооружить всех санкюлотов пиками, а в августе того же года Национальное собрание постановило вооружить всех горожан, после чего женщины заявили, что также подпадают под букву закона. Решение было в духе «Декларации прав женщин», выпущенной Олимпией де Гонге в качестве противовеса «*Общественному договору*» Жан-Жака Руссо и «Декларации прав человека», в которой было провозглашено: «Женщина рождена свободной и обладает равными правами с мужчиной. Женщина имеет право подняться на эшафот: она должна иметь право и подняться на трибуну оратора».

В итоге эти грубые торговки и их сестры из Фобург Сент Антуана образовали отряд амазонок, вменив себе в обязанность стеречь узников и сопровождать несчастных осужденных на гильотину, ожидавшую их на Пляс де ла Революсьон. Облачены они были в короткие юбки с синими, белыми и красными полосами; на ногах их были деревянные башмаки-сабо, а на головах фригийский колпак («Колпак свободы», признанный опознавательным знаком якобинцев в 1792 году), украшенный огромной трехцветной кокардой. На плече каждой женщины лежала перевязь с абордажной саблей, в руках находилась демократическая пика. Уродливый отряд нередко занимался еще более уродливой работой. В большинстве таких случаев женщин возглавляли Теруань де Мерикур и Роза Лякомб. Теруань была назначена командиром третьего армейского корпуса в Фобург, и отправилась туда в красном костюме для верховой езды и огромной шляпе с плюмажем, при презентованной ей наградной шпаге. Другая воительница, оперная певица ла Майллар (la Maillard), изображавшая Богиню Свободы на Пиршестве Разума, нашла иное внешнее проявление «правам женщины», она облачилась в мужской костюм, участвовала в дуэлях и в компании аналогично одетых дам обходила Париж, пытаясь уговаривать всех особ женского пола следовать ее примеру¹³. Всех этих женщин ждал печальный конец. Теруань, которую амазонки заподозрили в жирондистских убеждениях, была схвачена ими на террасе Тюильри, раздета догола и высечена как провинившееся дитя своими боевыми подругами под насмешки зевак. Она сделалась буйно помешанной и умерла в Бисетре уже в 1817 году. Карьера Розы Лякомб погибла от любви: она впала в немилость, пытаясь спасти аристократа; однако, низвергнутая с места фаворитки народа, оказалась более везучей, чем ее упомянутая выше товарка, потому что сумела умереть в тишине и покое уже после того, как отгремели революционные бури. Олимпия Гонге, прогневавшая Робеспьера своими претензиями и безответственностью, была приговорена к смерти, и хотя она просила помилования по беременности, суд матрон отправил ее на гильотину. Ну а ла Майллар, попытавшаяся заставить своих сестер носить брюки, наделала столько шума, что Комитет общественной безопасности срочно выпустил декрет, запрещающий женщинам участвовать в правительстве, а заодно и создавать любого рода женские политические клубы.

Менее шокируют человеческие чувства столь же воинственные вооруженные женские батальоны, организовывавшиеся в провинциях, особенно в Дофине, присягавшие на верность отечеству и демократии. Они также проявляли активность в клубах и политических

¹³ Аналогичные экстравагантности имеют место и в наше время. Поклонницы ла Майллар и Теруань в цветовой гамме замечены среди "передовых" женщин Финляндии. Мистер Пауль Вайнеман говорит: "Красный цвет является теперь любимым среди женщин-социалисток. Они почитают его настолько, что на заседаниях парламента обязательно присутствуют в ярко-красных платьях". — *Примеч. авт.*

кругах. Кроме того, женщины, оставшиеся верными королю или реакции, служили в армии: среди них были командиры и бойцы, однако объединение в чисто женские отряды наблюдалось нечасто. В то время женщины Франции стремились разделять с мужчинами труд и ответственность, но не узурпировать власть.

Глава 7. АМАЗОНКИ АФРИКИ

Диодор Сицилийский, цитируя историка Дионисия, говорит, что некогда существовал удивительный народ амазонок, возникший, добившийся чрезвычайного процветания и исчезнувший задолго до Троянской войны, причем в такой древности, что слава его затмилась новой славой понтийских амазонок. Эти древние амазонки обитали в Ливии, той части Африки, которая с востока ограничена Египтом и Эфиопией, с запада — Атлантическим океаном, с севера — узкой полосой классического Средиземноморья, а с юга — воображаемой рекой Океан, — в земле, населенной множеством разнообразных чудес и народов. Эти края, в соответствии с «древними повестями», к несчастью не названными, одно время славились «воинственными и могучими женщинами». К их числу принадлежали Горгоны, посмевшие вступить в войну с богами и греками. С ними посреди великих трудностей и опасностей воевал герой Персей, — князь, наделенный высокими добродетелями, сын Зевса, первый среди греков того времени. Мощь и доблесть этих женщин была ужасной. Подобное полное приятие горгономахии дает нам прекрасный повод с осторожностью относиться к этим «древним историям». Интересно отметить, что Диодор видит в горгонах многолюдное племя или народ, а не классических трех сестер, с которыми кроткая ликом Афина и благородный Персей обошлись столь низким образом. Бесспорно, что мегеры, сходные нравом с Горгонами и пренебрегавшие божественными и людскими законами, то и дело появлялись и в наших краях, и в расположенных к югу от них землях. Однако, отставив в сторону эту интересную мысль, мы видим: наши авторы утверждают, что к славе своей амазонки впервые восстали у западных пределов этих загадочных земель, «у отдаленнейших краев земли». Там они «вели иной образ жизни, чем наши женщины, потому что ради сохранения собственной девственности некоторое время занимались воинственными деяниями, а потом выходили замуж, чтобы иметь детей. Они держали в своих руках всю власть, занимали все общественные должности и ведали всеми делами, в то время как их мужчины на манер наших женщин ведали хозяйством, повиновались своим женам и не имели совершенно никакого представления о войне и управлении обществом». В данной форме брака мы имеем дело с радикальным отклонением от принятой в Фемискирском полисе. Можно только удивляться тому, что она самым удивительным образом совпадает с зафиксированной среди африканских амазонок исторического времени, в чем можно убедиться при рассмотрении восточных и западных регионов. В остальных частностях — военных упражнениях, угнетении правой груди и особом уповании на искусство верховой езды — африканские и азиатские обычаи совпадают.

В отношении первой столицы этого общества возникает ряд самых интересных вопросов. Диодор утверждает, что они обитали на острове Гесперия, иначе Тритония, называвшемся так, потому что он был расположен посреди топи, носившей имя Тритонида и получившей его от впадавшей в Океан реки. Топь располагалась между Эфиопией и Атласом. По общему мнению, под названием сим подразумевались Геспериды, или Счастливые Острова (современный Канарский архипелаг), и подобная идентификация как будто бы подтверждается тем, что Тритония являлась страной, подверженной землетрясениям, в которой, как и в азиатской колыбели племени амазонок, из земли выбивалось пламя. Однако описание, приведенное нашим автором, скорее относится к оазису, расположенному посреди болота, или, быть может, в Великой Сахаре, или же на острове, находящемся внутри наносной дельты. Стоит заметить, что последняя вклинивается между Атласским хребтом и землей черных людей. Подобные уголки, как нам известно, служили в разные времена прибежищем для отнюдь не чернокожих народов. В них развивались местные цивилизации, отсюда высшие расы расселялись, покоряя соседей огнем и мечом. Кроме того, нам известно, что впоследствии Тритония погрузилась под воду и была проглочена морем в результате страшного землетрясения. Такое утверждение позволило многим связывать Африканскую Амазонию с погибшей Атлантидой, хотя описание последней никоим образом не согласуется с любопытными топографическими деталями,

приведенными Диодором.

Сицилийский историк далее утверждает, что амазонки вскоре покорили весь остров, за исключением Мене, священного города «рыбоедов». Эти женщины не носили панцирей и одевались в змеиные шкуры, что связывает их со знахарками или жрицами некой разновидности солнечного культа, так как змеи традиционно связаны с колдовством и солнцем. Вплоть до сегодняшнего дня змеи принадлежат к числу фетишей, наиболее чтимых населением этой части континента, а другое солнечное животное, крокодил, связывался с современными королевскими амазонками Дагомеи. В древности эти женщины пользовались здесь луком со стрелами и мечом. Таким образом, характер верований и военных действий явным образом отличает их от Фемискирских амазонок. Жажда завоеваний оказалась столь же непобедимой в Африке, как и в Азии. Царица Мирина, собрав армию из 30 000 пеших и 2000 конных воительниц, вступила в Страну Чернокожих и напала на атлантидов, захватив их главные города и предав мечу каждого мужчину. Жестокость возымела желанный эффект: вся страна покорилась ярму амазонок, отдававших мужчин в распоряжение женщин-наместниц и набиравших новых воительниц из числа самых сильных лиц собственного пола. Очевидно, во время отсутствия Мирины, совершивший путешествие на запад Геракл пометил крайние пределы своих завоеваний возведением Столпов¹⁴ (колонн, обыкновенно воздвигавшихся в знак победы и благодарности богам и служивших символом обладания землей). Они расположены на скалах Кальпе и Абила там, где Иберийский полуостров почти соприкасается с берегом Африки. Далее Геракл прошел к Гесперидам, напал на амазонок, истребив их силу на западе, так же как на востоке. Другие авторы считают, что он нанес свой сокрушительный удар силам ливийских амазонок либо на Ионических островах, либо в Египте.

Далее нам сообщают, что Мирина совершила поход через всю Африку со своим великим войском и, миновав Эфиопию, вступила в Египет, заключив там союз с Гором, богом солнца и сыном лунных богов Осириса и Исиды. Укрепленная подобным союзом, она подчинила себе арабов, покорила Сирию и, приняв добровольно принесенную покорность киликийцев, прошла через Фригию в Средиземноморье. По мере триумфального продвижения основывались города и колонии. В Средиземноморье противостоят завоевательницам было некому, и Лесбос вместе с остальными островами сдался амазонкам. Выброшенные на берег земли Самос после жуткого шторма, одного из тех бурных припадков, которым так подвержено море, амазонки воздвигли храм во исполнение обета, принесенного в час опасности. Утомленные долгим походом, воительницы не выдержали свирепого натиска огромного и укрепленного союзниками греческого войска, которое возглавляли Мопс Фракийский и Сипил Скифский, а после смерти Мирины африканские амазонки прекратили свое существование в качестве самостоятельного народа. Это, если следовать Диодору. Другие авторы склоняются к мысли о том, что вторжение в Ливию было осуществлено с востока. Они утверждают, что Египет был захвачен скифскими амазонками, подобно тому, как в эту страну не раз вторгались различные вооруженные силы востока, и впоследствии персы. Некоторые рассказывают, что кое-кто из них вернулся на греческие острова, другие направились на запад через Африку к Атлантическому океану. По третьей версии, после падения сил Фемискиры некоторые из амазонок пробились из Сарматии через Галлию и Иберию к Атлантическому побережью, где, выйдя в море, захватили Гесприды, а потом через весь континент возвратились на восток, в Египет.

Интересно отметить, что история Северной Африки сообщает нам о постоянном проникновении волн завоевателей с востока, через Египет, а потом их каждый раз сменяют белые или коричневые племена, просачивающиеся сквозь горные хребты, что выстроились вдоль береговой полосы Средиземноморья, или же приходящие с запада. Повесть о белых

¹⁴ Эти Столпы впоследствии были восприняты испанскими монархами как часть геральдических символов страны, и посланные ими в значительно более позднее время предводители отрядов имитировали их, захватывая колоссальные земли в Новом Свете от имени своих суверенов. — *Примеч. авт.*

или смуглых народах, оттесняющих чернокожих как клин, вдвинутый поперек всего континента, становится возможной благодаря самой физической географии. Леди Лугард самым подробным образом описала трансконтинентальный пояс, нарушающий природные защитные барьеры Ливии и Эфиопии. Во-первых, существует историческая полоса средиземноморского побережья, протянувшаяся от Нила до мыса Спартель, затем возникает преграда в виде суровых гор, однако их достаточно плодородные южные склоны протягиваются как щупальца в монотонную песчаную пустыню, занимающую широты между 10° и 15°. Кроме того, существует водный путь по Нилу, Бахр-эль-Газалю, озерам и рекам Дарфура и Вадая, Шари, озеру Чад, рекам страны народа хауса — Бенне, Нигеру и Сенегалу. Эта цепь является южной преградой, останавливающей продвижение песков, и образует плодородный субтропический пояс Черной Земли — Судан, Эфиопию, Нигрету Текрур. Генову, некоторые из областей которых населены народами весьма смешанного происхождения. На север от водных дорог лежит песчаный океан, страшно монотонный при всех постоянных изменениях своей поверхности. На юг от них находятся густые и мрачные леса, области, населенные гигантами, пигмеями, каннибалами и зверями самого странного облика. Со всеми ними приходилось сражаться белым и смуглым захватчикам, борьба которых оставила глубокий след в преданиях и литературе, и — в не меньшей мере — на самом народе. То, что авторы древности имели некоторое представление об этих краях, следует из оставленных ими описаний Эфиопии и Ливии, как стран, ограниченных такими природными преградами, как моря, песчаные равнины, и, если строго придерживаться истины, несуществующей, однако вполне внушительной рекой Океан. Кроме того, мы помним о семитском и азиатском вторжениях, осуществленных вдоль Нила и в юго-западном направлении через хребты Атласа. Отзвуки подобных миграций звучат в рассказе Диодора о восточном походе ливийских амазонок.

Геродот, перечисляя ливийские племена, упоминает завекиев, «чи жены выезжают в своих колесницах на битву», а такой обычай мог быть занесен в Северную Африку из Азии через Сирию.

Небезынтересны в данном случае и филологические изыскания. Мистер Дж. С. Причард, цитируя М. Вентури, пишет, что берберы (народ несомненно азиатского происхождения), населяющие Северный Атлас, называют свой язык амазиг, что переводилось как «благородный язык». Некоторые авторы выводили из этого термина слово амазонка. Но, как бы то ни было, эти североафриканские племена породили множество доблестных воительниц. Когда в 77 году хиджры мусульмане под предводительством Хоссана ибн Анномана захватили Карфаген и имперские войска бежали в Константинополь, перед арабами вдруг появился куда более серьезный враг. Им стала местная царица Дхабба, которую мусульмане звали Кахиной, или «Волшебницей». Собственный народ считал ее святой и чародейкой. Она призвала под свои знамена диких мавров из Мавритании и берберов, обитавших на краю пустыни и среди гор Атласа, также заручилась активной поддержкой цивилизованных обитателей равнинной прибрежной полосы, где находилось много окруженных стенами богатых городов. Одержанные Дхаббой победы заставили Хоссана и его мусульманское войско отступить из Египта. Однако, будучи варварской царицей, она позволила своему патриотизму направиться варварскими путями. Решив, что последователей Магомета манят в ее страну богатые города и прекрасные сады с их плодовыми деревьями, она посоветовала своим воинам разобрать городские стены, обрушить величественные строения, выкорчевать пышные сады, срубить все плодовые деревья. Кочевники пустыни и примитивные жители гор ничего не теряли при этом, и скоро вся страна превратилась в продуваемую ветрами пустошь. Ошибка обошлась дорого: многочисленное и влиятельное население прибрежных районов стало враждебным царице, и когда Хоссан вернулся с новыми войсками, он обнаружил, что рать Дхаббы ослабла, а прибрежное население готово принять его. Невзирая на всю проявленную отвагу, царица потерпела поражение и, отказавшись покориться, была обезглавлена.

Возвращаясь к Верхнему Нилу, мы обнаруживаем свидетельство сэра Джорджа Роулинсона, утверждавшего, что в его дни царь беров (Behrs), обитавших на Белом Ниле, располагал женской гвардией, защищавшей его настолько эффективно, что к персоне владыки не мог приблизиться никто из мужчин за исключением его министров. Впоследствии, когда жизнь этого государя уже приближалась к концу, указанным дамам пришлось удушить его — в качестве знака внимания, чтобы царь не оставил сей мир как любой угнетенный болезнями и скорбями простой смертный. Однако мы вполне можем предположить, что и гвардия, и жестокий обычай имели более глубокий смысл. Обстоятельства заставляют нас видеть в этом мелком правителе наследника некогда могущественного царя-бога, чьим долгом и высшей привилегией являлась обязанность предложить свою жизнь в качестве жертвы за благо собственного народа. Он мог и сам поторопить свое отправление в неизбежное путешествие, и тогда в его гвардии приходится видеть прежних жриц. Бесспорно, совпадение обряда и его исполнительниц свидетельствует об азиатских корнях. Еще в 1840 год месье д'Арно обнаружил, что короля беров по-прежнему окружает отряд копейщиц.

Примерно в этом регионе отец Альварес собрал сведения о племени амазонок, существенно отличающемся от классического типа. Этот священник сопровождал португальского посланника, пребывавшего при дворе пресвитера Иоанна, императора Абиссинии¹⁵, в 1520–1527 годах, и в своем странном образом прямолинейном повествовании, посвященном всей миссии, он рассказывает о союзных королевствах Дамуте и Гораге, лежавших к юго-западу от земель пресвитера Иоанна. После этого он добавляет: «Говорят, что у противоположной оконечности этих королевств Дамуте и Гораге, на юге от них, расположено то, что можно назвать королевством амазонок; однако это не совсем так, ибо кажется, что, как рассказывали мне, или как вещала или вещает нам книга инфанта Дона Педро, амазонки эти (если только они являются таковыми) имеют своих мужей почти весь год, они всегда пребывают с ними и проводят вместе все свое время. Место короля в этом королевстве занимает королева. Она не замужем и не имеет мужа, что не мешает ей иметь сыновей и дочерей, среди которых одна наследует власть. Говорят, что эти женщины очень воинственны и сражаются верхом на некоторых животных, легких, сильных и быстрых, но похожих на коров, еще они славятся меткой стрельбой из лука; в юном возрасте они лишаются левой груди, чтобы не мешала потом посылать стрелы. Говорят также, что в этой стране амазонок много золота, и оно поступает оттуда в королевство Дамуте и далее в другие области. Говорят, что мужья этих женщин не являются воинами, и жены не позволяют им брать в руки оружие. Утверждают, что из королевства Дамуте вытекает великая река, направляющаяся в другую сторону чем Нил — так каждая из них течет в собственную сторону. Нил в Египет, а другая река — в земли, никому здесь неведомые, считается только, что она направляется в Манисуйго (Manicuiço)». Приведенные здесь подробности указывают на то, что мы имеем дело с матриархальным государством, отличающимся тем, что женщины его, обученные военному делу, не являются амазонками Фемискирского образца, хотя удаление левой груди, бесспорно, свидетельствует об азиатском влиянии. Однако наличие полного общества, как у савроматов гинскократуменов, но с противоположными социальными функциями, не позволяет отнести это государство к тому же самому классу, который описывает греческий миф об этом аномальном обществе, что, вне сомнения, объясняет осторожность формулировок, использованных преподобным хронистом.

Отец Жоао (João) дос Сантос, предшественник Альвареса, посетивший Абиссинию в качестве миссионера в 1506 году, говорит: «По соседству с Дамуте находится провинция, женщины которой настолько привязаны к войне и охоте, что не расстаются с оружием. Когда в окрестностях настает спокойствие, они преднамеренно устраивают ссоры между собой, чтобы проявить свое умение и отвагу и чтобы не претерпеть ущерба от оружия или

¹⁵ Идентификация пресвитера Иоанна с императором Абиссинии в настоящее время считается только одним из возможных вариантов.

праздности. Они много более храбры, чем мужчины этой страны, и чтобы не иметь препятствий для правильного пользования правой рукой, привыкли прижигать своим дочерям в юном возрасте соответствующую грудь раскаленным железом, чтобы не допустить ее роста. Большинство женщин более заняты войной, чем своими домашними делами, отчего они редко выходят замуж и ведут жизнь прежних амазонок Фемискиры. Если же случайным образом они вступают в брак и рожают детей, то заботятся о них не дольше, чем нужно, чтобы выкормить их, после чего детей отсылают к отцам для дальнейшего воспитания. Однако главные среди них следуют примеру королевы, живущей в постоянной девственности и считающейся божеством не только среди собственных подданных, но даже у тех владык, чьи земли расположены рядом с ее владениями, которые гордятся своей дружбой с ней и защищают ее от любых нападений. В самом деле, могущество этой монархини могло бы позволить ей стать второй Царицей Савской, чья власть над собственными подданными, как свидетельствует патриарх Бермудес в своей книге о Пресвитере Иоанне, была беспредельной. Тот же самый патриарх утверждает, что прибрежные острова Китая населены амазонками, допускающими в свою среду мужчин только в определенное время — ради сохранения племени».

Это напоминание о китайских островах заставляет нас в первую очередь вспомнить о Сокотре. Она также считалась островом амазонок, в то время как другие авторы помещали возле нее двойные Мужской и Женский острова, населенные, как у Марко Поло, различными полами, встречавшимися только на определенное время в году. Томас Райт, комментируя путешествия Марко Поло, ссылается на две различные карты, где острова эти соответственно именовались «Двумя Братьями» и «Двумя Сестрами». Подобные названия могли быть связаны с их близостью и сходством очертаний. Наименования местностей, данные им первооткрывателями, обычно почти не имеют закономерностей, и поэтому едва ли могут быть использованы в качестве основания каких бы то ни было теорий. Например, нам известно, что Уильям Баффин, проводивший исследования в Арктике в 1616 году, дал одному из островков название Женского потому, что впервые за нескольких месяцев увидел на нем женщин, хотя и сообщил, что они находились в сопровождении мужчин. Поэтому можно заключить, что существенная доля новооткрытых земель носит обманчивые названия, поскольку они были даны благодаря вполне тривиальным случайностям.

Что касается упоминавшейся отцом дос Сантосом сварливости этих женщин, она могла стать результатом простой профессиональной ревности; однако его заметки о царице носят весьма информативный характер. Ее положение, безусловно, не соответствовало тому, которым пользовались владычицы азиатских амазонок, и скорее напоминает положение священной жрицы-царицы, жизнь которой посвящена богам, если не приносится им в жертву. Предполагаемое отношение к ней соседних вождей, стремившихся находиться в мире с ней и считавших за честь защищать ее владения, достаточно определенно подтверждает эту точку зрения. Отец Альварес рисует менее приятную картину, однако его изображение ближе к классическим образцам. С другой стороны, примерно двадцати лет, прошедших между написанием обоих отчетов, могло вполне хватить на перемены, в особенности в отношении достоинства правительницы. Португальский священник, знаменитый дон Жоао Бермудес, патриарх и пресвитер (patriarch), посланный с религиозной миссией в страну пресвитера Иоанна, скорее подтверждает версию дос Сантоса, так как и он, описывая провинцию женщин, расположенную возле Дамуте, говорит, что «царица этих женщин не знает мужчины, и благодаря этому почитается среди них как богиня». Этот достойный патриарх категорически утверждал, что племя обязано своим происхождением царице Савской. Однако его склонность к догматическим комментариям, излишняя жажда чудес, проявившаяся, например, в красочных описаниях различных животных, в частности, грифов, способных поднять буйвола и улететь, держа его в когтях, вызвала уничижительную оценку трудолюбивого Сэмюэля Парчеса (Purchas), знаменитого собирателя и переводчика описаний путешествий. Сей достойный издатель, пылко осудив сказочные вымыслы и их авторов, добавляет с ноткой истинно философского сомнения: «И, тем не менее, Африка

полна редкостей, и некоторые из них, кажущиеся нам невероятными, вполне могут существовать на деле». Лица, принадлежащие к нынешнему поколению, сумели доказать это неоднократно, — хотя и не во всем, что относится к тайнам Черного континента.

На первый взгляд, от упомянутых областей возле Белого Нила до побережья Гвинеи кричи, не докричишься, однако, как мы уже видели, они принадлежат к цепи водных путей, позволяющих пересечь континент. И на западной оконечности этого пути мы находим заметные следы общества амазонок, существовавшего, но меньшей мере, несколько столетий назад. В то время как отец Альварес описывал управляемое женщинами государство, в котором женщины исполняли функции воинов на востоке континента, д'Арно и другие оставили нам свидетельства существования женских гвардий в странах Верхнего Нила, а более ранние путешественники рассказывают нам о войсках амазонок в Конго и Гвинее, причем последняя, похоже, является как раз тем самым районом, о котором писал Диодор Сицилийский. Первое отчетливое свидетельство существования женщин-солдат в Мономотапе было оставлено Пигафегой, а дагомейские амазонки привлекли к себе внимание исследователей в 1703–1730 годах. Последним, кто уделял некоторое внимание дагомейкам, был М. Фуа (M. Foa), в 1890 году сообщивший о многочисленных особенностях жизни в этой стране и нравах женщин-солдат, проявленных в столкновениях с французами, которым командовал генерал Додд. Он утверждает, что женское войско было организовано только в самом начале девятнадцатого столетия, когда Гезо (Gezo) организовал женскую армию, чтобы избежать судьбы своего брата Адмозана (Admozan), низвергнутого с престола народным восстанием. Подобное утверждение, конечно, является ошибочным, поскольку сообщения европейских путешественников восходят к началу восемнадцатого столетия, когда эта гвардия уже успела сделаться старой и привычной чертой общества. Гезо на деле просто явился реформатором, а мы мимоходом можем отметить любопытное имя его низвергнутого брата, как бы связывающее нас с берберами, обитающими на севере континента, и кафрами¹⁶, населяющими его восточную часть к югу от экватора. В соответствии с М. Фуа, Гезо набирал своих амазонок среди взятых на войне рабынь. Для поставленной цели подходили молодые и сильные женщины, которых поселили на территории дворца и подвергли самым суровым тренировкам. Амазонки образовывали точное подобие регулярной армии, и командовавшие ими женщины-офицеры носили соответствующие мужским чины. Многим из этих женщин-воительниц было позволено выйти замуж. Они составляли особое подразделение армии, и численность их одно время достигала 10 000 человек. Во главе их находилась Королевская Гвардия Охотниц на Слонов, носивших достигавшие колена штаны, короткие юбки; верхняя часть их тела была перехвачена полотняной лентой, а на головных уборах находились рога. Обыкновенные женщины-солдаты носили ту же самую форму, однако небольшую шапочку украшала кокарда, представляющая черепаху, вырезанную из синей ткани. Они брили головы и носили на теле ожерелья из бусин и амулеты. Их оружие состояло из коротких дагомейских мечей типа ятагана, боевых топоров, луков со стрелами и кремневых ружей. Однако французские власти считали женщин равным образом неумелыми в обращении с луком и ружьем, хотя в рукопашной они представляли собой чрезвычайно грозную силу и обыкновенно побеждали туземные племена. Этим амазонкам были дарованы всякого рода привилегии, они не подчинялись никому, кроме собственных командиров. Когда они выходили из дворца, впереди шла маленькая девочка, звонившая в колокольчик, чтобы все мужчины и обыкновенные женщины могли отступить с дороги, беспрепятственно пропустив свирепых воительниц, — как говорят, особ мужеподобных и чрезвычайно уродливых.

Возможно, М. Фуа и спешил с обобщениями, однако увиденное собственными глазами он описывал с достаточной точностью. В 1708 году английский путешественник описал свои впечатления от этой страны. Он утверждает, что уже в ту пору король Дагомеи располагал значительным количеством женщин, вооруженных как солдаты, «имеющих своих

¹⁶ Народы группы банту.

собственных офицеров и подобно регулярным войскам располагающих барабанами, знаменами и зонтами». Известно также, что в 1728 и 1729 годах король с помощью своих амазонок победил соединенные силы Видаха и Попоса (Wydah, и Popos), отчет об этой экспедиции нам оставил Арчибальд Дальцель (Dalzel), прежде занимавший пост губернатора Золотого Берега, опубликовавший в 1793 году книгу, написанную им много раньше. Коммодор Фредерик Форбс (Forbes), проведший в Дагомее значительный промежуток времени, также многое рассказал об этих войсках, которые, по его мнению, имели чрезвычайно древнее происхождение. Он считает их достаточно сильными и подвижными и сообщает, что они были разделены на многочисленные корпуса.

Еще один французский наблюдатель, аббат Лаффитт, находившийся в Дагомее около 1870 года, придерживался низкого мнения о нравах, царивших среди этих женщин, однако признает их отвагу и преданность королю. Когда Гезо напал на Абеокуту и был отброшен с существенными потерями, он оказался в очень сложном положении, поскольку люди его бежали, бросив своего короля на милость победителей.

И если бы не амазонки, прикрывавшие его отход. Гезо вне сомнения попал бы в плен. Внушительное количество женщин осталось лежать мертвыми на поле боя. Преемник Гезо также попытался захватить Абеокуту и вновь только амазонки позволили сохранить порядок во время отступления и не превратить его в катастрофическое бегство. Король бежал, а они удержали врага. Кстати сказать, Абеокута, всегда была занозой в седалище их дагомейских величеств. Это общество состояло из туземцев, угнетенных набегами амазонок и укрывавшихся возле высокой скалы, где они построили себе укрепленный город, оказавшийся неприступным. Слово это в переводе с йоруба дословно означает «под скалами». Во времена Бартона король стал придавать себе такое значение, что почти постоянно оставался в затворе, и только члены его собственной семьи и слуги имели право видеть, как он ест, пьет или нюхает табак. Во время посещения страны Лаффиттом амазонкам разрешалось вступать в брак, но только когда они становились слишком старыми или слабыми для участия в войне. Таким образом, брак представлял собой удобное средство пенсионного обеспечения отслуживших свое старых вояк. По словам аббата, все они были усердными труженицами, поскольку король не предоставлял им прокорма и оплаты; поэтому до брака всем им приходилось зарабатывать на жизнь собственными руками. Сэр Ричард Бартон после второго посещения Дагомеи оставил сразу познавательные и занимательные заметки на эту тему. Собранные им свидетельства решительным образом указывают в самое далекое прошлое, хотя он ни в каком случае не склонен романтизировать предание и личности. Он подтверждает, что Гезо реорганизовал войско амазонок, и для этой цели выбрал новобранцев из числа наиболее пригожих и годных к службе дочерей своих вождей. Кроме того, они, по меньшей мере, номинально составляли часть его гарема; поэтому браки их, если французские путешественники ничего не напутали, могли происходить только в более позднее время и, возможно, осуществлялись с целью облегчения бремени, лежавшего на королевской сокровищнице. Тем не менее вопросы набора рекрутов и организация войска описываются совершенно по-разному.

При Бартоне армия амазонок состояла из отряда Фанти, представлявшего личную охрану короля. Их головной убор выглядел как узкая белая хлопковая лента, к которой было пришито изображение крокодила, вырезанное из синей ткани. Волосы они стригли коротко, хотя и не брили головы. Кроме отряда существовали правое и левое крылья, включавшие пять родов войск: (1) женщины с короткоствольными ружьями, (2) охотницы на слонов, (3) женщины-бритвы, вооруженные острыми как бритва клинками, длиной в 18 дюймов, открывавшимися сильными пружинами и прикрепленными к шестам длиной в 2 фута, (4) лучницы (имеющие туземные и отравленные стрелы), (5) пехота (вооруженная крепостными мушкетами). Охотницы на слонов явно представляли собой парадное подразделение, а занимавшие прежде высокое положения лучницы бесспорно деградировали в отряд застрельщиц боя и маркитанток. У них были привязанные к запястьям ножи, они носили минимум одежды, а тела покрывала доходившая до колен татуировка. Все войско

насчитывало около 350 королевских телохранительниц и 2500 строевых солдат женского пола. Парадные мундиры были по-своему живописными. Узкая белая или синяя лента перехватывала волосы, грудь покрывала пестрая жилетка, застегивавшаяся на пуговицы впереди и оставлявшая руки свободными. Синяя, розовая или желтая набедренная повязка спускалась до лодыжек и удерживалась на поясе белым кушаком, длинные концы которого свешивались на одну сторону тела. Дополняли наряд патронташи, подсумки для пуль и короткие ножи. Рабочая одежда была существенно проще и состояла из безрукавной серо-коричневой рубахи, прикрывавшей грудь и спускавшейся до колен, коротких штанов и кушака. Женщины, занимавшиеся стрельбой из лука, как мы уже говорили, одевались еще проще, вероятно, их одежда была в большей степени приспособлена для грубой работы в походном лагере и буше. Офицеры всех родов войск отличались своим внешним видом. Бартон рассказывает, что главнокомандующей в его время являлась весьма объемистая дама, исполнявшая одновременно функции одной из советниц короля. Капитан королевских телохранителей носила «капор, похожий на головной убор французской поварихи, только белый и розовый внизу, а два крокодила из синей ткани были нашиты сверху, красоту дополняли серебряные рожки и шнурки». Еще одна командирша пристроила над глазами серебряный молоток, что делало ее похожей на единорога. Учитывая габариты этой дамы, невольно вспоминаются слова Павсания, утверждавшего, что рога у эфиопских быков растут на носу. Это явным образом указывает на носорога, неуклюжего прототипа сказочного изящного и быстрого единорога. Все командирши располагали свидетельствующим о чине зонтом, обычно украшенным соответствующими званию знаками, а также особыми штандартами и девушками-ординарцами, носившими за ними оружие. В состав отрядов амазонок входили женщины, умевшие играть на тарелках, барабанах и погремушках. Значительная часть боевых маневров представляла собой причудливые пляски, исполнявшиеся иногда всем отрядом, а иногда небольшими группами.

Аббат Пьер Буше, долго проработавший миссионером в Гвинее и Дагомее, дает другую версию комплектования отрядов амазонок. Он утверждает, что их отбирали среди (1) преступниц, (2) неверных жен, (3) жен сварливых. Последних вкупе с прочими общественными неудачницами отдавали королю даже во времена Бартона, и не может быть особых сомнений в том, что конкретное воплощение подобной практики время от времени изменялось. Однако Бартон не сомневается в том, что гаремные ограничения являлись достаточно строгими. Впрочем, Буше, как и Лаффитт, придерживался невысокого мнения о нравственности амазонок, хотя в их отваге и способности переносить физические нагрузки усомниться не мог, и обосновывал свое мнение на том, что видел сам или слышал от достойных доверия свидетелей. Аббат цитирует живописное описание полномасштабного учения, на котором присутствовал месье Боргеро (Borghero) примерно в 1880 году. На открытой площади был возведен забор из колючих кактусов; за ним располагалось пустое пространство, за которым поднимался деревянный дом с крутой наклонной крышей, позади теснилась группа хижин. Собранные три тысячи амазонок должны были взять «деревню», изображавшуюся скоплением хижин, приступом и фронтальной атакой. Маленькое развлечение усложнялось обыкновением комплексом условностей, которыми дополняют военные игры по всему свету: считалось, что атаки нападающих на форт (изображавшийся вышеупомянутым деревянным домом) будут трижды отражены (несуществующими защитниками). Боргеро был удивлен стремительностью и решимостью женщин, босыми ногами преодолевших колючий барьер, дважды приступавших к дому, но отраженных, но на третий раз влезших наверх, соскользнувших с противоположной стороны его кровли на землю и вошедших в хижины. Вне сомнения амазонки находились здесь в великом уважении и соответствующим образом высоко ценили себя; однако, властвуя, они говорили: «Мы больше не женщины, мы — мужчины». А ведь самое жестокое оскорбление для солдата, когда его называют женщиной. Эти противоречия явным образом указывают на существенные изменения в старинной организации, само происхождение которой практически оказалось забытым. Она, безусловно, не имеет никакого отношения к

матриархальной форме общества, поскольку требует уважения не к женщинам как таковым, а к привилегированной касте. Официально амазонки носили название Акхо-си, то есть «королевские жены», среди народа принято было именовать их Ми-но, то есть «наши матери». Безусловно, оба термина следует считать условными. В «Сказках 1001 ночи» великий дальневосточный правитель, дочь которого правила островом Эль-Вак-Вак, звал каждую из 25 000 своих конных копейщиц «своей дочерью». В мусульманских странах обращение к женщине «дочь моя» принято вне зависимости от ее возраста, и вариант «О, мать моя» служит всего лишь знаком почтения. Возможно, что гаремное устройство являлось только сохранившейся формой организации королевской гвардии, аналогичной королям беров, которая в свой черед была вероятной модификацией жриц, служивших королю-богу. Этот фактор может объяснить аномалию в отношении к положению женщины. С другой стороны, Уинвуд Риди (Reade) сообщает нам, что конголезская принцесса могла выйти замуж за любого понравившегося ей человека, однако муж должен был принять при этом женское имя, переодеться в женскую одежду и прикрыть лицо, а, когда бы он выходил из дома, перед ним шествовал раб, колотивший в барабан, освобождая дорогу. Следует отметить наблюдение, сделанное месье Фуа, утверждающего, что амазонки носили на своих головных уборах синее изображение черепахи.

Трудно сказать, превратился ли в этот вид синий крокодил, замеченный Форбсом и Бартоном, или же черепаха являлась особым фетишем правившего в то время короля. Черепаха представляет собой одно из животных, особенно почитаемых самыми примитивными народами, ибо в их космогониях она исполняет роль Атланта и удерживает тяжесть сотворенного мира на своем панцире. Можно не сомневаться лишь в том, что крокодил сохраняет в этом регионе все свое значение и поныне, поскольку Токподун, бог-крокодил, почитается во многих районах страны, и это пресмыкающееся играет свою роль в некоторых из священных церемоний или ежегодных «обрядов», как было в Египте. Лисса, бог солнца, использует в качестве вестника, представляющего собой некоторое подобие Меркурия, хамелеона. Однако основным культом на территории Дагомеи и за ее пределами является почитание змей. Представителем бога, дарующего добро и зло, является священный змей — питон. Данхгбве «матушка змея» — небольшой, покрытый бурыми и белыми полосами боа почитается в Видахе (Wudah): великим фетишем охотников и лесных жителей служит Гбве-джи, небольшая змея с такими же полосами, как у боа, а Айдо-вхе-хо. небесная радуга в местном пантеоне, символизируется свернувшейся рогатой гадюкой. Имя Водун носит змеиный фетиш на невольничьем берегу, а как нам известно из книги Босмана (Bosman), творящийся на Гаити темный культ «вуду» включает в себя оргии с плясками, в которых принимают участие женщины, а также обязательны человеческие жертвоприношения. Соображения эти имеют для нас некоторый интерес, потому, что возвращают к одетым в змеиные шкуры и вооруженным ятаганами амазонкам Диодора, связывавшего женщин-воительниц с почитанием змей, религиозной организацией общества, а также с королевской властью.

Трудно сколько-нибудь точно определить число этих женщин, поскольку оценки всегда оказывались самыми разнообразными. Иногда количество амазонок кажется нам достаточно большим для того, чтобы опустошить целую страну, отчасти благодаря собственной организации, отчасти благодаря частым вылазкам, которые были необходимы в связи с большим числом воительниц. Ранние путешественники, правда, имели склонность преувеличивать военную мощь королей Дагомеи, так как эти изобретательные владыки любили простейшие хитрости. Их амазонки маршировали по плац-параду от глиняных ворот в женскую часть дворца, до соседней чащи, потом, скрываясь за деревьями, женщины возвращались назад и проходили по площади снова, образуя новое подразделение казавшегося бесконечным войска. Мы видим в этом иллюстрацию к одной из тех мгновенно возникающих стратагем, которые могут осенить людей, резко различающихся самим образом мышления. Мы видели эту хитрость в собственной стране, когда женщины Фишгарда, прикрывшись красными шальями, маршировали взад и вперед по холмам, чтобы

обмануть французов. Поступок их считается у нас благородным, хотя мы и осуждали дагомейцев за подобный обман. Последний вполне можно уподобить уловкам экономного директора театра... некоторые даже негодовали. Однако мы действительно демонстрируем слишком большую склонность к осуждению, граничащую вне сомнения с ханжеством. А ведь чаще всего мы имеем дело с данью, выплаченной пороком добродетели. А иногда, напротив, много чаще, чем это предполагают лишенные философской жилки умы, такая уловка может представлять даже ступень к более высоким поступкам. Недовольный существующим положением дел обращает внимание на внешнее, важным пренебрегают в пользу лучшего. А ведь этот «сухой остаток» может оказаться бесконечно более предпочтительным, чем сама вещь или ее сущность.

Таким образом, когда люди начинают сомневаться в том, что нравственность требует убивать рабов, для того, чтобы их можно было похоронить вместе с мертвым господином и чтобы мирское служение продолжилось призрачной шутовской пародией в Стране Теней; или когда сомневаются в том, что справедливо рубить голову военнопленному, чтобы «перевоплотить» его в незнающего устали часового, водрузив оскалившуюся голову на высокий шест над могилой или хижинкой предводителя; таким образом, охваченные сомнением помещают в могилы глиняные куколочки, раскрашенные изображения и даже целые рати фигурок мужчин, женщин и маленьких детей, изготовленные из коры, камня или других подходящих материалов, а потом выставляют на могиле в качестве стража высеченное из камня изображение вместо настоящего черепа или набитой сушеной травой снятой кожи — аналог начинает замещать подлинную вещь. Вне сомнения эти пустые формы оказываются подозрительно выгодными для оставшихся в живых родственников, однако они являются существенным приобретением как с точки зрения потенциальных жертв, так и всего человечества. Поэтому, когда Его Дагомейскому Величеству приходится увеличивать численность поредевших отрядов собственных амазонок путем обмана, хитрость его только обнаруживает, что рост гуманизма или усталость (способная самым сильнейшим образом подвигнуть к добродетельным поступкам) сократили величину его голодного войска — на радость населению его собственной державы и к общему ликованию соседей, также превращая лукавство в инструмент усовершенствования реальности. Гуманность — хрупкая вещь, и чувство это редко бывает настолько сильным, чтобы отказаться от старой любви, прежде чем начнется новая.

Как мы уже говорили, Дагомея не является единственной страной на западном берегу Африки, пользовавшейся услугами амазонок в новейшие времена. Едва ли известный миру король Йоруба располагал столь внушительной дамской гвардией, что, по хвастливому утверждению этого монарха, взявшись за руки, его амазонки могли перегородить цепочкой все королевство; а при жизни Босмана марионеточный король Видаха распоряжался примерно 4000–5000 «жен», исполнявших приговоры его величества. Более того, мы имеем звено, соединяющее Западную Африку с центральной и восточной частями этого континента. Его нам предоставляет возвышенный отчет Пигафетты (Pigafetta) о многочисленных приключениях Эдвардо Лопеца, посетившего королевство Конго примерно в 1580 году. Описывая империю Мономотапа (Monomotapa), он утверждает, что в ее войске находились легионы воительниц. Пользовавшиеся высоким уважением, они с изрядной ловкостью владели луком и стрелами и, чтобы облегчить процесс стрельбы, прижигали правую грудь. Мы узнаем, что они «были очень быстрыми и ловкими, бодрыми и отважными, и очень хитроумными в стрельбе, но особенно и превыше всего проявляли предприимчивость и упорство в битве». Они пользовались военными хитростями, часто изображали бегство перед лицом противника, а потом встречали его лицом к лицу. Сталкиваясь с упорным сопротивлением, они разбегались во все стороны и, окружив врага, начинали теснить его со всех сторон. В соответствии с наблюдениями португальцев, женщины пользовались особой милостью у короля, и для них были отведены особые районы, где они выращивали своих дочерей, поскольку отсылали от себя мальчиков еще в раннем возрасте. Лопец сообщает, что на северо-востоке Конголезской Империи, «у истоков Нила»,

обитало ужасное племя гиача, или агага, гигантов, «питавшихся человеческой плотью», покрывавших шрамами свои губы и щеки с помощью раскаленного докрасна железа и находившихся в постоянной войне с конголезскими амазонками. Очевидно, те пытались проникнуть в более плодородную область под напором вторгнувшихся в их страну варваров, как пояснялось в начале этой главы.

Татуировки используются в основном как племенные и профессиональные знаки, первоначально связывавшиеся с тотемизмом, и украшение это служило для привлечения или устрашения (соответственно в любовных делах и военных занятиях), являясь естественным развитием системы. Древние легенды утверждают, что аннамиты, угнетаемые нападениями чудовищ со стороны моря и воздуха, стали татуировать себя так, чтобы напоминать драконов и рыб, чьими побратимами сделались в результате этого действия. Отсюда, вероятно, возникли удивительные драконы и рыбы, распространенные по всему Китаю и Японии. Человек видел в себе потомка свирепых животных и потому украшал свое тело рубцами, красителями или шкурами. Этим обусловлено использование шкур львов, леопардов и быков, плащей из птичьих перьев, одежд из змеиных шкур ливийских амазонок и удивительных нарядов из рыбьей кожи, которые используются в настоящее время приамурскими племенами. Любопытно, что при жизни Брюса некоторые суданские племена покрывали свои животы, бока и спину татуировкой в виде рыбьих чешуй. Царь-бог и бог-жрец восседали на тронах, снабженных лапами животных и птичьими когтями, присущими их звериным предкам, и после смерти часто изображались с телом льва или орлиной головой, чтобы подчеркнуть этот союз. Жречество и поклонники определенных богов покрывали свои тела символами этих божеств. Подобная практика рассматривалась как идолопоклонство, о чем свидетельствует книга Левит, где мы читаем (XIX, 28): «Ради умершего не делайте надрезов на теле вашем и не накладывайте на себя письмен». Плиний, повествуя о мосейни, обитавших возле Фемискиры, описывает их как племя, «делающее отметины на собственных телах», и утверждает, что даки также оставляли на собственных руках шрамы, свидетельствовавшие о происхождении и сохранявшиеся на теле новорожденных младенцев до четвертого поколения. Впрочем, Аристотель заявляет, что такие родовые отметины исчезали после третьего поколения. В отношении священной природы татуировок, образованных шрамами, месье Фуа заявляет, что тела дагомейских жрецов и жриц, в особенности поклонявшихся Змею и Грому, были покрыты жуткими отметинами. Одна из разновидностей татуировок представляла собой нечто вроде паутины, образованной кусками кожи, уложенными концентрическими кругами и образующими подобие протянутых к центру нитей, создавая нечто вроде выступа на теле. Подобные знаки вне сомнения имеют символический характер и связаны с тайнами и колдовством. Татуировки часто рационализированы до предельно простой формы, в отличие от сложных рисунков обитателей Тихоокеанских островов или изображений на теле, принятых у американских индейцев. Например, тотем индюка у ленапе изображается отпечатком когтя. На западном побережье Африки рога антилопы замещаются двумя изогнутыми линиями (что принято также в Индии). Черепаха изображается в виде прямоугольника, из которого по бокам торчат четыре обозначающие лапы линии, и проведенная прямая черта символизирует хвост и голову. Существенная часть татуировок в Африке производится на губах и щеках, как было принято у нильских джагасов, или на лбу, груди и теле, как у суданских рыболовов, или на ногах, как у дагомейских охотников за слонами, и состоит из точек и линий, изогнутых или волнистых. Следует отметить, что повсюду широко используется гадательный предмет, похожий на увеличенную доску для триктрака с освященными фишками из пальмового дерева. Комбинация чисел, видимо, тесно связана с представлениями религиозных организаций — различными областями деятельности, числом богов, жреческой иерархией и так далее. Представление о священных числах мы находим у ассирийцев, связывавших Создателя, Анну с числом 60; Сина, бога луны, с числом 30; а лунную богиню Иштар с числом 15. Здесь угадывается связь с магией чисел, объявляющей священными числа три и семь, математическими фокусами разнообразных чародеев, черных

и белых, вне сомнения рожденной из астрологии и ее практического применения.

Эхо этих событий донесено до нас падре Джованни Антонио Кавацци в написанной им увлекательной истории Эфиопии. Обращаясь к Конго, он говорит, что в 1640 году Ллинга, дочь скончавшегося короля, унаследовала власть отца, но была изгнана из страны, потому что отказалась подчиниться контролю португальцев. Тем не менее она явно была наделена тонким умом и нужными правителю — а также воину — качествами, поскольку, удерживая при себе большую свиту, долго вела вооруженное сопротивление, вернулась в Конго и вынудила утомленных войной португальцев заключить с ней мир. Она одевалась в шкуры и имела при себе топор, лук со стрелами и меч. Уже после своего возвращения девушка превратила вооруженную борьбу в профессию, возможно для того, чтобы сохранить свою власть над непостоянным народом; в частности, один из ее милых обычаев заключался в принесении в жертву мужчины перед каждым походом: королевственная особа собственной рукой сносила ему голову с плеч и в присутствии подданных пила свежую кровь. Тирания ее явно поддерживалась женщинами. Отец Кавацци сообщает нам о существовании в регионе другой мегеры из разряда амазонок, намеревавшейся создать государство женщин-воительниц. В начале шестнадцатого столетия с северо-востока в Конго вторглись упорные бойцы из племени джагас (или ягас). Гиганты-каннибалы Лопеца по-прежнему досаждали королевству. Джагасы производили великие опустошения под командованием своего вождя Зимбо. Однако в конечном итоге он потерпел поражение и был оттеснен на юг. Повернув в направлении мыса Доброй Надежды, Зимбо внезапно двинулся на север и, пройдя вдоль побережья, осел на берегах реки Кунене, где основал королевство. После его смерти власть унаследовал один из предводителей войска, которому ее в свой черед передала его жена Муссаса. Их дочь Тембандумба была названа в честь знаменитой супруги Зимбо и была воспитана в духе военных традиций.

Хотелось бы знать, являлись ли воинственные наклонности женщины племени джагас результатом военных событий на Верхнем Ниле, или они были рождены контактом со старинными войсками амазонок Мономотапы. В любом случае Тембандумбу с юных лет одолевали честолюбивые устремления. Чтобы наилучшим образом воплотить их в жизнь, она собрала при себе молодых девушек и вменила им в обязанность заниматься охотой и военным делом. Она отказалась подчиняться обычаю и вступала только в чрезвычайно кратковременные брачные союзы, старательно убивая своих любовников после весьма краткосрочного знакомства с ними. Таким образом, девушка всегда заканчивала старую любовь прежде, чем начинать новую. В порядке самоутверждения она подняла бунт против Муссасы и объявила себя царицей. Тембандумба поставила племя на военные рельсы. Она потребовала, чтобы собственные матери убили всех младенцев мужского пола, всех близнецов и всех девочек, у которых верхние зубы появились раньше нижних. Тела детей, рожденных от связей внутри деревень, заставила истолочь в ступках вместе с травами и превратить в волшебную мазь. Временных мужей следовало ловить, прибегая к силе оружия. Чтобы добиться выполнения своих требований, царица собрала все племя, и, оторвав от груди своего младенца сына, швырнула его в ступу и размолотила пестом вместе с травами и кореньями. Образовавшейся смесью она натерла свое тело, объявив, что отныне стала неуязвимой. Покорившись страсти к подражанию, другие матери последовали ее примеру и затем направились следом за ней на войну. Тем не менее уже вскоре образовалось пассивное сопротивление; младенцев мужского пола прятали, и Тембандумбе пришлось поручать своим офицерам убивать новорожденных мальчиков.

Наконец ей пришлось отказаться от идеи создания женского государства, а на мазь стали употребляться захваченные на войне дети. Племя занималось каннибализмом и практиковало человеческие жертвоприношения; женщин, однако, убивали только по случаю кончины великих вождей, сперва в порядке заимствованного обычая и потом в качестве добровольно вызвавшихся кандидатов на посмертные почести. Тембандумба держала свое племя в постоянном напряжении и правила в основном женскими руками. А потом она покорила чарам одного из своих мужей и после слишком долгого для себя брака была

отравлена им при первых признаках очередной брачной лихорадки. Женщина эта обладала отвратительной внешностью, и магическое зелье не сумело восстановить один из ее глаз, выбитый в сражении. На этом и закончился печальный эксперимент, который можно уподобить преданиям о правлении Валаски в Богемии. Однако Кавацци в первую очередь рассказывает нам об исключении. И если мы предположим, что джагасы принесли наклонности своих женщин к войне и власти из бассейна Нила, эта аномалия становится менее значительной, чем повесть Эдварда Лопеца о королевской женской гвардии, использовавшейся в отчаянных предприятиях, связывающая Конго с Гвинеей и Белым Нилом, таким образом, в известной мере, завершающей этот африканский круг, протянувшийся от Абиссинии до Дагомеи, чьей крайней точкой на западе является колония на берегах Кунене.

Глава 8. АМАЗОНКИ АМЕРИКИ

Когда Христофор Колумб возвращался из своего первого исследовательского плавания, индейцы Эспаньолы сообщили ему о другом острове, называвшемся Мантуимо и населенном исключительно женщинами. Они занимались неположными их полу делами: стреляли из лука, охотились и воевали. Раз в году они принимали у себя карибов с других островов. Мужчины оставались в гостях недолго, и во время своего следующего ежегодного визита увозили с собой родившихся младенцев мужского пола, в то время как девочки оставались с матерями. Эти женщины помимо лука и стрел пользовались защитными панцирями из медных пластин. Полученные сведения лишь укрепили адмирала во мнении в том, что он находится возле берегов Индии, ибо древние рассказывали об островах, на которых нашли себе убежище ушедшие из Фемискиры амазонки. Кроме того, один из великих соотечественников, знаменитый сухопутный путешественник, венецианец Марко Поло, как нам известно, рассказывал об острове, в котором многие видели последнее их убежище. Хотя до ушей Колумба слухи о таком таинственном острове доходили неоднократно, всякий раз помещая его где-то очень недалеко, великому мореплавателю не было суждено найти его. И не только ему одному — остров этот, известный туземцам Карибского моря во всех подробностях, так и остался ненайденным. Ну а прочие испанские авантюристы рассказывали уже другие истории.

В 1540 году, примерно через сорок лет после того, как Алонсо Пинзоа открыл великую реку Мараньон, Франческо Орельяна прокладывая путь из далекого Перу к Атлантическому океану через Бразилию и, преодолевая многочисленные трудности, исследовал великую реку. По пути он узнал о существовании народа пигмеев, а также людей, головы которых растут на спине, а ступни повернуты в обратную сторону, чтобы любой, кто попытается пойти по их следу, стал искать в противоположном направлении. Кроме того, в местных джунглях существовали люди с хвостами, и озаколеты, — воинственное племя людей с белой кожей, голубыми глазами и длинными светлыми бородами. Однако наиболее настойчивыми были слухи о племени воинственных женщин, живших отдельно от мужчин. Величие и новизна незнакомых европейцам пейзажей и странные истории, которыми потчевали испанцев местные жители, подготовили путешественников к приятию чудес. Поэтому, преодолев чуть больше половины собственного маршрута, приближаясь к реке Тромбетас, соседствовавшей с заросшим густым лесом островом Тупинамбарана, что образован при слиянии Мадеры с Мараньоном, они обнаружили перед собой собравшихся на берегу воинственно настроенных туземцев. Среди них заметили женщин, казавшихся предводительницами, и со всей готовностью решили, что натолкнулись на знаменитых амазонок. В этой уверенности испанцев подкрепили показания допрошенных туземцев, и де Орельяна, восхищенный собственным великим открытием, а, по словам некоторых, движимый желанием представить собственные достижения в более выгодном свете, переименовал реку Мараньон в Амазонку, причем название это впоследствии распространилось на всю огромную провинцию.

Гарсиласо Инка де ла Вега, повествуя об экспедиции Гон-сало Писарро и его лейтенантов, цитирует отца Карбахала, находившегося в отряде Орельяны. Добрый падре утверждает, что индейцы настолько яростно атаковали небольшую, но хорошо вооруженную испанскую армию потому, что являлись данниками амазонок, внося некоторую путаницу смешением с азиатскими традициями. Однако вместе со своими спутниками он видел двенадцать амазонок, сражавшихся в первых рядах индейцев и командовавших ими с такой властью, что они не смели отступить, а те, кто все же бежал перед врагом, были забиты дубинками своих братьев. Эти женщины показались испанцам очень высокими, крепкими и светлокожими; их длинные волосы были закручены на голове, чресла этих особ прикрывали шкуры диких зверей, а в руках их находились луки, которые выпущенными стрелами сразили многих из отряда первооткрывателей.

Слухи о народе амазонок оставались обильными, однако страна их так и осталась необнаруженной, во всяком случае, никто так и не сумел определить ее точное географическое положение. Предположительно она находилась в мрачных лесах, хотя, по утверждению многих и располагала богатыми городами. По прошествии некоторого времени после приключения де Орельяны и Карбахалья, другой миссионер, падре Кристоаль де Акунья, проживший в Бразилии долгое время, привел в своей книге *«Новое открытие Великой реки Амазонки»*, существенно больше деталей. «Эти мужеподобные женщины, — пишет он, — обитают в густых лесах и на высоких холмах. Один из таких холмов, что поднимается над всеми остальными, и потому за подобную гордыню исхлестан всеми ветрами настолько, что на голой его вершине не растет ничего, называется Якамиаба. Эти амазонки преисполнены великой отваги, и всегда хранят себя от обыкновенного общения с мужчинами. Даже когда те по соглашению каждый год приходят в землю женщин, они встречают пришельцев с оружием в руках и долго грозят луками и стрелами, пока не убедятся в том, что индейцы появились с мирными намерениями. Тогда женщины складывают оружие и спускаются к лодкам своих гостей, откуда каждая выбирает первый попавшийся под руку гамак, относит к собственному дому и вешает на видном месте, где владелец гамака может его узнать. После индейцы несколько дней пребывают у них в гостях, а затем возвращаются в собственный край, и повторяют свои визиты ежегодно, в одно и то же время года. Рожденных от такого союза дочерей амазонки сохраняют в живых и растят, чтобы сохранить доблесть и обычаи своего народа, но о том, как они обходятся со своими сыновьями, ничего определенного сказать нельзя. Индеец, посещавший эту страну вместе с отцом, будучи еще совсем молодым, сообщил, что мальчиков передают отцам во время их возвращения на следующий год. Однако другие — и сообщения их кажутся наиболее вероятными, потому что таких больше, — говорят, что, увидев родившегося мальчика, амазонки убивают его. Время откроет истину; и если это и есть те самые амазонки, которых прославили историки, заключенные на их территории сокровища обогатят целый мир». Легенда эта в точности повторяет услышанную Колумбом, хотя неуловимое племя адмирала предположительно обитало на острове, расположенном в Карибском море, те же амазонки, которых видел де Орельяна, жили на материке, — то ли в густом лесу, то ли на острове, образованном слиянием двух рек, таком как упомянутая Тупинамбарана, имеющая в длину 210 миль и площадь 950 квадратных миль, то ли опять-таки на острове, но уже расположенном на одном из великих озер.

Вопреки мечтам доброго падре время расправилось с этой легендой, во всяком случае, в том смысле, в котором он ее понимал. Ни племя амазонок, ни его сказочные сокровища так и не были найдены. Причиной этому было отнюдь не отсутствие у испанцев сил или воли, необходимых для исполнения подобного намерения. Подхлестываемые рассказами, подобными тем, которые зафиксировали Акоста и Эррера, получив присягу от бродячих белых туземных племен, они были наполнены энтузиазмом, подгонявшим их к новым исследованиям поискам постоянно удаляющейся страны «где женщины пребывают в одиночестве». Нуньес да Гусман, писавший в июле 1530 года из Омиттана императору Карлу V (королю Карлу I Испанскому), уже предвкушает свою будущую удачу и успех: «Я отправлюсь на поиски амазонок, которые, по словам некоторых, обитают в море, или в заливе этого моря; они богаты, почитаются за самостоятельных, и живут иначе, чем другие женщины. Они пользуются луком и стрелами; у них много сокровищ». Среди прочих на поиск отправляется Эрнандо де Рибера. В своей экспедиции он наталкивался на многих туземцев, говоривших ему, что за Домом Солнца — иначе говоря, на западе от великого озера, в которое солнце опускалось на ежедневный отдых, — и находится столь долго разыскиваемая страна, где «женщины живут одни». Определение это могло относиться даже к Перу, где на вершинах Анд строились храмы солнца, такие как Интихуатана, «Седалище Солнца», крепость-храм, воздвигнутая на высокой горе над Куско вблизи озера Титакака, на высоте примерно 400 метров над уровнем моря. Тем не менее сообщений о женщинах-воительницах по эту сторону Анд не существовало — во всяком случае во дни инков. По

возвращении в Бразилию Рибера поведал, что женщины обладали как белым, так и желтым металлом (серебром и золотом) в таких количествах, что делали из него свои седалища и домашнюю утварь. Близкими соседями, как утверждалось, являлись пигмеи, образовывавшие самостоятельное племя. Примерно через сорок семь лет Энтони Найвет, сопутствовавший Томасу Кэндишу в его втором путешествии по Южным Морям, был захвачен португальцами и бежал, после чего скитался по Бразилии. Он слышал об амазонках, и даже утверждал, что спутники-индейцы сказали ему о том, что они как раз пересекают эту загадочную страну; однако, когда Найвет попытался уговорить их напасть на женщин, туземцы «не осмелились этого сделать и сказали, что страна эта очень многолюдна, и все мы погибнем».

Слухи об амазонках приходили и с совершенно другой стороны. Сэр Уолтер Рэйли в своей книге «Открытие Гвианы» рассказывает о своей беседе с касиком, который бывал на реке Амазонка и за нею. Этот вождь сообщил ему, что «племена таких женщин обретаются на южном берегу реки, в провинции Топога, а главные силы и убежища их в землях, расположенных на южной стороне нижнего течения той же самой реки, примерно в шестидесяти лигах от ее устья. Воспоминания о подобных женщинах, — добавляет славный рыцарь, — относятся к столь же великой древности, как в Африке и в Азии, и многие истории относят их к различным векам и провинциям. Те из них, которые живут неподалеку от Гвианы, встречаются с мужчинами всего раз в году, в течение одного месяца, которым, судя по всему, является апрель. В эту пору собираются все приграничные короли и королевы амазонок; после того как королевы сделают свой выбор, остальные определяют свои симпатии по жребию. Весь этот единственный месяц они пируют, пляшут и в изобилии употребляют местное вино, а по завершении его возвращаются в собственные провинции. Зачав и родив сына, они передают его отцу; если родилась дочь, — выкармливают ее и оставляют при себе. Родившие девочек, отправляют подарки их отцу, стремясь увеличить численность своего пола и племени; однако я не обнаружил свидетельств того, что они отрезают себе правую грудь. Кроме того, мне говорили, что, взяв пленников на войне, они заставляют тех всегда следовать за собой, однако в итоге непременно убивают их, потому что женщины эти кровожадны и жестоки, особенно по отношению к тем, кто дерзнул вторгнуться в их страну. Еще эти амазонки обладают большим запасом золотых пластинок, которые они выменивают на зеленые камни, называемые испанцами *pedras hijadas*, а мы используем для лечения сплина, за что весьма благодарны им. Я видел много подобных им в Гвиане, обыкновенно хотя бы один найдется у каждого касика; камни эти носят жены вождей, которые видят в них великую драгоценность».

Далее направление поисков изменяется, и мы слышим о женщинах, обитающих на северном берегу великой реки. Потом они отступают вверх по течению Рио Negro, и, наконец, находят убежище в Гвиане. Рэйли говорит: «На южной стороне главного устья Ориноко живут араваки, за ними находятся канибалы (карибы), южнее которых обитают амазонки». Много лет спустя падре Жили (Gili), писавший об Ориноко и окрестностях этой реки, рассказывал, что самым тщательным образом расспрашивал индейца относительно соседних племен. Тот привел несколько названий, среда которых оказались айкеамибенанои.

«Как человек, хорошо знакомый с языком танамаков, — заявляет священник, — я немедленно понял смысл последнего слова, составного и обозначающего „женщин, живущих в одиночестве“. Индеец немедленно подтвердил сделанный падре вывод и сообщил определенные сведения об этом, казалось бы, недалеко, однако недостижимом племени. Как оказалось, оно занималось, в основном, производством духовых труб для стрельбы отравленными стрелами на войне и на охоте. Путешествовавший в 1745 году по Бразилии ла Кондамин старательно расспрашивал туземцев об амазонках и узнал о некоем старом индейце, отец которого лично разговаривал с „женщинами, ни имеющими мужей“. Добравшись до деревни, он обнаружил, что старик уже скончался, однако примерно семидесятилетний сын его сообщил, что его дед действительно беседовал с четырьмя амазонками, одна из которых кормила грудью младенца. Они поднимались от низовьев реки

по долине Рио Негро. Другой индеец, живший возле Пары, даже предлагал показать реку, в верховьях которой (за горными водопадами) в его время обитали амазонки. К сожалению, это предложение так и осталось не принятым. Высокогорья Гвианы в то время считались главной областью обитания женских племен. И хотя Кондамин „знает, что индейцы Южной Америки по большей части являются отъявленными лжецами и любителями чудес“, он, тем не менее, не видит никаких причин для скептицизма даже в отношении мелких подробностей описания жизни племени и метода их получения.

О происхождении „женщин, живущих без мужей“ в среднем и нижнем течении Амазонки, существовала весьма многозначительная легенда. Она гласит, что в каком-то далеком и неопределенном времени женщины взбунтовались против мужчин и ушли в горы в сопровождении одного только старика. Там они жили собственным попечением в полной изоляции. Всех дочерей, рожденных в этом весьма однобоком обществе, старательно воспитывали, а мальчиков убивали. Наконец, один несчастный мальчишка, появившийся на свет покрытым шрамами калеккой, пробудил в сердце своей матери жалость. Призвав на помощь всю свою нежность и лекарское умение, она ничего не добилась, пока не посадила сына в прочный плетеный мешок и затянула его, придав телу красивые очертания. После этого он возрастал в уединении, день ото дня становясь все более милым телом и нравом. Наконец убежище его оказалось обнаруженным. Женщины принялись приставать к нему, однако мальчик оставался невозмутимым, Мать и сын посоветовались, и чтобы избежать мучительниц, юнец нырнул в озеро, где принял облик рыбы. По зову матери рыба подплывала к берегу и, приняв пищу из рук женщины, немедленно превращалась в прекрасного юношу. Мать ревностно охраняла свой секрет, однако женское любопытство победило, и ее тайна скоро оказалась раскрытой; другие, имитируя зов, стали вызывать парнишку на берег и немедленно заключать его в объятия. Теперь уже настала очередь старика проявлять недовольство, так как он заметил, что им пренебрегают. Он принялся шпионить и, увидев всю волшебную сценку собственными глазами, пришел в гнев. Однако рыба не приплывала к нему на зов, и он начал плести сети. Ни одна из них не оказывалась достаточно крепкой, и мальчик-рыба постоянно ускользал, прорывая ячейки. Тогда старик сел и, хорошенько подумав, составил план дальнейших действий. Обойдя всех женщин племени, он выпросил у них по пряди волос, после чего сделал сеть настолько прочную и надежную, что немедленно поймал докучливую рыбу и убил ее. После этого женщины окончательно покинули убийцу. Однако каждый день, пока старик находился в поле, в его хижине всегда прибирали чьи-то невидимые руки, готовили ему еду. Тогда он спрятался и снова принялся подглядывать. На сей раз в хижину влетела ручная попугайка, сбросила перышки и немедленно превратилась в прекрасную девушку, с великим трудолюбием взявшуюся за домашний труд. Старик бросился вперед и сразу же швырнул перья в очаг, а потом повернулся и спросил: „Кто ты?“ — „Единственная женщина, которая тебя любила“, — ответила она. — Но ты рассеял теперь проклятье, властвовавшее надо мной, и я рада этому¹⁷.

Другой вариант сказания приводится Барбосой Родригесом. Он передает легенду о том, как женщины восстали против собственных мужей и бежали в леса, где их защищали природные силы и дикие звери. Путь погнавшимся за ними мужчинам преградили потоп и буря; на них нападали свирепые животные, а засевшие на деревьях обезьяны забрасывали их

¹⁷ Здесь американские ориенталисты не заметили одну тонкость. Дело в том, что Кама, бог любви у индусов, нередко изображался верхом на попугае, и возможно, первоначально был богом-попугаем. В индийских повестях попугай постоянно служит посредником в любовных делах. Любопытно, что этот образчик индуистской мифологии обнаружился в романтическом варианте легенды об амазонках. Однако в данном случае мы склонны видеть в этом лишь еще один пример строгого следования фактам. Он напоминает о той трогательной любви, которую эти птицы обнаруживают к своим супругам и которая может даже перекинуться на другие примеры. Так, сказка о попугае повествует о птице, затосковавшей и просившей смерти оттого, что укрывавшее ее дерево засохло. То есть практически мы имеем дело с примером естественного символизма. — *Примеч. авт.*

тяжелыми предметами. Так женщины получили возможность скрыться и зажить собственной жизнью. Потом они раскаялись и позволили мужьям бывать у них раз в году; мальчиков они отдавали отцам, а девочек оставляли при себе. Жизнь их проходила подобным образом до одного дня, когда все племя женщин исчезло внутри уходящего в землю хода, причем в последнее убежище их вел броненосец.

Подробный анализ каждого поворота и хода этих чрезвычайно живописных и полных информации историй занял бы слишком много времени и, безусловно, заметно отвлек бы нас от целей настоящего исследования. Следует, однако, выделить некоторые моменты. Приведенные мифы о появлении амазонок называют совершенно другую причину, чем все греческие сказания об их азиатских сестрах. В первом сказании удалившаяся в горы в обществе старика группа женщин напоминает религиозную гвардию, окружающую царя. В нем сделан не один намек на человеческие жертвоприношения, примером которых в первую очередь может служить история мальчика-рыбы, выполняющего здесь роль символа плодородия; и, наконец, — в самом информативном варианте сказания о ловле сетями — указывается на женские чары и прихоти. Волосы — предмет гордости и радости женщины, но не только. Они же служат ее наступательным оружием. В некоторых городах Малой Азии Ашторет требовала от своих почитательниц обрита головы в качестве меньшей жертвы. Талмудисты говорят, что Лилит, женщина и демоница, по их мнению, являвшаяся первой женой Адама, при возможности удавливала сыновей человеческих прядями своих золотых волос, чтобы отомстить за своих собственных детей — лишенных права наследования джиннов. По этой причине на стенах комнат для возлежания в еврейских домах Востока и стран Восточной Европы всегда вывешивались „детородные таблички“, на которых присутствовало изображение Лилит с молитвенным обращением к ней. Однако возвратимся к бразильским легендам. Вторая, не настолько сложная, но на многое намекает. Здесь женщины отделяются под сверхъестественным покровительством, заканчивающимся жертвоприношением: спуск в недра означает смерть, а ее коллективная форма и предводительство броненосца намекают если не на погребение заживо, то на жертвенное погребение вместе со скончавшимся полубожественным вождем.

Следует также отметить, что в обоих сказаниях не делается никакого намека на воинственные наклонности женщин — если не считать первоначальной ссоры с мужьями — или на их принадлежность к военной организации. Как правило, все истории о них, делают упор на боевые качества женщин, что особенно заметно в сказаниях карибов, племени весьма воинственного. Сэр Роберт Шомбургк, превосходно знавший Гвиану и Венесуэлу, считал, что „карибы весьма склонны к волшебным сказкам“, и под этим предлогом не доверял подобным слухам. Конечно, он не мог полностью игнорировать положительные свидетельства очевидцев-испанцев. Чтобы объяснить их, сэр Роберт предположил, что здесь имеет место недоразумение и за женщин были приняты молодые люди с распущенными длинными волосами, украшенные ожерельями и серьгами; мнение это разделяли еще несколько авторов. Однако подобную точку зрения нельзя назвать убедительной, ибо мы должны помнить, что падре Карбахаль специально подчеркивает, что волосы сражавшихся женщин, которых он видел вместе со своими спутниками, были уложены вокруг головы. Мистер С.Р. Инох (C.R. Enoch), автор книги „Анды и Амазонка“, цитирует официальный перувианский отчет, касающийся туземных племен, населяющих лесные районы и восточные склоны Анд: „Нахумеды, почти вымершее племя, обитают на берегах реки, носящей такое же название. Это и есть тот самый народ, который атаковал отряд путешественника де Орельяны, принявшего этих дикарей, облаченных в похожие на женские сорочки рубашки и юбки, непременно длинноволосых, за женщин воительниц или амазонок, давших имя реке. Таким, должно быть, является ответ на вопрос о предполагаемом существовании женщин-воительниц в этих регионах, поскольку среди индейцев не сохранилось легенд или воспоминаний о существовании какого-либо государства женщин в этом регионе“. Таким может быть плод доведенных до крайнего предела сомнений. Если нахумеды действительно являются племенем, напавшим на отряд де Орельяны, значит, они

существенным образом изменили место жительства, что, конечно, вполне возможно. Однако не стоит утверждать, что индейцы совершенно не имели преданий о племени воинственных женщин, если вспомнить о легендах и слухах, собранных не только такими людьми, как падре де Акуна и люди в той или иной степени являвшиеся его современниками, но и такими путешественниками, как де ла Кондамин и другие.

Мы не находим у ранних авторов каких-либо свидетельств того, что женщины-воительницы имели местное название, напоминающее слово амазонки, хотя эти авторы превосходно знакомы с азиатскими и африканскими историями. Тем не менее известный специалист доктор Д. Дж. Бринтон недавно обнаружил, что туземцы, живущие в устье великой реки, называют словом амазуну „поток бурлящей воды“, особенным образом относя это слово к водопаду на реке Мараньон. Поэтому он предполагает, что испанцы могли называть им нечто дикое, бурное и опасное и связывать с несуществующим племенем. Честно говоря, ничего подобного в отчетах Карбахала или де Акуны мы не усматриваем. Тем не менее интересно проследить происхождение подобного составного слова. Безусловно, река и провинция получили свое название от испанцев по имени племени „амазонок, прославленных историками“, на потомков которых им, как они считали, посчастливилось натолкнуться. Но не от случайного произнесенного индейцами слова. Возможно, кстати, что оно появилось уже после испанской Конкисты и переименования реки. Филология способна учинить еще не такие фокусы.

Слухи об амазонках циркулировали еще в 1743 году, когда де ла Кондамин совершал свое путешествие, однако этот достойный путешественник, подобно Акунье, де Рибере, Жили и многим другим, так и не увидел ни амазонок, ни загадочных маноя. Он лишь встречался с людьми, утверждавшими, что видели их в каком-то удаленном и не слишком четко определенном регионе, или знавшими тех, кто за много лет до того посещал женщин и их страну, с не установленным местоположением. Когда де ла Кондамин проводил свое расследование, ему приходилось иметь дело с убеждением, что амазонки перебрались вверх по течению Рио Негро и продолжают отступать от чрезмерно любопытных белых в неисследованные лесные районы Гвианы. Гумбольдт, подобно де ла Кондамину, также обнаруживал доверие ко всяким рассказам, и выводы, к которым он пришел, трудно было назвать окончательными. В не меньшем количестве существовали и скептики, и голоса некоторых из них были слышны даже в эпоху конкистадоров. В частности, ими являлись те, кто усматривал во всей истории хитроумную выдумку Орельяны: стереть память о совершенном им предательстве по отношению к его же собственному предводителю Писарро. Орельяна полагал, что чудесным рассказом о собственных достижениях сумеет заслужить аплодисменты и награды у себя дома. Едва ли стоит приписывать подобное желание ввести в заблуждение падре Карбахалу и прочим исследователям. Женщины Америки брались за оружие не реже, чем их азиатские и европейские сестры. У нас нет причин сомневаться в этом. Сему можно привести множество примеров.

Хуан де ла Коса сообщал, что в ходе плавания, совершенного вместе с Родриго де Бастидесом в 1501 году, он высадился с отрядом на побережье к северу от реки Ориноко, в месте, где теперь находится Картахена. Испанцев отважно атаковали мужчины и женщины, не разделявшиеся в бою, причем оба пола чрезвычайно ловко орудовали длинным дротиком-ассегаем и луком с отравленными стрелами. Гульдерик Шнирдель (Schnirdel), путешествовавший вместе с испанцами вблизи рек Ла Платы и Амазонки в период между 1534 и 1554 годами, много слышал о воинственных амазонках. Как ему говорили, они жили на острове и не имели золота и серебра: его оставляли обитавшим на берегу мужьям, — предоставляя таким образом сюжет романистам. Шнирдель отправился на поиски этого острова, естественно оказавшись безрезультатными. В конце он усомнился в существовании племени воинственных женщин, хотя посчитал, что участие их в междуплеменных раздорах наряду с мужчинами является надежно установленным фактом. Чуть позже, в 1587 году, Лопес Ваз поведал нам о приключениях Лопеса де Агиры. Последний, бунтовщик и изменник, убил дону Фернандо де Гусмана, провозгласившего себя

императором Перу. Совершив это убийство, де Агира в компании нескольких солдат и туземцев отправился вниз по Амазонке к берегам Атлантического океана. По пути они встречались с известным сопротивлением и обнаружили, что амазонки действительно существуют... „то есть, женщины эти воюют с помощью лука и стрел, однако сражаются они вместе с мужьями, а не самостоятельно, как говорит Орельяна. На самых разных участках реки женщины эти, заметив, что мужья их затеяли стычку с испанцами, приходили на помощь к ним, обнаруживая большую доблесть, чем их мужчины“. Относительно редкий факт, тем не менее, сумел расшевелить воображение испанцев, знавших о преданиях классического периода и приходивших с востока сообщениях.

Ранние испанские критики признавали слухи о существовании в Америке женщин-воительниц результатом работы фантазии первооткрывателей и в более или менее вежливой форме отказывали „племенам“ американских амазонок в праве на существование, подкрепляя свое мнение тем фактом, что женщины эти сражались бок о бок с мужьями, и тем, что подобное явление прекрасно известно как древней, так и современной истории. Необходимо также не забывать о том, что большинство первооткрывателей видели в Америке часть Индии и не находили ничего невероятного в том, что знаменитые обитательницы прежней Фемискиры могли забраться в такую даль. Подобное мнение требовало признать женщин-воительниц принадлежащими к белой расе, чего требовала общая схема событий, хотя объяснением их светлоскожности вполне мог бы стать факт существования некоей полурелигиозной касты. Бытовала и другая школа, считавшая, что племя таких женщин являлось потомками тех, кто перебрался в Америку из Азии через Африку, а потом Геспериды или погибшую Атлантиду. Большинство путешественников, как, например, падре де Акунья, видели в них „амазонок, прославленных историками“; иначе говоря, они не могли расстаться с мыслями об азиатских воительницах, и рассказы об их сказочных богатствах только подкрепляли их веру.

До совсем недавних времен по континенту ходили настойчивые слухи об удивительных городах, скрывающихся в почти непроходимых лесах, полных золота и прочих сокровищ, и зачастую — как утверждалось — охраняемых женщинами, хотя, как мы видим из отчета Шнирделя, обязанность охранять богатство может оказаться переданной другому полу. Типичными примерами являются фантомные города Добайя, в котором существовал золотой храм, посвященный богине Природы, и Маноа дель Дорадо, о котором так часто говорили, что положение его известно, но так и не найдено: в этом городе крыши были покрыты золотыми листьями, а хрустально чистое озеро плескалось в берегах из золотого песка. В порядке оправдания подобных слухов мы можем напомнить, что когда во время своего второго похода в Перу испанцы захватили несчастного императора Атауальпу в его же собственной крепости Кайямарка, Инка предложил им в порядке выкупа за собственную персону наполнить золотом комнату размером примерно в 22 на 27 футов на высоту 6 футов (7х8х1,8 метра). По оценке, стоимость подобного выкупа достигает сотни миллионов стерлингов. Однако проявившие нетерпение испанцы убили своего пленника, совершив преступление совершенно не оправдываемое с моральной стороны, а с политической точки зрения не более разумное, чем умерщвление курицы, способной нести золотые яйца. Испанцы так и не дождались сокровища. Тем не менее в Куско, истинной столице империи, и в Пачакамаке они обнаружили дворцы, стены которых были покрыты золотыми листьями. Приношения в виде цепей и сделанных из тонкого золота цветов также бросались в некоторые озера. При рождении последнего подлинного наследника инков, получившего символическое имя Хуаска, „цепь или трос“, как утверждают, была изготовлена памятная цепь длиной 233 ярда (212 м), состоявшая из тяжелых золотых звеньев, которую утопили в озере Оркос в качестве знака благодарности богам.

В наши дни, как и в древности, пески здешних рек и озер изобилуют аллювиальными наносами, содержащими мелкий золотой песок. Истории о невероятно богатых городах бытуют не только на территориях Бразилии и Перу, они известны также на землях Гвианы, Гондураса и так далее. Основания для них носят вполне естественную природу, как мы

только что показали. К тому же большинство наиболее удивительных вооружений, оставленных инками, ацтеками и другими индейскими народами, находилось либо посреди труднодоступных гор, либо на островах посреди больших озер, либо в густых лесах. В 1905 году фон Хассель (Hassell) исследовал значительную часть верхнего течения Амазонки с атлантической стороны Кордильер и посетил там огромный речной остров Тупинамбарана, где обнаружил потрясающие руины, напомнившие ему о цивилизации инков. Он утверждает, что равнину Амазонки неоднократно посещали волны мигрантов, уровень культуры которых не уступал таковому коренного населения. Однако они исчезали, оставив после себя лишь самые незначительные следы. Барон Нор-деншельд (Nordenskold) в путешествиях по Чако, Аргентине, „обнаружил в первобытных лесах крупные поселения за пределами территории калчакуев (Calchaquí), находящиеся в малонаселенных в настоящее время районах“.

Тольтекский город Киче, столица расположенного в Центральной Америке Утатлана, явно имел население в 3 000 000 человек, а королевский дворец, судя по сделанному испанцами описанию, походил на Альгамбру в дни ее славы. Опыт всего человечества говорит, что, ожидая вторжения, любой народ отправлял свои сокровища в надежные и труднодостижимые укрытия. Там же собирались и женщины, которые в отсутствие мужчин брали на себя оборону родных ларов и пенатов — если того требовали обстоятельства. Вероятно, что и в деревнях на долгое время, иногда на много недель, оставались только одни женщины, старики и малые дети, пока мужчины и подростки воевали или совершали далекий охотничий поход. Более того, в этой части американского континента доминировало поклонение луне, и существовали некоторые женские обряды, связанные с достижением зрелости и беременностью. Они требовали отделения женщин от лиц противоположного пола и, очевидно, включали сложные пляски при луне. На этой вполне разумной основе испанцы, часто допрашивавшие туземцев с предвзятым мнением, соорудили достаточно шаткую структуру из разнообразных выдумок. Скверная привычка задавать наводящие вопросы даже образованным людям, способным понять их смысл, дала здесь отрицательные плоды. Заинтересованный путешественник, взбудораженный абсолютно незнакомыми краями, не забывший повествования Квинта Курция и Диодора Сицилийского, и толпа нагих туземцев, в лучшем случае полуварваров, едва ли способны правильно понять друг друга, и ответы в подобном случае легко приобретают желаемую форму.

На то, что женщины горных и лесных племен в зависимости от ситуации могут принимать участие в битве, нам сообщают многочисленные путешественники. Незачем оспаривать и то, что они могут в одиночестве, на несколько месяцев оставаться хранительницами сокровищ племени. Доказательств этих достаточно для создания самой поверхностной легенды, без всякого злого умысла с обеих сторон.

Здесь следует упомянуть чрезвычайно интересный факт: дело в том, что североамериканские индейцы племени ленапе носили имя „женщин“. Они представляли собой ответвление великого народа алгонкинов, но оказались в Делаваре, окруженными воинственными ирокезами. То, что индейцы могли похвастать почтенным происхождением, доказывается тем, что три под-племена делаваров имели своими тотемами волка, индюка и черепаху (в первую очередь славную своей помощью Всемогущему Создателю, с сотворенной на спине землей). Более того, доктор Бринтон сообщает нам, что слово ленапе означает „мужчины нашего народа“, или „наши мужчины“. Тем не менее похоже, что племя это долго не выходило на войну, и хотя в последнее время лишилось некоторой доли прежнего уважения, несомненно выполняет почетную роль буферного народа миротворца. У большинства американских племен прежде существовали женские советы, состоявшие из почтенных матрон, имевшие право собираться во время войны и обсуждать важные для народа вопросы. Если они советовали заключить мир, „храбрецы“ должны были выслушать их и, обдумав такую возможность, предложить соответствующие условия врагам. Примерно такое положение занимало все племя делаварских алгонкинов. В соответствии с их собственными утверждениями, ленапе сделали миротворцами по особому требованию ирокезов, решивших, что народы уничтожают себя собственными руками. Поэтому они

сделали ленапе почетное предложение и в присутствии прочих племен поднесли делаварам длинное женское платье и женские серьги, чтобы они не носили оружия и не вмешивались в войну, а также калebas с маслом и снадобьями, чтобы они сделались лекарями, и пест с мотыгой — чтобы возделывали землю. Дабы подчеркнуть торжественность церемонии, на вождей племени „женщин“ возлагали особый пояс-вампум, величайший из символов мира и братства, после совершения каждого из ее этапов. В том, что ленапе выполнили свою миссию, можно не сомневаться, хотя по прошествии некоторого времени ирокезы начали рассматривать их как покоренное племя и пользоваться в их отношении словом „женщины“ с некоторым пренебрежением. Подобное буферное племя, претендующее на высшую миссию при всем его двусмысленном положении и атрибутах, не имеет ничего похожего в социальной истории американских индейцев. С другой стороны, среди варварских народов, населявших южную часть этого континента, существовали классы мужчин, одевавшихся в женскую одежду и считавшихся женщинами. Однако проблема „женского“ племени еще далека до разрешения. Заняло ли оно свое странное положение благодаря сохранившимся смутным воспоминаниям о некогда могущественной касте жриц? Или же в этом следует видеть лишь хитроумный выход из ситуации, найденный вождями, осознавшими необходимость прекратить чересчур затянувшееся межплеменное кровопролитие? Тайна эта допускает много ответов.

Большинство, если не все, из рассказов, в которые столь охотно поверили испанцы, имеют под собой самое надежное основание. Великолепно сложенные карибы, аномальные пропорции тел мужчин из ужасной Тера Фуэго, карликовые племена лесных регионов и дегенерировавшие ацтеки вполне могли сойти за карликов и гигантов, о которых так много рассказывали на континенте, поскольку подобные определения всегда носят для обоих участвующих в опросе сторон сравнительный характер, кроме того, слова „маленькие люди“ могут явиться описанием не только величины тела, но и отваги. Стойкий в бою и голодный кариб, вне сомнения, видел в миролюбиво настроенном человеке „маленького“ — каким бы ростом или шириной плеч тот ни обладал. Так на нынешнем востоке массы бесправного населения носят название „маленьких людей“ с точки зрения правителей и их помощников. Существовали даже люди с развернутыми в обратную сторону ногами (о которых мир узнал задолго до писавших об Индии греков), поскольку обычай надевать обувь — или как-то поворачивать следы — является вполне естественной военной уловкой, мотивы которой вполне понятны любому.

Мы также не имеем ни малейших сомнений в существовании хвостатых племен, ибо тотемизм и почтение, рожденные страхом перед рогатыми дикими зверями, вполне способны заставить человека, хвоста лишеного, заужать этот предмет и попытаться восполнить свой естественный недостаток. Даже Геракл закутывался в львиную шкуру таким образом, чтобы был виден хвост. Дионис носил шкуру леопарда так же, в то время как его силены наглым образом украшали себя хвостами похотливых козлов. В большинстве областей Африки хвост буйвола является эмблемой власти, так же как и конский хвост в Северной Африке и Аравии, вне зависимости от того, привязывается ли он к поясу или носится в руке. Первый из способов обычно используется при ношении бычьего хвоста и распространен на юге, востоке и западе.

Лорд Хиндлип, писавший о племени кавирондо, обитавшем в Британской Восточной Африке, утверждает, что его женщины любят определенные украшения, среди которых является любимым „украшенный бусинами и обвязанный вокруг талии сплетенный из травы хвост“.

„Полагаю, — добавляет он, — что этот хвост является эмблемой замужества, и прикосновение к чужому хвосту считается нарушением правил хорошего тона, за что полагается штраф в пять коз“. Брюс и Бейкер также упоминали, что женщины Судана и Долины Верхнего Нила носят хвосты из сплетенных полосок кожи или веревочек. В Северной Америке среди прочих обрядов исполняется Пляска Бизона, и каждый участвующий в ней „храбрец“ прикрепляет рога к своей голове и отчаянно размахивает

хвостом во время всего священнодействия. Мужчины и женщины индейского племени аймара, населяющего Перу и Боливию, носят длинные волосы и заплетают их в косы, что заставляет предполагать их китайское происхождение, или хотя бы влияние в результате вторжения из Китая, произведенного еще до эпохи инков. Этот народ приписывает особенное значение хвостам, и оттого соседи — в зависимости от собственных традиций — относятся к ним либо с трепетом, либо с пренебрежением.

Именно в таком духе следует рассматривать большинство преданий об амазонках. В то же время мы не можем пропустить некоторые весомые указания на более прямые обстоятельства. Де ла Кондамин, убежденный сторонник существования племени американских амазонок, не считал, что реальность его является результатом действия естественных факторов. Кондамин предполагал, что женщины вели скитальческий образ жизни, часто сопровождали своих мужей на войну и обыкновенно были вынуждены подчиниться очень жестким домашним условиям. Однако сами эти условия, наложенные на них одним образом жизни, предоставляли им возможность избежать житейской тирании, просто отделившись от племени и образовав сообщество, в котором они если и не обретали полной независимости, но во всяком случае переставали быть рабынями и тягловой скотиной. Этот метод образования новых поселений, как утверждал он, имел место во всех тех колониях, где терпели рабовладение; устав от дурного обращения, рабы бежали в леса и болота, образуя собственные деревни и поселения. Мнение это повторяет Роберт Саути: „Участь женщины среди дикарей обычно ужасна... Я без колебаний поверил бы в существование американских амазонок, даже если бы ничего не слышал об амазонках Античности“. С его точки зрения жуткие тяготы жизни индейской женщины требовали некоторого облегчения, и Саути видел в существовании подобных сообществ честь для человечества, усматривая в них надежду на его возрождение. В своем недавнем, полном глубокой философии труде мистер Э.Дж. Пейн (Payne) следует той же линии. Он видит в факте существования государств амазонок совершенно законное и понятное следствие перехода от дикарства к варварству, времени, особенно тяжелого для жизни женщин. Однако, по его мнению, такие сообщества всегда несут в себе зародыш своего распада, поскольку они не способны расширяться, не могут долго существовать без участия мужчины. Всегда наступает такой день, когда подчиненное положение надоедает ему, и тогда женщинам приходится принять его условия. Обе эти вполне правдоподобные теории представляют равный интерес для нас и не противоречат уже высказанным мнениям, относящимся ко всей этой теме.

Глава 9. КАМНИ АМАЗОНОК

Чрезвычайный интерес в области связанных с амазонками преданий представляет факт, который отмечают многие из путешественников, подобно сэру Уолтеру Рэли и де ла Кондамину, обратившим свое внимание на некие зеленые камни, разновидность нефрита, которые индейцы, по общему мнению, получали у "женщин, живущих без мужей". Ла Кондамин видел много таких камней в различных уголках страны, и происхождение их всегда объяснялось подобным образом. Камням этим придавалась форма, напоминавшая птиц и зверей, похожих на бусины цилиндриков длиной от двух до трех дюймов (пять — семь с половиной см), иногда гладких, иногда покрытых причудливой и сложной резьбой, увязываемой нами с искусством ацтеков. Почти всегда в них по длине было проделано круглое отверстие: такие камни носили на шее в качестве служивших талисманами подвесок, о чем упоминал Рэли.

Эти странные, овеванные прикосновением тайны камни, встречающиеся по всей Южной Америке и Мексике, послужили основанием для построения сложной теории, долго являвшейся предметом обсуждения среди археологов и антропологов. Было принято считать, что эти яшмы имеют восточное происхождение, и, более того, резные изображения на амулетах — цилиндрических или другой формы, имеют отчетливо восточный характер. Посему было собрано внушительное количество свидетельств, доказывающих, что мексиканские ацтеки, таинственные обитатели Юкатана, перуанские инки — и добавим к списку амазонок Бразилии — пришли из Азии. Подобный тезис, конечно, был подкреплен аргументами, основанными на идентичности символов (таких как прямой и т-образный кресты, а также свастика), схожести ряда обрядов (человеческие жертвоприношения солнцу и луне, наличие жриц и евнухов, служивших в монолитных храмах) и некоторых антропологических свидетельствах. На самом деле, сходство это скорее является кажущимся, чем реальным. Безусловно, существующую общность нельзя отрицать, однако расхождения как в использовании символов, так и в характере обычаев слишком велики, чтобы их можно было приписать просто воздействию новой среды. Такое сходство, прежде всего, говорит о том, что человек всегда остается человеком, и его потребности и желания, как физические, так и интеллектуальные, во всем разнообразии своем всегда проявляются схожим образом.

Что касается обсуждаемых нами зеленых камней, можно сказать, что они самым существенным образом отличаются уже по составу; встречаются амулеты, сделанные из настоящей яшмы (известкового силиката с примесью магнезия), жадеита (силиката натрия и алюминия), полевого шпата и кварца. В любом случае, отправляться за такими камнями в Азию нет необходимости, поскольку и нефрит и жадеит достаточно широко распространены и находятся на всей территории Центральной и Южной Америк, хотя отыскать их непросто. Верно, что искусство шлифовки и резьбы по таким камням, обыкновенно чрезвычайно твердым и с успехом противостоящим железу, было утрачено еще до того, как на местной сцене появились испанцы. Однако одновременно было потеряно столько знаний, связанных с древними и сравнительно недавними цивилизациями этих стран, что не следует удивляться тому забвению, в котором оказалось искусство обработки камней. Примеры подобных утрат слишком обыкновенны для любого периода и каждой страны. Даже если не обращаться к более удаленным областям, чем Перу, мы видим, что инки некогда умели шлифовать изумруды и проделывать в драгоценных камнях круглые отверстия, не нарушая их целостности, а это представляет собой задачу, бесспорно более сложную, чем работа с нефритом или кварцем. Примеры утраты известных в более раннее время технологических приемов нетрудно умножить. Судя по словам сэра Уолтера Рэли и прочих путешественников, эти фигурные и по большей части гравированные камни рассматривались в качестве талисмана плодородия, подобно тому, как кремневые наконечники стрел исполняли эту роль по всему миру, не только от Китая до Перу, но и от африканских лесов до долин Кемберленда. Однако если кремневые наконечники связывали с молниями, с

грозовыми облаками и с приносящими жизнь ливнями, плодотворящим даром богов, — в общем, с растительностью и домашним скотом, то зеленые камни имели особое отношение к процессу вынашивания ребенка. Существует достаточное количество интереснейших, даже поучительных мифов, имеющих отношение ко всему этому (поучительных, потому что наблюдавшиеся факты не были полностью лишены основания), и распространенных по всей населенной поверхности земного шара.

В общем, признано, что сопровождающиеся грозами ливни оказывают самое благотворное влияние на растительность, хотя частичное объяснение этого факта было обнаружено только в XIX веке и заключается в том, что грозовые разряды фиксируют в воздухе свободный азот, который дождевые капли переносят в землю, превращая в пищу для растений. Вне сомнения нефрит особенно высоко ценился на всем Востоке, хотя наиболее ярким является его почитание в Китае, однако культ этого камня и схожих с ним отнюдь не ограничен распространением только там. Женщины по-прежнему носят украшения из таких камней — браслеты, ожерелья и амулеты-подвески. Некоторое переосмысливание идей позволяет ценить эти камни и мужчинам — турки, например, любят украшать нефритом рукоятки своих мечей (а меч представляет собой alter ego бойца, символ его могущества, даже его представителя, как следует из многих обрядов). Вполне понятная связь идей обращает нас в другом направлении, поскольку эти камни, кроме того, служили талисманом против болезненных почечных заболеваний.

В Новой Зеландии маори в значительной мере полагаются на свои нагрудные подвески из резного зеленого камня, которые, как и в Бразилии, здесь изготавливают из нефрита, жадеита или других аналогичной окраски камней. Наконечники и амулеты из подобных камней обнаруживались и в Европе — особенно во Франции и Швейцарии, где их в первую очередь связывают с населением свайных поселков. Как и в случае американских амулетов, здесь долго считалось, что европейские орнаменты произошли от азиатских, так как на территории континента не обнаружено месторождений таких камней. Однако более пристальное изучение позволило найти жадеит, а возможно и нефрит, среди галек в реках Швейцарии. Источники их так и остались неизвестными, в то время как Соссюр (Saussure) и после него другие исследователи обнаружили названную соссюритом разновидность нефрита непосредственно в скалах Швейцарских Альп. Более обильные месторождения настоящего нефрита были также найдены в Северо-Восточной Европе. Все эти камни имеют желтовато-зеленую окраску, они полупрозрачны и маслянисты на ощупь: именно эти свойства делали их особенно ценными. Аналогичный круг идей связан с большинством зеленых и голубых камней. В самом деле, зеленый и синий цвета проникнуты глубокой символикой. Синий обозначает небесный свод и находящийся за ним мир, а потому и веру; зеленый символизирует глубокие воды, растительность и весну, а значит, жизнь и надежду. Этот символизм универсален.

В Библии, зачастую связанный с драгоценными камнями, он имеет универсальный характер. В книгах Исхода и Иезекииля подножием престола Божию служит темно-синяя твердь, усыпанная золотыми звездами, которая сравнивается с украшенным сапфирами полом. В данном случае под сапфиром следует понимать лазурит, темно-синий камень, полный многочисленных включений железистого пирита, искрящихся словно звезды. Радугу над престолом сравнивают с изумрудом. В пророческом описании двенадцати стен Нового Иерусалима пятая основана на берилле, шестая — на бирюзе, восьмая — на сапфире, девятая — на изумруде, десятая — на хризолите, одиннадцатая — на топазе, а двенадцатая — на аметисте. Ворота сделаны из сапфира. Далее он иносказательно упоминается при описании человеческого тела и, вероятно, обозначает синие вены. Из двенадцати камней, находившихся на нагрудной пластине иудейского первосвященника, две трети являлись или синими или зелеными: среди них бледный желто-зеленый топаз, зеленый изумруд, синий с золотыми искрами лазурит, красно-зеленый яшефех (*yashfeh*), небесно-синий агат, темно-фиолетовый аметист, ярко-зеленый малахит, желтый с переходом в темно-синий яхалом (*yahalom*). Любопытно отметить, что каббалисты считали сапфир смертоносным для змей, в

то время как талмудисты утверждали, что резьбу на сапфире из нагрудника первосвященника сделал червь.

В соответствии с мнением талмудистов, Скрижали Завета были сапфировыми, каковое слово здесь может обозначать лазурит. Многие из посвячительных храмовых надписей в Малой Азии были выполнены на этом прекрасном камне. Настоящий сапфир представляет собой "камень целомудрия", прогоняющий дурные сны и сохраняющий зрение; распространенная в Китае звездчатая разновидность его считается любовным амулетом. А в Индии она называется дочерью слез Брахмы. Все это становится еще более интересным, если соединить с универсальным мнением о неизбежности страдания и жертвы ради искупления человечества. Легенда утверждает, что Брахма Творец грешил, стремясь выразить этим симпатию к человеку и дать пример самопожертвования. Вся горечь его раскаяния собралась в виде слезы в его глазу и пролилась на землю в форме звездчатого сапфира. Таким образом, этот камень является символом кающегося грешника, освященного жертвоприношения. Аметист считается "девичьим камнем"; он обладает свойством обнаруживать яды, и посему чаши, из которых пили мифические боги и герои, были вырезаны из аметиста. Украшенные вырезанными символами луны и повешенные на шнурке на шею, камни эти становились талисманами против колдовства. Бирюза приносила удачу. Ее же сулил изумруд, особенно в любовных делах: камень менял цвет, если предмет любви оказывался лживым, обнаруживал измену как таковую, восстанавливал зрение, лечил эпилепсию и самым деятельным образом способствовал легким родам.

Вообще говоря, сапфир символизирует небесную голубизну и потому религиозную надежду; изумруд — растительность, весну, Афродиту, любовь¹⁸. В соответствии с этой традицией папа Иннокентий III прислал королю Иоанну Английскому четыре кольца: с сапфиром, символизирующее надежду; с изумрудом — веру; с гранатом — милосердие; и с топазом, знаком дружеской помощи, обозначив этими камнями все то, в чем нуждался король. Каббалисты изготавливали планетарные кольца следующим образом: для Марса — оправленный в железо изумруд; для Венеры — аметист в меди; для Сатурна бирюзу в свинце; для солнца — вставленный в золото сапфир. Этот особенный символизм, вероятно, был почерпнут у арабских авторов.

Само название нефрит было получено этим камнем в связи с его предположительно благотворным влиянием на ход почечных заболеваний, и испанцы, вне сомнения следуя в этом примеру индейцев, называли каменные цилиндры Южной Америки *pedras hijados*, или чресельными камнями. Пришедшая к нам из Египта каббалистическая методика использования нефрита требует; чтобы камень был обработан в виде совершенного квадрата и помечен цифрами 1.8.1 Л, сделанными из чистого золота; на него следовало три раза дохнуть на закате и рассвете, пять сотен раз повторить имя "Тот", а потом перевязать вокруг красной нитью (нитью жизни). Таким образом, получался талисман, приносивший своему обладателю успех во всех делах, потому что никто не мог отказать ему, какой бы любезности или услуги он ни просил. Имя Тот, конечно, принадлежит великому богу с головой ибиса, почитавшемуся в верхнем течении Нила, украшавшему себя полумесяцем и записывавшему приговоры, которые выносил в Потустороннем мире Осирис. Посему люди, знавшие "Слова Власти", могли превращать некоторые из костей священного ибиса в "кости исполнения желаний", обладание которыми обеспечивало исполнение любого сильного желания. Тота можно в известном смысле назвать Гермесом египетских богов, он изобрел письмо, и с его помощью овдовевшая после убийства старшего или солнечного Гора Исида и осиротевший при этом Гор Младший сделались покровителями младенцев. Он был богом папируса, в котором спрятал Гора; и поэтому ибиса можно сравнить с приносящими детей фольклорными аистами.

¹⁸ В геральдике лазоревый цвет представляется сапфиром, или зодиакальным знаком Юпитера; зеленый — изумрудом, или знаком Венеры; пурпурный — аметистом, или знаком Меркурия. — *Примеч. авт.*

Далее в небесном мире ацтеков могущественный бог Тлалок, или "Вино Земли", обладает супругой по имени Чалчиутликуе, "Дама в Изумрудных Одеждах", покровительницей озер и текущей воды. Символом ее является зеленый нефрит, а изумруд носит название чалчихуитл. Это напоминает нам об индуистской богине Дурге, также являющейся божеством плодородия, известной под именами "Исполнительница Желаний" и "Подательница Победы в Бою". Ее призывали как "Носительницу Изумрудных и Сапфировых Браслетов" и как "Блистательную с Павлинными Перьями на Голове". Сыном Тлалока и Чалчиутликуе является Кецалькоатль, наиболее аскетичный бог среди всего пантеона, которому, тем не менее, возносили хвалы при рождении любого ребенка, каковой именовался в соответствующем религиозном ритуале "драгоценным самоцветом, изумрудом, сапфиром, прекрасным перышком... созданным на девятом небе... где его божественное величие вылепило тебя как из кома золота, вырезало как из драгоценного камня".

Конечно, прекрасная мысль о том, что дитя рождается на небесах, не присуща одной только Центральной Америке — так же как не ограничивается ею и связь между синезелеными камнями с любовью и вынашиванием детей, однако следует отметить, что в Мексике времен ацтеков ребенок считался истинным даром божьим. Кецалькоатль слыл изобретателем искусства гравировки и шлифовки драгоценных камней, и он считался покровителем не только новорожденных, но и каменных дел мастеров. Индейцы Бразилии считали, что амазонки добывали свои драгоценные амулеты из озера, находящегося неподалеку от Жамунды, — высокой горы неподалеку от первоначального места нахождения Маноа дель Дорадо. Женщины собирались по ночам, и после ритуального очищения поклонялись луне, призывая ее как Мать Зеленых Камней. А когда лунный диск отражался в водах, они ныряли в озеро и принимали камни от богини. Почитание луны представляло основной культ на равнине Амазонки. Луна считалась создательницей всех растений, особенно маиса. Подчиненными ей богами являлись растущая и умирающая луна, каждый из которых правил над малыми богами, представлявшими гениев лесов, лугов, гор, рек и озер. Это символизировало собой грубую форму верований, существовавших в Мексике. В любопытном варианте повести о получении зеленых камней они являются живыми и плавают в озере как рыбки. Их можно поймать только после того, как амазонки совершали свое личное жертвоприношение, делая на теле порез, капля крови, попавшая на извивающийся зеленый камень, действовала на него самым магическим образом: камни притихали и позволяли поймать себя. В это мгновение они оставались мягкими и пластичными; взяв их в руки, амазонки при свете луны придавали камням нужную форму, после чего они твердели. Эти повествования, связывающие зеленые камни с царицей ночных небес, посылающей на землю росу и свой мягкий свет, также свидетельствуют о сложности добывания нефрита или жадеита, которые, быть может, иногда находили непосредственно на месте залегания, извлекая из каменных глыб или находя в россыпях.

В отношении умягчения камней интересно упомянуть существовавшее в Перу предание, гласившее, что инки обладали этим секретом, используя сильнодействующее средство, приготовленное из трав. Это облегчало им изготовление огромных и сложных каменных блоков, использовавшихся в великих сооружениях, зачастую возводившихся инками на вершинах высоких и почти недоступных гор. Некоторые камни мягки по природе и легко обрабатываются сразу после извлечения из глубоких карьеров, в то время как лаву действующих вулканов можно резать или даже лепить; однако камни, о которых идет речь, — огромные монолиты сооружений инков — не принадлежат ни к тому, ни к другому разряду. Можно предположить, что свежий, только что добытый нефрит мягок и постепенно твердеет при пребывании на воздухе: некоторые наблюдения, сделанные в последнее время в Восточной Европе, как будто бы подтверждают этот факт. Кроме того, де ла Кондамин, сообщая об обычаях, принятых среди бразильских туземцев, говорит: "Они серьезно утверждают, что камень этот представляет собой просто речной ил, которому, если его недавно извлекли из русла, легко придать любую форму, и который приобретает чрезвычайную твердость после пребывания на воздухе". Связь идей, проходящих из легенды

в легенду, безусловно, заслуживает внимания. То, что зеленые камни образуются при сжатии осадков на речном дне, являлось широко распространенным убеждением, и конечно, неспособность лично воспроизвести это чудо с точки зрения туземного ума не являлась свидетельством его ложности, поскольку главную роль здесь играли магическое прикосновение и заклинания, отсутствовавшие в эксперименте. Извлечение ила со дна вод для сотворения жизни относится к числу распространенных верований, и его можно сравнить с греческими легендами и теориями современных эволюционистов. Например, алгонкины, если ограничиться упоминанием одного из многих племен, говорят, что в начале всего мир представлял собой водную пустыню. На ней плавал плот, груженный животными, царем которых был Великий Белый Кролик (или Заяц). Животные не видели вокруг ни клочка земли, на которую можно было бы поставить ноги, и Великий Белый Кролик обратился к земноводным созданиям, чтобы те нырнули поискать земли. Первым нырнул бобер, однако, проведя под водой долгое время, он вынырнул — устав и не добившись успеха. После этого вызвалась выдра, но и она не продвинулась в поисках. Тогда свои услуги предложила мускусная крыса. Хотя вероятность, что подобное небольшое животное добьется успеха, была невелика, ей позволили попробовать свои силы. Мускусная крыса исчезла под водой и оставалась там так долго, что ее кончину уже начали оплакивать. Однако, наконец, бездыханная, она показалась над водой, зажав в одной из крошечных лапок комок земли. Великий Белый Кролик взялся за лепку, и пока он занимался ею, комок вырастал в объеме. Образовался огромный остров с равнинами на нем и горами, которые все росли, пока Белый Кролик ходил и ходил вокруг, придавая форму. Земли стало столько, что она уже могла стать домом для всех животных, однако суша оставалась безжизненной. Тогда Великий Белый Кролик начал бросать камешки в землю, и они превратились в деревья и всякие другие растения. Но людей на земле не было, и Белый Кролик создал мужчин и женщин из мертвых животных. Отсюда, по мнению многих, возник сложный закон тотемов, с одной стороны проповедующий универсализм, соединяя человечество со всем одушевленным и неодушевленным миром, а с другой стороны, ведущий к бесконечной дифференциации.

Аналогичная идея лежала в основе еврейского предания о сотворении Адама. Талмудисты утверждают, что Бог послал архангелов Гавриила, Михаила и Исрафила за несколькими горстями земли, чтобы сотворить из них первого человека, причем земля должна была быть взятой с различных глубин и имела различные цветовые оттенки (отсюда происхождение рас и оттенков их кожи); однако Земля, опасаясь, что человек окажется скверным созданием и опозорит ее, умолила их не исполнять Господню волю, и тронутые ее аргументами ангелы вернулись с пустыми руками. Тогда спустившийся Азраил выполнил задание, и ему было назначено впредь отделять души от тел, по какой причине он был наречен Ангелом Смерти. Еврейские ученые добавляют, что семь горстей, взятых из Вавилонии, пошли на сотворение самых почетных частей тела Адама.

Таким образом, мы видим, что индейцы Севера и Юга Америки, мексиканские ацтеки, и семитический "избранный народ" сумели свести воедино просторную землю и бескрайние небеса, отыскав место человеку в собственных космогониях, проникнутых пониманием того, что Природа не может быть не охваченной творческой силой Духа. Вода и земля рождают, но их плодородная способность возникает лишь благодаря вмешательству фактора духовного, проявляющегося в различных случаях через такие силы, как солнце, луна и ветер, животворящие не сами по себе, но как инструмент Творца, находящегося вне Природы. Весь диапазон символизма камней и красок иллюстрирует эту веру в великий и неизмеримый секрет жизни.

Глава 10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Даже после удаления всяких авантюрных повествовательных украшений остается внушительный объем свидетельств, подтверждающих широко распространенное убеждение в историчности существования стран, областей или островов, населенных исключительно женщинами. Ученый, погруженный в исследование тайн человеческой природы, не может оставить без внимания такое явление, и оно и в самом деле заслуживает подробного изучения. Еще с начала становится ясно, что греческий миф не способен объяснить все варианты историй, хотя, конечно, не приходится спорить с тем, что эти легенды в существенной мере окрасили большую часть дошедших до нас описаний. Такой узкий и несколько эгоистический взгляд, который стремится изобразить все как результат греческого влияния, не может адекватным образом объяснить традиции, обнаруживающиеся почти в каждом крупном регионе земного шара. Мы не можем согласиться с теорией, утверждающей, что эти легенды или обычаи распространялись путем миграции. Не можем и принять мнение Роберта Саути, сэра Клемента Маркхэма и мистера Э. Дж. Пейна, утверждающих, что трудности женской жизни на дикарской стадии развития общества вызывают революции, приводящие к образованию чисто женских "племен", живущих отдельно от мужчин, сражающихся и лишь на добровольных началах сходящихся с мужчинами. Нам необходимо найти более глубокое объяснение.

Можно приблизительно разделить подобные легенды и предания на три основные группы. Таковые составляют: (1) Женщины, живущие отдельными колониями, но имеющие редкие сношения с внешним миром на миролюбивой основе. (2) Женщины, организованные в военную общность. (3) Народы, управляемые царицами, и в большей или меньшей степени, женщинами. При всем разнообразии историй, рассмотренных нами в предыдущих главах, все они подпадают под одну из указанных групп. Далее, при внимательном рассмотрении вопроса, мы можем видеть, что все три наших группы представляют собой просто различные стадии развития общества. Мы видим, что они всегда носят на себе отпечаток местных условий. И являются знаками общественного здоровья, а не стагнации, поскольку обнаруживают стремление к некоторому идеалу, при всей его отсталости, посреди неудобств переходного периода. Мы можем видеть здесь три сменяющие друг друга стадии, не всегда образующие единственно возможную последовательность, часто сливающиеся и неправильные внешне. И этого вполне следовало бы ожидать, если приучить себя рассматривать явление как обыкновенно спонтанное разрешение местной ситуации.

Следует признать, что по мере продвижения общества от дикости к варварству на дороге, ведущей к цивилизации, бремена, возложенные на каждый пол, перераспределяются, причем не без различных общественных трений и дискомфорта. Мужчина перестает быть боевым и охотничьим животным; он становится наполнителем кладовой в широком смысле этого слова. И это часто требовало, и требует до сих пор, собирания урожая и сбора ценных продуктов того или иного рода в удаленных от дома местах. Иногда ради этого все племя перебирается на зимние или летние квартиры. Подобный образ жизни становится типичным в самой своей преувеличенной форме в кочевых сообществах. Не отходя далеко от дома, мы можем обнаружить аналогию, превалирующую до сего дня в Швейцарии, Норвегии, в некоторых областях Италии и Корсики, главным образом среди пастухов и скотоводов. Однако достаточно часто одни мужчины, взяв с собой подростков мужского пола, отправляются заниматься активной работой, оставляя дома на попечении женщин немногих стариков и маленьких ребятишек. С этой точки зрения Корсика представляет собой любопытное смешение феноменов. Сперва мы видим там зимнюю миграцию пастухов из внутренних регионов острова в прибрежные деревни, и летнюю миграцию с пораженного малярией берега в горные деревни на поросшие травой склоны, что нередко приводит к странному арифметическому неравенству полов в различных поселениях. Во-вторых, остров ежегодно покрывает рой энергичных итальянцев, мужчин и подростков, в основном родом из окружающих Луку районов. Они нанимаются возделывать виноградники и заниматься

другими тяжелыми сельскохозяйственными работами, что урожденный корсиканец считает ниже своего достоинства. Тысячи лукканцев прибывают на остров обыкновенно бригадами по пять человек, проводят на Корсике около трех месяцев, а потом возвращаются по домам. Естественным образом они приезжают без своих женщин, так что оставленные собственные деревни практически превращаются в женские общества на все время их отсутствия.

Аналогичное положение дел, как известно, существовало у многих племен Кавказа. Уже в достаточно позднее время, при жизни отца Ламберти, мужчины-сваны, отважные и сильные, но чрезвычайно бедные представители горного племени, каждое лето спускались с гор, чтобы поработать у подножья Кавказа, возвращаясь к собственным семьям в уединенные хижины с едой, медью и прочим сырьем, необходимым для их скромного быта. Аналогичная ситуация нередко характерна для рыболовной промышленности; в самом деле, даже в настоящее время в разгар ловли сельди на берегу Шотландии образуются временные женские общества, занятые чисткой рыбы и усердно работающие над уловом между двумя заходами рыболовецкого флота. Такое вполне естественное объяснение приходит в голову при анализе повести, рассказанной Марко Поло о Мужском и Женском островах, а также при толковании сообщения, оставленного лордом Макартни о запорожских казаках и их днепровском острове. Мы можем легко понять, что подобные условия, в случае некоторого преувеличения за счет местных потребностей, способны вызвать непонимание среди слабо информированных соседей, или людей с другим образом жизни, к тому же по привычке ума и обучения нетерпимых к любому отклонению от нормального для них образа жизни.

В то же время условия жизни обществ, главным образом существующих в горных и лесистых районах и на небольших островах, направят развитие совсем в другую сторону. По необходимости женщины займутся правлением и военным делом, поскольку лишённые мужчин деревни окажутся более уязвимыми для нападения, и оборона их нередко потребует от женщин не только отваги, но и хитрости в способах защиты и контратаки. Некая информация о подобном конфликте между чувством и методом открыта нам Квинтом Смирнским в его рассказе о сражении греков и амазонок у стен Трои. Чувство война выражены Гипподамией, которая, воодушевившись отважными деяниями Пентесилеи и ее спутниц, взывает к троянским девам и матронам:

Придите, подруги, пусть и в наших сердцах зародится
Тот воинственный дух, что сейчас воспламеняет
наших бойцов,
Сражающихся за родные стены;
Ибо немногим в силе уступаем мы
Нашим мужам; ни глазами, ни членами тела;
Один мы видим свет; одну пищу едим. И чем же
Обделили нас небеса, даровав одним лишь мужчинам.
Поспешим же на славную битву!

Однако Феано, "рассудительностью славная", осуждает подобную мысль:

Пока враг не приступил к нашим башням,
Не нуждаемся мы в помощи женских рук.

Что лишь свидетельствует о том, насколько древними являются эти вечно молодые проблемы. Забытые на какое-то время, они открываются заново в качестве удивительных новшеств или божественных откровений, лишь для того, чтобы твердая логика факта вновь ввела их в жесткие рамки рассудка. В итоге всегда побеждает Феано.

Вне сомнения, на определенных стадиях развития общества, когда перебирается все племя, женщины, особенно принадлежащие к крепкой горной или лесной породе, в меру собственных сил естественным образом будут разделять с мужчинами все области

деятельности. Наиболее искусные из них обнаружатся в рядах бойцов вместе с мужчинами. Так случается, что историки и путешественники рассказывают нам сперва об однополых организациях, а потом о женщинах — в Азии, Европе, Африке и Америке — пользующихся луком и стрелами, пращей и копьем, помогающим и содействующим своим мужьям и братьям в делах войны.

Как мы уже в какой-то мере обнаружили, *juste milieu* никогда не являлась важной чертой в женской природе, и потому женщины-воительницы всегда становились "зловещим ужасом", существами особенно отвратительными для людей, лишь недавно сбросивших пути варварства. Соотношение между воителями мужского и женского пола будет постоянно меняться в зависимости от времени года или развития племени, таким образом, накапливая ошибку суждения и накапливая основания для примитивных мифов.

Существенно также и влияние религиозных идей. Марко Поло утверждает, что обитатели его двойных островов соблюдали заповеди Ветхого Завета. Сегрегация женщин во время деторождения прослеживается как свойственная всем временам и краям. Мы располагаем надежными свидетельствами ее существования среди евреев и их соседей, а также в современные времена и среди далеко отстоящих друг от друга народов. Занимающиеся молочным животноводством люди народа тогда, обитающего в горах Нилгири, до наших дней исполняют весьма странный предродовой обряд, чрезвычайно напоминающий таковой, связанный с почитанием древней Астарты и нынешней индийской богини Кали и Дурги. Он требует сооружения особых хижин для ожидающих ребенка женщин, причем хижины эти располагаются вне деревень и троп, которыми пользуются мужчины и стада скота. Они не имеют права вновь присоединиться к обществу до выполнения обряда очищения. Аналогичным образом женщины племени вайкнас, населяющего Берег Москитов, удаляются в убежища, "сооруженные для них в глубинах лесов, откуда им не позволено появляться определенный период времени, после чего происходит публичное очищение матери и ребенка". В тех случаях, когда доминирует поклонение луне, этот обычай приобретает чрезвычайно преувеличенную роль. Сегрегация осуществляется в масштабе всего племени, в соответствии с предполагаемым влиянием луны на физиологическое состояние. Идея эта лежала в основе тех религиозных обрядов, в которых мог принять участие только один пол и которые мы находим среди варваров и даже высоко цивилизованных греков и римлян. В более примитивных обществах требовали временного разделения всего общества на однополые племена. Нам известно, что азиатские амазонки являлись почитательницами Артемиды (Астарты), при совершении ряда мистерий которой могли присутствовать только женщины, в то время как за другими обрядами могли наблюдать как женщины, так и мужчины.

Еще одним из тех важных факторов, которые следует учитывать при анализе, является военная удача. И дикари, и варвары убивают всех пленников мужского пола, что диктуется скорее политическими соображениями, чем желанием отомстить, и когда покорение врагов с помощью стать крайних мер успешно завершено, возникает совершенно особенное положение дел. Мужчины и женщины племени карибов, по словам первых путешественников пользовались разными языками. Сами карибы объясняли это тем, что первоначально являлись жителями материка и, вторгшись на острова, перебили всех мужчин, после чего по прошествии некоторого времени женились на женщинах-островитянках. Идея покорения также отражена в Махабхарате в уже описанных нами ситуациях. Еще более удивительным является инцидент, происшедший при осаде Дамаска Халидом, полководцем первого халифа Абу Бекра, когда окруженные врагами мусульманские женщины сумели отбиться от них. Нетрудно сообразить, что, в случае гибели мужей, удачливые жены могли успешно пробиться к горам и образовать там "женское племя", способное просуществовать какое-то время, прежде чем влиться в окружающее население, или же, в случае наличия особого стресса, искусственным образом сохранить свое существование в течение одного-двух поколений. Боевое кольцо вооруженных шестами для шатров химьяриток представляет собой идеальный пример исходной базы для случайного

образования такого племени, хотя удачный поворот колеса войны направил возможную цепь событий по более счастливому каналу.

Вполне откровенное указание на следующую фазу сделано в приключениях аргонавтов на Лемносе, донесенных до нас Аполлоном Родосским. Допустив наличие определенной племенной гордости и организации среди женщин, понятным образом можно допустить, что мужское и женское "племена" не сразу достигнут согласия и составят единое целое. В подобных упомянутому случаях, которые, как мы можем считать, время от времени имели место в обществе, с трудом переходящем от дикарства к варварству, женщины уходили, образуя собственные стоянки, при неизбежном итоговом результате, потому что, как говорит мистер Пейн, всегда настает тот день, когда женщинам приходится сдаться, приняв условия мужчин. Достаточно забавную иллюстрацию этого процесса предоставляют нам современные Соединенные Штаты, где около тридцати лет назад некая миссис Макуиртер из Вако объявила, что по приказанию Всемогущего Бога она должна оставить своего мужа, ибо жить с мужчиной греховно. Вдохновенная пророчица нашла достаточное количество учениц, готовых принять ее веру, оставив мужей, сыновей, отцов и братьев. Так возникло новое Женское Содружество; колония его должным образом появилась в Бельмонте, штат Техас, откуда впоследствии переместилась в штат Вашингтон. В течение многих лет все шло хорошо, однако потом наступила пора перемен, и возможные кандидатки, дамы и девицы, стали одна за другой отречься от прежних убеждений. Как смиренно призналась одна из самых недавних невест, хотя она и "была воспитана в убеждении, что выходить замуж греховно", но, встретив "своего суженого", буквально "сходит по нему с ума". Таким образом сие противоестественное содружество распадается в современной Америке, покоряясь тем же самым силам, которые действовали и тысячи лет назад в Малой Азии.

Что касается предполагаемого различия в языках, используемых обоими полами, не следует слишком переоценивать его как в отношении карибов, так и других народов, ибо подобное состояние дел нередко является следствием в основном предпринятых в отношении матриархата предосторожностей, и "высший", мужской, пол использует собственный язык для нужд правления и религиозных целей. Подобная традиция встречается на Востоке, некоторые следы ее обнаруживаются среди индейцев Перу. Правящий класс во всех частях земного шара нередко пользуется другим языком, чем управляемое им население, и это не всегда (как было с норманнами в Англии) является результатом завоевания. Инки пользовались языком, в котором многие слова были полны тайной символики. Например, слово Куско (точнее произносившееся как Козко) для подданных являлось только названием императорской столицы, однако посвященные видели в нем обозначение пупа, что, в соответствии с традициями этого народа, имело особенно важное значение. Методика эта всегда была чрезвычайно полезной при сплачивании воедино особенных каст, общественных жреческих классов, тайных обществ и родственных организаций, требующих соблюдения определенных обетов, при сопутствующей общности интересов, обязанностей и привилегий.

В связи с этим модно много говорить о матриархальной стадии цивилизации. Она, несомненно, сыграла полезную роль, и ее не следует обязательно увязывать с принижением положением мужчины. На деле ее можно часто признать за свидетельство особенного, миграционного характера жизни мужчины, который не мог отказаться от привычки или потребности в бродяжничестве. При развитии неосознанного стремления к приобретению "места жительства и имени", если не для себя самого, то для своих отпрысков, это был самый надежный в примитивном обществе способ наследственной передачи "домов", земель и тотемов. Доктор Ливингстон обнаружил, что в племени банья доминирующими партнерами в браке являются жены, и дети брачной пары принадлежат к семье матери. Лишь после покупки жен (а это дело не простое), дети стали считаться собственностью отца и его рода. Подобное условие, возникшее на определенном этапе эволюции общества, и все, что оно подразумевало, сделалось обязательным для мужского государства, хотя и не обязательно распространялось на цариц, правивших над мужчинами даже воинственных народов.

Существовало достаточное количество сильных правительниц женского пола. Мы можем воспользоваться примером, взятым из одной из упомянутых нами областей существования амазонок — Царицы Савской, самовластно правившей богатой и могущественной страной. О том, что традиционная приверженность к собственным властительницам долго сохранялась в этом краю, мы знаем не только из свидетельств, оставленных португальскими миссионерами в шестнадцатом столетии, но и по событиям прошлого века, зафиксированным нашей собственной Абиссинской Экспедицией в 1866 году. Было обнаружено, что страна Валло Галла, в которой располагается Магдала и на территории которой находилась Сава¹⁹, управляется двумя воинственными и соперничающими между собой царицами, у каждой из которых было много преданных сторонников мужского пола.

Существует глубокий смысл в том, что если греки относили свою победу над амазонками к самым достойным и почетным в истории подвигам собственного оружия, индийцы опасались только позорного поражения, не ища себе славы в возможном исходе своей войны с женщинами-воительницами. Тем не менее греческий идеал женственности был много ниже того, который обнаруживается в ранних индийских преданиях. Дело в том, что с точки зрения греков амазонки символизировали все, что представляло опасность для мужчины и государства, нечто страшное. Однако такое, с чем можно было сражаться и побеждать. В то время как индийцы видели в них всего лишь определенный этап развития общества, который надлежало преодолеть силой интеллекта, но не оружия. И пока грек сражался и хвастал своими успехами, индеец расправлялся с противоестественным государством силой религиозного убеждения и — вне сомнения — преследования. Различия в отношении к весьма досадному для обоих народов вопросу тем более удивительны, что великая эпическая поэма Востока не лишена многочисленных описаний кровавых сражений на военной и религиозной почве.

Обращаясь ко всей теме в целом, следует обратить свое внимание на то, что именно религиозному воздействию мы обязаны существованием многих, вероятно, наиболее удивительных преданий, относящихся к женщинам-воительницам и женским обществам. Факт этот обращает нас к одной из наиболее прискорбных сторон человеческого интеллекта. Чтобы обнаружить место происхождения греческих амазонок, мы вынуждены отправиться на мрачный Кавказ. Здесь был прикован к скале Прометей, похитивший небесный огонь и поставивший божественное знание на службу человечеству, здесь его мучил орел, служивший символом жречества, пока эта птица не была убита Гераклом. Сказание это представляет собой всего лишь символическую шифровку происходивших на деле событий. Ибо и здесь, как говорит Страбон, у албанцев находилось святилище, посвященное лунному богу, — храм, где приносимых в жертву мужчин убивали ударом копья, причем жрецы наблюдали за падением тела и истечением крови, основывая на них свои предсказания. После тело уносилось в определенное место, где все желающие могли принять собственное участие в жертвоприношении, тонча труп убитого козла отпущения и тем самым получая очищение. В расположенной к северо-востоку от этих мест на берегу Меотийского Болота Фанагории, продолжает Страбон свой рассказ, существовало святилище Афродиты Апатуры, или Разлучницы, которая, заручившись помощью Геракла, по одному завлекала собственных поклонников в пещеру, где крепкий сын Зевса и Алкмены убивал их.

Трудно не заметить здесь отлакированную греками местную традицию: как нам прекрасно известно, этот народ любил аллегоризировать факты и наделять варварских богов грецизированным обликом. Разве не следует в данном случае называть Афродиту Астартой? Той самой Ашторет, которую люди называли "Царицей неба" и почитали самым отвратительным образом как богиню плодородия? И не Гераклом ли называли ее супруга, великого Ваала, подателя жизни и повелителя огня, наделенного громовой дубинкой? Повесть Страбона кажется аллегорическим описанием неких религиозных мистерий.

¹⁹ В настоящее время считается, что царица Савская правила в Сабейском царстве, располагавшемся на территории Южной Аравии.

Странный, но, тем не менее, превосходно понятный механизм человеческого сознания придавал поклонению богам только искупительный характер, связанный с идеей жертвоприношения, что часто приводило к весьма ужасным выводам.

Следует отметить, что в основе теории и практики жертвоприношения лежат две идеи: очистительного и искупительного приношений. На анимистической стадии развития верований дух наполнял буквально все. В дереве обитал бог дерева, в зерне — бог зерна. Так было со всем — с горами, лугами, озерами, ручьями и морем. Поэтому, когда человек срубал дерево, дробил и ел зерно, убивал в пищу себе быка, он совершал жертвоприношение богам, и должен был благодарить их, приносить оправдания и просить прощения. И плоть, напитанная дробленным зерном и мясом умерщвленного быка, в свой черед должна становиться ранимой и дробимой, откуда следует необходимость такой церемониальной жертвы как козел искупления. Далее, поскольку религия в известном смысле являлась чем-то чрезвычайным, понятным только царю-богу или богу-жрецу и всей царственно-жреческой касте с имеющими к ней отношение, то они должны были вмешаться, вознести личное жертвоприношение, а потом найти козла отпущения. И если сначала на алтаре закалывали божественного царя, тем самым обеспечивая процветание всему народу, впоследствии эта не слишком приятная честь была передана жрецу. Царь же оплакивал свои грехи и в муках раскаяния отправлял на смерть подданных, умиравших под священным кнутом или ножом, избиением своей плоти или пролитием крови, очищавших его от грехов.

До сих пор странный пример подобного переходного состояния можно видеть в Тибете; в Лхасе козла отпущения ежегодно выбирают среди представителей самой низшей касты; он именуется *логон гьялпо*, или "носителем неудач одного года". Несчастному предоставляется право как угодно бродить по городу, занимаясь всем, чем угодно, однако не расставаясь при этом с хвостом яка, которым он обмахивает головы людей, чтобы отогнать от них зло и переложить их грехи на собственную голову. Потом, под звон колоколов, его пинками и ударами изгоняют из города, после чего предоставляют некоторое время, чтобы он мог спастись. Однако бедолага к этому времени бывает сильно избит, и преследователи почти неизменно нагоняют его и убивают.

Наше внимание главным образом привлекает то, что этот обреченный человек тянет свой жребий вместе с одним из великих лам, определяя, кому из них двоих надлежит стать жертвой. Хотя в исходе этой издевательской лотереи на памяти местных жителей во все предшествующие века сомнений не возникало, сама формальность, подобие обращения к Силе, властвующей над человеческими судьбами, полна смысла и уводит нас в самом деле назад, к той исключительной форме поклонения, о которой мы писали.

В качестве одного из следствий подобной исключительности мы часто обнаруживаем странное отличие интерпретации религиозных верований привилегированным классом и массами. Так мы можем проследить в Древнем Египте следы самой возвышенной духовности, наряду с гротесковыми и материальными религиозными наблюдениями. Чернокожие дикари и меднотелые варвары демонстрируют нам знание о таких высоких материях, как Всевышний Творец и Небесное Посмертие, понятные лишь избранным представителям правящей и жреческой каст, в то время как верования масс носят явно более приземленный характер. В наиболее деградировавшей форме, зафиксированной Джоном Картрайтом, это можно видеть среди курдов. Они "поклоняются дьяволу и почитают его, чтобы тот не нанес вреда их скоту. Или, как писал отец Буше о жителях Западной Африки, их преданность своему фетишу (туземное название *орича* означает "тот, кто видит" или "слышит" молитвы) обосновывалась чернокожими тем, что Благой Создатель находится очень далеко, а демоны бродят прямо возле дома и способны принести изрядный вред. В подобных ситуациях, как правило, используются жертвы в виде приношений, призванных умиловить оскорбленного бога, а чаще привести в доброе расположение к себе нечистого духа. Дерево выпускает ветви, зерно прорастает и дает урожай, поэтому, чтобы обеспечить процветание — по смыслу своему означающее умножение, плодородие — необходимо было даровать жизнь или ее эквивалент. Поэтому узников вешали на деревьях, приковывали к

скалам, чтобы обреченных пронзили дротики солнца, огонь, извергаемый облаками, либо же пожрали воздушные вестники богов, коршуны и орлы. Их бросали в реки ради дарования нужного для роста растений разлива, или в море, чтобы в изобилии ловилась рыба, и оставались благосклонными стихии; поэтому кропили человеческой кровью; поэтому пронзали свое тело палочками и камнями; поэтому разнообразным образом калечили себя и соблюдали разнообразные запреты.

Индусы развили теорию покаяния в такой степени, что простое повторение молитв и соблюдение обрядов, сопровождавшееся жертвоприношениями, вне зависимости от того, кем они совершались и для какой цели, приносили упорному аскету неодолимую власть над небом и землей, над богами и демонами. Покаяние приносило власть не только святым и богам, но и злобным некромантам. Что, с одной стороны, соединяет их с египтянами и их поклонением священным книгам в качестве талисманов и использованием таинственных "Слов Власти", а с другой стороны, со всякого рода чародеями, их "абракадаброй" и сводами тайных наук. Однако если немного заглянуть во времени назад, мы немедленно узнаем, что любые из этих "Слов Власти" можно узнать лишь с помощью аскетизма, путем личного покаяния или моления богам о милости и возношения жертв. Геродот говорил, что египтяне бьют себя, совершив приношение Исиде. Однако, Страбон повествует о куда более значительном человеческом жертвоприношении, соблюдающемся на Кавказе, неявным образом намекая на две формы таковых в Фанагории. Нам известно, что смерть и еще более ужасные виды жертвоприношения предлагались в качестве даров Астарте и Ваалу. Следует принять во внимание мнение, высказанное Дж. Дж. Фрезером, предполагавшим, что Астарта сделалась лунной богиней в результате ошибки, или скорее неясности в изображениях. Он заметил, что в семитических языках луна является существительным мужского рода, и предположил, что только весьма раннее знакомство Ассирии с египетским искусством позволило связать луну с восточной богиней. И Исида, и Хатор являются богинями солнца, обыкновенно изображаемыми с солнечным диском между коровьими рогами на голове. Часто присутствуют только рога, и это может навести на мысль о том, что диск символизировал полную луну, а рога — полумесяцы. Так, считает Фрезер, Астарта получила рога ущербной луны. Уделяя этой версии все возможное внимание, мы, тем не менее, не должны забывать, что Астарта и подобные ей считались супругами Ваала и подобных ему и рассматривались как богини ночного неба. Особенным является проявление луны в той фазе, когда потемневший диск явным образом покоится в блистающей чаше полумесяца; ее полное исчезновение, после которого наблюдается постепенный рост, наделяют ее женской природой, что подтверждают многочисленные фольклорные свидетельства.

Вавилонская троица состояла из Творца Ану, бога солнца Сина и богини луны Иштар, венчавшейся полумесяцем. Поскольку ее планета в общем смысле всегда считалась оказывающей влияние на плодородие, мы располагаем общей причиной неких особенных жертвоприношений, связанных с почитанием этой богини во многих ее проявлениях, начиная от мрачной Иштар и кончая более мягкой, хотя и нередко жестокой, Афродитой. Определенный намек на подобные обстоятельства нам предоставляют амазонки Кавказа, которые, в соответствии с рассказом Страбона, каждую весну проводили два месяца в соседних горах. Горы образовывали границу между их собственной территорией и территорией гаргарян, также поднимавшихся на гору, чтобы во исполнение древнего обычая принести положенные жертвоприношения. Они встречались "в тайне и тьме", чего и следовало ожидать от поклонников Астарты. Свидетельства о существовании прочих форм саможертвоприношения, похоже, сохранились в легендах об американских амазонках, тех, которым для обретения талисманов плодородия приходилось ранить собственные тела и предлагать свою кровь; и тех, которые целым племенем исчезли в земле следом за броненосцем. Кроме того, о том же свидетельствует повесть о младенце, помещенном в тугую сумку, что придало его телу новую и прекрасную форму. Как показал де Губернатис, мешок имеет два символических толкования: это ночь или укрывающие солнце облака, а потому смерть; и это акт пожирания, также представляющего собой форму смерти. Однако

ночь и смерть, хотя и находящиеся в конфликте с солнцем и светом, являются средством обновления жизни. Американская Амазонка приносит в жертву своего сына для того, чтобы он испытал прекрасное возрождение, а, как нам известно, посвященный богам молодой человек проходит вторую форму жертвоприношения, когда его бросают в озеро и превращают в рыбу, — другой из символов дающей жизнь силы, которой поклоняются женщины, после чего подвергается окончательному убиению. На сей раз, следует вспомнить, жертвоприношение совершается с помощью сети, сплетенной из женских волос. Учтем, что во многих местах поклонение лунной богине требовало предоставления женщиной своего тела в темном храме богини всякому встречному, или более мягкой жертвы в виде собственных волос.

Махабхарата рассказывает, что Шантану, потомок почитавшегося в Северной Индии великого лунного бога Чандры, женился на воплощении Ганга. Эта благая речная богиня приняла человеческий облик в качестве покаяния, вероятно для того, чтобы обрести большую силу, и на своем земном пути встретила семерых младших богов, рассказавших ей горестную повесть. По несчастной случайности все семеро оказались между индуистским отшельником и жертвоприношением, и тот, обладая колоссальной силой, накопленной долгой аскезой, поразил их страшным проклятием: "Родитесь среди людей". Пожалевшая их Ганга вышла за Шантану, и семь родившихся у царственной и божественной пары сыновей были этими семью богами. Родившись, каждый из них уже земным существом, и Ганга бросала его в полноводный поток, откуда тот отправлялся прямо на небеса.

Здесь мы, очевидно, имеем дело со вполне определенным человеческим жертвоприношением животворящей богине-реке, вполне согласующимся с великими обрядами, справлявшимися в древности египтянами на Ниле во время его разлива. В существенно модифицированной форме мы встречаемся с тем же обрядом в обручении венецианского дожа и Адриатического моря, коша дож бросал в волны символическое кольцо. Оно должно было принести ему власть над ними. А также в благословении вод, освящаемых в Средиземноморье или царем на реке Неве²⁰. Или в осуществляемых рыбаками скромных приношениях морю: в виде серебряной монетки, вложенной йоркширским рыбаком в поплавок собственной сети, или бросании Адониса в волны, совершаемом сицилийцами и другими народами. Все эти жертвы имеют своей целью возместить реке или морю полученные людьми дары — пищу и процветание. Жертвоприношения Гангу приняли впоследствии более мягкий обычай бросания тела или пепла усопшего в его священные воды, с тем чтобы люди эти могли впоследствии воплотиться в более высокой сфере, в то время как жертвоприношения Нилу вместо девушек стали осуществляться цветами.

Геродот рассказывает любопытную историю о ливийском племени аусеан, обитавших на берегу озера Тритонида. Девы этого племени раз в год отмечали праздник Афины. Богиня могла в данном случае носить имя Нейт, или Нит, — то есть Ночь — которую египтяне почитали как одну из трех первичных богов, в качестве Матери Природы или даже в известном смысле Перводвигателя, и изображали в виде нагой, согнутой дугой, черной женской фигуры, опирающейся на кончики пальцев рук и ног, и усыпанной звездами, символизирующими свод небес. В ходе этого праздника девушки "разделялись на два отряда и дрались шестами и дубинками". Самую красивую из них облекали в панцирь греческого образца, что вызывало недоумение по поводу того, каким же защитным вооружением пользовались здесь до того, как местные жители вошли в соприкосновение с эллинами.

Убитых в таком сражении девушек объявляли "ложными девами". Далее Геродот говорит, что аусеане считали свою Афину (Нейт) дочерью Посейдона и Тритониды, удочеренной Зевсом. Сама идея подобного религиозного празднества свидетельствует о

²⁰ В данном случае автор имеет в виду освящение вод во время христианского праздника Богоявления или Крещения, безусловно, не имеющего никакой связи с человеческими жертвоприношениями, а связанным с явлением Троицы людям.

конфликте двух элементов власти, добра и зла, при желании заслужить выгоду жертвоприношением. Происхождение Нейт у аусеан свидетельствует о противоборстве влияний, некоем жизненном явлении, наблюдающемся при смешении соленой и пресной воды под лучами солнца. Вполне уместно, однако, что обряды, связанные с рождением суровой и примитивной Нейт, должны были осуществляться отрядами вооруженных дев и связываться с борьбой между светом и тьмой, триумфом верных последователей и убийством ложных.

Уже в другом регионе отец Ламберти сообщает, что племя, обитающее в северных областях Кавказа, в высокогорных селениях, не хоронит своих мертвецов, но помещает их в дупла деревьев, а одежду покойных развешивает на ветвях. Дело здесь в том, что и азиатский адонис и египетский Осирис первоначально являлись древесными богами, и потому принесенных в жертву людей вешали на деревьях. На память о том же обычае мы наталкиваемся в Махабхарате, где говорится, что конь Ашвамедхи привел раджу Арджуну в страну, где мужчины и женщины вырастали на деревьях, свисая с ветвей, жили всего один день, а потом умирали. То же самое говорится в отношении острова женщин Эль-Вак-Вака, где плоды на деревьях, созревая, выкрикивали "Вак-вак", а потом умирали. Бартон видел в этих деревьях калевасовые, "гротескные растения, истинных слонов растительного мира, плоды которых, иногда более крупные, чем голова человека, висят на тоненьком волоске". Плод калевасового дерева, или баобаба, "обезьяний хлеб", содержит кислую мякоть, играющую заметную роль в качестве продукта питания; поэтому здесь, как и в случае сосны Адониса, пальмы Осириса и, возможно, кавказского дуба, дающих съедобные плоды, мы имеем объяснение древесным повешениям как таковым. Оно служит основанием всей философии широко распространенного почитания Древа Жизни, а нередко и Древа Смерти, смерти, предшествующей обновлению жизни. Иногда о необходимости жертвоприношений можно узнать из древних наблюдений за религиозными обычаями Индии, о чем нам напоминают замечания, сделанные нами по поводу изваяния Арддханаришвары, находящегося в пещерах Элефанты. И Шива, и Парвати рождены в горах и связаны с человеческими жертвоприношениями, он в активной, она в пассивной форме. Шива, "от которого прибавление" называется "Господином Гор", сиделищем его служит гора Кайласа. Он нередко пребывает в Гималаях, мрачные хребты которых древние авторы считали восточными отрогами Кавказа, породивших его супругу Парвати или "Дочь Гор". Шива представляет собой скорректированную инкарнацию древнего ведийского Рудры, "Бога Бурь", и хотя эмблемами его являются растущий полумесяц и оплодотворяющий грозовой Перун в виде трезубца, он носит на себе смертоносную кобру и украшает себя ожерельями из змей и человеческих черепов. Пережитки человеческих жертвоприношений до сих пор встречаются в уединенных уголках Гималаев и других горных хребтов Индии. Например, у тода, населяющего Нилгири, где производится освященный отгон скота с одной фермы на другую, сопровождающего стадо калтмука, мальчишку подпаска или ученика жреца, щедро кормят сытной пищей после прихода на новую ферму. Это соответствует правам, предоставляющимся тибетскому лонгон гьялпо и прочим будущим козлам отпущения. Потом хозяин-жрец отводит его в сторону и осыпает проклятиями, так чтобы все неудачи, предназначенные для скота, фермы или жрецов, перешли на плечи пастушонка. После этого голову мальчика поливают очищенным со многими обрядами маслом и оставляют в одиночестве. Жрец возвращается на ферму, мальчик тоже, но не сразу, еще он должен провести часть ночи вне хижины, пробраться внутрь нее только после того, как все уснут, и выскользнуть наружу еще до рассвета. Никто не обращает на него внимания, пока не будут закончены утренние работы, поскольку он как бы не существует; потом жрец производит ритуал снятия проклятий, и калтмук может вновь приступить к выполнению собственных обязанностей.

Не может быть никаких сомнений в том, что последний обряд является относительным нововведением; и первоначально мальчик уже не возвращался после совершенного на закате помазания. В других случаях сливки и топленое масло возливались на особые камни,

расположенные неподалеку от фермы, и мы можем заключить, что камни эти являлись прежде алтарями, на которых совершались человеческие жертвоприношения, так как помазание никогда не осуществляется при принесении в жертву телят или быков, совершавшихся при гадании, или как приношение духам умерших. Масло обыкновенно возливалось только на приносимых в жертву людей, и древние индийские религиозные трактаты свидетельствуют, что вампирические змеепоклонницы и прочие лесные колдуны умащали свои тела жиром своих жертв, когда приступали к ворожбе. То же самое, как мы видели, имело место и в Конго в связи с вудуизмом, а также, возможно, и в Андах. Что же касается Шивы, то, обладая трезубцем, символом жизни, и противоположной ему коброй, он также держит в руках *нашу*, или священную удавку, которой душили жертвы и которой столь отвратительным образом воспользовались некоторые секты, имитируя обычаи амурских татар и женской королевской гвардии Белого Нила.

У нас есть и другие свидетельства участия амазонок в подобных обрядах. Как мы уже отмечали, на ранних стадиях цивилизации царь обыкновенно исполняет роль божественного царя, а потом — царя жреца. Этот высокий пост, как мы видели, часто был отягощен страшными обязанностями: божественный правитель нередко отправлялся в иной мир как жертва — от собственной руки, или с помощью собственных подручных-жрецов, среди которых нередко были женщины. Так мы видим, что женская стража, окружавшая царя берегов на белом Ниле, удавила его на смертном одре. Подобная форма "счастливого отхода" уважаемых особ была широко распространена по всему миру. В своей деградировавшей разновидности она до сих пор сохраняется среди "рыбокожих" амурских татар (возможно, удэицы. — *Примеч. ред.*). Эти отсталые племена, питающиеся рыбой и одевающиеся в рыбы шкуры, имеют обычай ритуально удавливать собственных стариков. Под звуки барабанов все оставляют поселок, за исключением самой жертвы и двух ее ближайших родственников, выполняющих роль палачей, а точнее, приносящих жертву жрецов. Они творят свое мрачное дело в шатре, под доносящийся снаружи бой барабанов. Доказано, что в подобных ритуальных умерщвлениях принимали участие и женщины, и их полужреческая роль проявляется во многих отношениях. Снелгрейв сообщает, что в его время король Дагомеи содержался если не в заточении, то, во всяком случае, в стороне от своего народа и даже придворных. На аудиенциях вожди и все прочие простирались перед ним ниц, целовали землю и шепотом передавали то, что, по их мнению, должно было достигнуть королевских ушей, старухе, которая подходила к королю, передавала известие и возвращалась с ответом. В этом мы видим новую стадию учреждения привилегированного посредника между священным правителем и просителем. Далее, нам известно, что ничтожного царька Абеокуты, также расположенной на западном побережье Африки, охраняли женщины, в то время как король племени йоруба прежде располагал в том же регионе женской гвардией, а число "жен"-палачей короля Видаха достигало 5000.

Повернувшись в другую сторону, мы обнаруживаем те же обычаи в Паталипутре, Пенджаб, и слышим об индийских раджах, выезжавших на охоту в окружении вооруженной женской стражи, что в особенности напоминает нам о короле Дагомеи и его отборных Охотницах на Слонов. Похоже, что в Бентаме существовал обычай, позволявший женщинам из королевской гвардии выбирать наследника престола из собственных сыновей, в обход прямого наследника. Все это мы можем сопоставить с рассказом Мегасфена, утверждавшего, что женщины из гвардии Паталипутры имели право убить царя, обнаружив его пьяным, причем убийца выходила замуж за наследника престола.

Повсюду мы видим разнообразие деталей, однако роль женщин очевидна — они выполняли функцию буферного класса между претендентами на сверхъестественное достоинство и их народом. Очень интересно в этой связи обнаружить существование особой женской гвардии и в Восточном Китае в пятом и шестом десятилетиях XIX века, востребованное конкретными политическими обстоятельствами. Когда люди, столь неоправданно именовавшие себя "Мирными Князьями" или тайпинами, разожгли обширное религиозное движение, они объявили, что ждут священного вождя, каковым сделался

"Небесная Добродетель", Тянь Ван, претендовавший сразу на сан второго Сына Божьего и власть над миром в качестве регента Небесного Правителя. Им казалось, что подобную особу должна защищать личная стража, составленная из женщин. Хотя это религиозное движение скоро обрело политический облик, его фанатическая сторона только усиливалась по мере того, как Небесный Правитель и его женская гвардия огнем и мечом проходили по стране, творя разрушения и гибель во имя мира и доброй воли.

Стоит обратить особое внимание на то, что старинные авторы, описывая африканских амазонок и передавая предания американских индейцев, относили этих воинственных женщин к "белой" расе. Из этого нередко делался вывод, что и африканские и американские амазонки обязательно являлись выходцами из Европы или Азии. Однако полагая, что для подобного мнения существовала реальная основа, можно без труда дать ему другую интерпретацию. На самом деле, светлая кожа в данном случае указывает на высший общественный класс. Как справедливо — хотя и по другому поводу — замечал сэр Ричард Бартон: "Общественное положение связано с различиями в цвете кожи; чем выше сан, тем она светлее... Вожди светлее подданных даже у негров Центральной Африки". Легкое ослабление смуглости кожи может быть воспринято черным или меднокожим населением как "белизна". Итак, предание как будто бы свидетельствует о том, что, во всяком случае на относительно ранней стадии развития, в Африке и Америке существовала особая каста воинственных женщин, причем иногда с ней связывалась идея о принесении себя в жертву. Они, подобно ленапе, "женскому" племени Северной Америки, и изуродованным созданиям из Центральной и Южной Африки, а также из Малой Азии античных времен, занимали позицию, сходную с позицией козлов отпущения.

Капитан Джон Адамс писал о Конго в 1823 году: "Одним из условий, позволяющих женщине попасть в разряд жречества, является целомудренный образ жизни и отказ от мирских удовольствий". Подобное отречение от мира вне сомнения было характерно для дагомейских амазонок в начале их существования, а также, возможно, и для царицы в регионе Белого Нила. По крайней мере, один из португальских миссионеров писал, что "соседи видели в царице абиссинских амазонок богиню". То же самое рассказывали и о таинственной основательнице второго золотого города Америки, загадочной неуловимой Добайи, которую безуспешно и старательно искали Васко Нуньес де Бальбоа и его последователи на Панамском перешейке. Ряд легенд утверждает, что Добайя жила в начале времен и была матерью бога, сотворившего солнце, луну и все прочее, представляя собой по сути дела верховную богиню природы. Другие говорили, что она была могущественной индейской принцессой, укрывшейся среди гор, построившей прекрасный город, собравшей много золота и заслужившей славу своей мудростью и военной удачливостью. После смерти она была возведена в божественное достоинство и почиталась в златом храме. Предания настаивали на существовании тайного и богатого храма, посещавшегося соседними касиками и их подданными, жертвовавшими золото и рабов для жертвоприношений. Пренебрежение этими обрядами влекло за собой засуху, самую ужасную из всех кар Природы. Еще дальше к югу в письме императору Карлу V Нуньо де Гусман рассказывают примерно ту же историю, но уже о бразильских женщинах-воительницах (бывших "белее прочих женщин").

Тем не менее девственное состояние воительниц вне всяких сомнений существенно для религиозной идеи. Анжело Моссо, писавший о минойском времени на Крите, отличным образом замечает: "Жрицы были теми матерями и девами, которые посвятили греческий народ в религию красоты". Но это была уже следующая стадия. Нередко жреческое государство могло проповедовать воздержание от брака, однако требовать личных жертвоприношений. Так, вне сомнения, обстояло дело с поклонниками Астарты. На подобное положение дел намекают уже процитированные нами, записанные Страбоном любопытные предания, о том же свидетельствует и легенда об американских амазонках, удалившихся в горные пещеры в общество одного только старика, которому они служили. "Брак" с королями Дагомеи и Видаха мог бы иметь церемониальное значение, если видеть в этих монархах жрецов-царей (потомков племенного божества). В этой связи можно отметить

приведенное сэром Ричардом Бартоном описание восемнадцати танси-но, женщин-фетишей Дагомеи, ухаживавших за могилой царя. Им сопутствовал оркестр, составленный из рожков и погремушек (всегда и везде связанных с магией и заклинаниями), они носили имя "Королевских Духов" и считались родственницами короля. Они служили земными заместителями женской свиты, которую в прежние времена отправляли в могилу вместе с королем. То, что дагомейская династия относилась к числу современных, никоим образом не обесценивает сей факт, ибо короли и народ наследуют свои обычаи с незапамятных времен. Другой интересной подробностью являлось то, что эти черные амазонки, выходя из дворца, всегда посылали перед собой маленькую девочку с колокольчиком, чтобы простые смертные могли вовремя убраться с дороги привилегированных женщин, напоминая нам о процессиях весталок в классические времена. Не следует забывать и о том, что, по преданию, амазонки из Термодона обитали в эфесском святилище. Павсаний четко свидетельствует об этом, хотя и противоречит преданию о том, что святилище это было основано самими амазонками. Оставляя в стороне все вопросы, связанные с Фемискирскими амазонками, мы можем предположить, что некоторые из жриц и их прислужниц в той или иной мере владели воинским искусством: они одновременно служили богине и охраняли ее. То, что сама Артемида еще сохраняла восточную репутацию воительницы, кажется нам вполне вероятным, если учесть, что в аттическом Авлосе ей были поставлены две статуи — одна в обличье охотницы, другая держала два факела, символизирующие не чистый огонь возвышенных страстей (обыкновенно обозначавшийся единственным факелом), но боевые сигналы.

Следует мельком коснуться еще двух вопросов: связи амазонок с солнцем и луной, а также с каннибализмом. Страбон является для нас основным авторитетом, давшим описание находившегося на Кавказе святилища лунного бога и храма Афродиты Апатуры, в то же время все греческие авторы дружно утверждали, что амазонки почитали Артемиду (Астарту) и пользовались щитами в виде полумесяца. В Африке доступные нам сообщения связывают женщин-воительниц с богом солнца, о чем свидетельствует использование ими змеиных шкур, эмблем в виде аллигатора и черепахи, а также связь с Гором. Однако Птолемей указывает на существование в Центральной Африке Лунных гор, причем располагающихся примерно в том регионе, где помещались амазонки Абиссинии и Белого Нила. В Америке связь с почитанием луны обнаруживается как через легенды, так и через амулеты плодородия, изготовленные из зеленых камней. В горах, окружающих верховья Амазонки, тем не менее, можно отыскать высокие вершины, на которых расположены храмы с символами солнца и луны, ряд гор носят многозначительные названия — Дом Солнца, Седалище Солнца и так далее.

Связь с каннибализмом не столь однозначна, кроме как на Дальнем Востоке. Некоторые греческие авторы утверждают, что амазонки Термодона пили из человеческих черепов, а многие из азиатских легенд считают обитательниц женских поселений пожирательницами мужчин. Однако само это выражение — "пожирательницы мужчин" — с одной стороны, намекает на коварство женщин, а с другой — живописует их боевые возможности. Армия, уничтожающая врага, "съедает" его, как стая саранчи. В этом смысле "съесть" мужчин, возможно, означало уничтожить их, стереть с лица земли, хотя следует признаться в том, что, по всей видимости, первоначальное употребление слова ничего другого и не подразумевало. Так, вне сомнения обстояли дела в Африке. Греки же обыкновенно использовали по отношению к женщинам другой, более мягкий эпитет — "мужеубийца". Восточные легенды, связанные с Цейлоном, с великими лесами Индии и с воображаемым Эль-Вак-Вак, явным образом подразумевают, что антропофагия была привычным для женщин занятием. Следы каннибализма сохранила для нас по крайней мере одна из американских легенд, в которой мать помещает своего больного сына в тесный мешок и затягивает, придавая его телу прекрасные очертания, что свидетельствует о чем-то большем, чем простое человеческое жертвоприношение, ибо помещение в мешок нередко являлось синонимом "пожирания". Каннибализм до сих пор существует в этой части

континента, где одно из племен обладает удивительным способом — и обычаем — извлекать из трупов кости, а потом сохранять тела, высушивая их и уменьшая в размере. Кроме того, в Андах существует обычай совершения ритуальных человеческих жертвоприношений с целью обрядового помазания, он сохранился, должно быть, с доинкских времен, поскольку этот таинственный народ не был сторонником деяний подобного рода. Не следует забывать того, что каннибализм имеет религиозное значение, хотя в некоторых частях света он мог возникнуть по причинам экономического характера. Дело здесь не всегда в удовлетворении собственного голода, стремлении к пороку или даже в проявлении мести. Существовало, например, представление о том, что, поедая врага, человек приобретает его силу, а дух усопшего превращается в некое подобие мелкого духа-хранителя. По этой причине черепа врагов сохранялись и выставлялись на высоких шестах над хижинами и так далее, как свидетельствует Геродот в отношении диких тавров. Их даже кормят, а "Охотники за головами" с острова Борнео вставляют сигарки в высушенные губы, чтобы привести этих призрачных хранителей в доброе расположение духа.

Как правило, вооруженные амазонки как будто были настроены против каннибализма. В греческих преданиях они не только сражались с употребляющими людей в пищу грифонами, но и победили их, а по некоторым свидетельствам, помогали Гераклу в борьбе с Гидрой, а до того Дионису — против гигантов. Что касается ранних африканских амазонок, мы видим их сражающимися с дикими чернокожими племенами, которые, по свидетельству даже поздних арабских авторов, "ели людей"; и война эта, по словам Пигафетты, в виде конфликта между конголезскими амазонками и гигантами-антропофагами продолжалась до конца шестнадцатого столетия.

Любопытно заметить, что обильные доказательства долгого существования дикарской стадии отмечаются именно там, где ходят наиболее настойчивые слухи о воинственных амазонках. Знаменитый на востоке населенный женщинами остров, где производились человеческие жертвоприношения, получил название Эль-Вак-Вак, потому что обреченным на смерть жертвам обряда позволялось произносить только слово "Вак-вак". Западноафриканские женщины, в попытке дойти до Египта вынуждены были миновать землю, населенную только племенами каннибалов, носивших двусложные имена Ням-ням, Гнем-Гнем и Нем-Нем и называвшие своих соседей Акка-Тикки-Тикки²¹. В долине Амазонки и Андах такое удвоение в топографических названиях является обыкновенной чертой. Возьмем для примера реки Хуари-хуари и Пина-пина, озеро Титикака, гору Сарасара, деревню Чапи-чапи. Кроме того, существует племя инжи-инжи, — чрезвычайно скрытное лесное племя, по-прежнему пребывающее в каменном веке и предположительно обходящееся единственным словом "инжи". Его удваивают с определенными тонкостями произношения для выражения любых чувств и потребностей, напоминая этим выросших на деревьях жителей острова Вак-Вак. Подобное повторение во всех своих вариантах характерным образом выражает эмфазис как у примитивных народов, так и у детей.

Мимоходом следует обратить внимание на тот факт, что во всех трех великих центрах распространения преданий об Амазонках — в Азии, Африке и Америке — невзирая на упоминания гор и лесов, однако истинным местом деятельности амазонок были просторные аллювиальные равнины. Подобные центры всегда служили колыбелью новых народов и революций, ибо в таких местах смешиваются и умножаются люди, сталкиваются их интересы, вызывая восстания и аномалии до тех пор, пока не родится новый порядок вещей.

Нельзя сомневаться в том, что такие легенды имели известное обоснование. Само разнообразие вариантов заставляет предполагать его наличие, поскольку если рассмотреть их критическим оком, то предания эти отвечают на некоторую потребность всего человечества. Если принять во внимание, с одной стороны, тенденцию к преувеличению, а с

²¹ В соответствии с арабским преданием имя Джян Бен Джян носил великан, царь джиннов, творец пирамид, восставший против Бога и побежденный Люцифером еще до его падения. После этого джинны превратились во вредоносных духов, населяющих темные и глухие места. — *Примеч. авт.*

другой — слабую способность рода людского к предоставлению и хранению свидетельств, нам остается еще достаточно много. Известно, что греки любили декламацию, что ориенталисты привыкли иметь дело с превосходными степенями. Мы видели те ловушки, которые подстерегали пытливых исследователей в Америке, и располагаем аналогичными предупреждениями из Западной Африки, о которой отец Буше говорит: "Целью туземного переводчика является не точность перевода, а стремление угодить. Они не остановятся перед тем, чтобы польстить белому человеку, сказав ему то, что он желает услышать, или то, что, как им известно, совпадет с его мнением".

Даже помимо того, что мы, с позволения читателя, рискнем назвать предательским переводом, могут возникнуть вполне невинные ошибки, связанные с языковой путаницей — ошибки в великом и малом, как достаточно уверенно свидетельствует нам повседневный опыт. Возьмем для примера небольшой случай, попавшийся на глаза автору. Очень маленький мальчик привык называть симпатичную ему знакомую леди словами моя "clean friend" — к ее невероятному восхищению, однако к негодованию родителей этого ребенка. Потом оказалось, что молодой человек просто переводил итальянскую фразу на английский язык с помощью французского. "Propria" превратилось в "propre", а "propre" конечно же, означает "чистый", поэтому "il mia propria amica" ("моя собственная подруга") превратилась в "clean friend" — "чистую подругу". Перевод был произведен с безупречной логикой, и не без некоторого поэтического символизма, еще более приятного благодаря своей неосознанности. Однако в других обстоятельствах он мог бы вызвать известное недоумение. Все мы — дикари, варвары и цивилизованные люди — подобны маленьким детям при воплощении мысли в конкретную фразу с помощью непостоянных слов и изменчивого потока грамматических правил. Тем не менее даже признав все это и допуская должное влияние подобного фактора на наше исследование, мы можем заключить, что легенды в значительной степени заслуживают доверия.

Давайте не будем забывать о нашем первоначальном членении темы на три подраздела. О третьем из них можно сказать немного, поскольку матриархальная стадия развития цивилизации имела место во множестве регионов и история неоднократно подтверждала существование в прошлом великих и малых народов, управлявшихся женщинами, не столь уж редко являвшихся великими бойцами перед Господом. Необходимо лишь исключить возможный источник путаницы, когда выдающиеся деяния царицы и сподвижниц смешиваются с более или менее постоянным женским становищем. В этот разряд бесспорно попадают амазонки Дамуте и, вероятно, чешской героини Власты.

Итак, в нашем распоряжении остаются первые два раздела. То есть благодаря требованиям организации общества, женщинам и младшим детям приходилось и приходится до сих пор, хотя и в меньшей степени, периодически проводить многие месяцы без мужчин, что доказывается действительным опытом. Местные условия способны иногда подчеркнуть такую странную особенность, которая легко разовьется в теорию об автономном женском обществе. Отсюда можно заключить, что эти условия вкупе с восстанием против мужской тирании в результате напряженности, вызванной переходом от дикарства к более высокому уровню развития, часто может привести к революциям и временным объединениям женщин, живущих отдельно и допускающих к себе мужчин лишь в знак терпимости или политики. Такие "народы" и "племена" достаточно часто образовывались в результате завоевания. Особенно в том случае, если победители вырезали всех мужчин и на какое-то время, обусловленное местным уровнем общественного прогресса и особенно топографическими особенностями местности, не сумели подчинить себе женщин. При наличии трудно достижимых гор, густых лесов, а возможно, и изолированных болотами островов, такие женщины вместе со своими детьми несомненно могли сохранить свою волюность подольше. А учитывая бесспорно имеющееся знакомство с военным делом, добиться известных успехов в нем в качестве воинов, либо ограничивающихся обороной, либо наносящих удары возмездия по врагу. В подобных обстоятельствах общение полов может возникнуть далеко не сразу и иметь спорадическую, даже тайную природу. До того неизбежного дня, когда

женщины капитулируют перед мужчинами на их собственных условиях, ибо такова итоговая участь подобных "содружеств", как древних, так и современных. Однако, обитая в горной стране или области, покрытой первобытным лесом, продолжая упорное сопротивление, женское племя скоро обретет статус общества неестественного, подлежащего или проклятию или вооруженной борьбе, и на него почти наверняка будут взирать со смесью ужаса и преклонения.

Это возвращает нас к боевой организации. Теперь временные колонии женщин, существующие благодаря природному стечению обстоятельств, и женские походные станы, вызванные к жизни обстоятельствами противоестественными, очевидным образом будут вынуждены наладить оборону на дикарской и варварской стадиях развития. А там, где женщины привыкли помогать и сопутствовать собственным мужчинам в военном деле, как часто бывает среди кочевников и лесовиков, такая организация способна зайти весьма далеко. Насколько мы можем заключить, существовали женщины, соединившие свои силы ради обороны своих домов и являвшиеся членами воинских отрядов, иногда даже возглавлявшие мужчин на войне. Однако боевые организации как таковые не являлись результатом существования однополых "племен", они принадлежали к области религии. Божественный царь должен иметь свою вооруженную охрану и таковой, как мы видели, нередко становились вооруженные женщины, либо благодаря форме поклонения либо благодаря собственной свирепости. Подобная гвардия, как мы видели, хотя бы в ранний период образовывала священный отряд. Царь-жрец укреплял его, превращая женщин из собственных тюремщиц, или, точнее, из тех, кто помогал ему в расправе над собой, в служительниц собственного культа и исполнительниц личной политики. Примером тому может служить король Видаха и его тысячи "жен", исполнявших царственные приговоры. При увеличении численности такой гвардии, удобство и осторожность заставляли селить воительниц в особых кварталах или даже провинциях, таким образом формируя народы. Так обстояло дело в Конго и, вероятно, в некоторых святилищах Кавказа и Малой Азии. В таких случаях женщины-воины со временем естественным образом формировали касту, или, точнее будет сказать привилегированный кружок внутри народа, но только не сам народ. Они образовывали часть общества и не оставались за его пределами, хотя так может показаться при их контакте с другими расами. Поэтому мы закончим свое изложение, отвергнув идею о сколько-нибудь долго просуществовавшем женском государстве или даже племени (допуская существование их в качестве временной стадии), признавая возможность существования "женских островов" и воинственных амазонок в качестве отдельных отрядов.

Даже лишенная подобным образом значительной части своих чудес, проблема существования женщин-воительниц по-прежнему сохраняет исключительный интерес.

Часть II

РЕЛИГИОЗНЫЕ КУЛЬТЫ, СВЯЗАННЫЕ С АМАЗОНКАМИ

Глава 1. АМАЗОНКИ В ГРЕЧЕСКИХ ЛЕГЕНДАХ

"Илиада" содержит два непосредственных упоминания об амазонках. Первое — в истории Беллерофона, и второе — в отрывке из знаменитой теихоскопии — сцены, когда Приам вместе с Еленой обозревает войско ахейян. Первое упоминание рассматривается критиками в качестве отголоска до-гомеровской саги, откуда следует, что связанная с амазонками традиция восходит к временам, более ранним, чем эпоха создания гомеровских поэм. Описание этих воинственных женщин здесь крайне коротко и ограничивается в русском переводе словами "*мужеобразный, мужеподобный*". Однако, судя по тому, что сражение с ними считается суровым испытанием доблести героя и что с точки зрения боевых достоинств амазонки ставятся в один ряд с чудовищной химерой²², знаменитыми солимами и храбрейшими из ликийцев, можно понять, что их считали созданиями, вселяющими страх. Сражение с ними происходит в Ликнии. Второй из упомянутых эпизодов содержит чуть больше информации. Приам, дивясь счастливой участи Агамемнона, на которого ему указала Елена, творит: "О, Агамемнон, счастливым родившийся, смертный блаженный! Сколько под властью твоею ахейских сынов ураноносных! Некогда, быв во фригийской земле, виноградом обильной, зрел я великую рать фригиан, колесничников быстрых, зрел я Атрея полки и Мигдона, подобного богу; станом стояло их воинство вдоль берегов Сангария; там находился и я и союзником оных считался в день как мужам подобные ратью нашли амазонки, но не столько их было как здесь быстрооких данаев"²³. Хотя здесь амазонкам дана та же самая характеристика, что и в рассказе о Беллерофоне, общее впечатление об их воинственности только усиливается, причем само прибытие отряда происходит в рамках привычной хронологии греческих легенд, предшествуя Троянской Войне. Кроме того, следует отметить, что амазонки в данном случае являются агрессорами, нападшими на пределы Фригии.

Гомер упоминает воительниц еще раз — но уже скорее косвенным, чем прямым образом. Он делает это во второй книге "Илиады", там, где описывается место сбора троянцев и их союзников: "Есть перед градом троянским великий курган и высокий, в поле особенный, круглый отсель и оттоле. Смертные с давних времен называют его Ватиеей, но бессмертные боги — могилою быстрой Мирины. Там и троян и союзников их разделилися рати". В схолиях и комментарии Евстатия сообщается по поводу этого отрывка, что Мирина была амазонкой, дочерью Тевкры и женой Дардана, и что от ее имени якобы получил название расположенный в Эолии город Мирина. Разумно предположить, что комментаторы правы, ибо в позднейшей литературе это название существенным образом связано с амазонками, а в различных уголках греческой земли часто упоминаются их могилы, всегда воспринимавшиеся с удивлением и трепетом, сродни тому, с которым Гомер упоминает гробницу Мирины.

Итак, амазонки в том виде, в котором они присутствуют в древнейших поэмах, представляют собой орду женщин-воительниц, выступающих против мужчин и представляющих опасность даже для самых отважных из героев. Они являются обитательницами Малой Азии, чувствуют себя дома в окрестностях Ликии и соперничают с фригийцами на реке Сангарии. С могилой одной из них связан некий намек на нечто сверхъестественное. Поэт не говорит нам, была ли она другом или врагом Трои. По аналогии с подобными гробницами, на которые указывали в различных частях Греции, погребенная в ней женщина вполне могла оказаться врагом. Тем не менее греческие комментаторы видели

²² Судя по описанию химера — "лев головою, задом дракон и коза серединой" (Илиада, 6. 183) — представляла собой хищного динозавра, естественно опасного противника для героя.

²³ Здесь и далее все цитаты из "*Илиады*" приводятся в переводе Н.И. Гнедича.

в ней впоследствии одну из прародительниц царской династии Трои.

В этом вопросе мы можем положиться на свидетельство "*Эфиопии*", которая сообщает нам о союзе между амазонками и троянцами. Таким образом, мы переходим от гомеровской эпической поэмы к эпическому циклу. Прокл в своей "*Хрестоматической Грамматике*", которую цитирует Фотий, утверждает, что за последней книгой "*Илиады*" следовала "*Эфиопия*", написанная в пяти частях Арктинием Милетским (около 750 года до н. э.). Свое изложение он начинает так: "Амазонка Пентесилея, дочь Ареса, рожденная во Фракии, является, чтобы помочь троянцам. Ахилл сражает ее во всей гордой доблести, троянцы хоронят Пентесилею. Ахиллес убивает Терсита за презрительные речи в собственный адрес и издевку над его предполагаемой любовью к Пентесилее; гибель Терсита вызывает раздоры среди греков". Проследить историю Пентесилеи ранее даты написания "*Эфиопии*" не представляется возможным. Сколько прибавил поэт к скупому описанной Проклом романтической ситуации, определить невозможно, ибо свидетельства его личного вклада погибли вместе с его основным трупом. Безусловно, эта легенда не утратила патетики под руками уймы более поздних писателей и художников. Сохранившийся Проклом общий контур свидетельствует только о "предполагаемой любви" Ахилла к царице, и, тем не менее, он предоставил почву для буйства романтической фантазии авторов последующих времен²⁴. В "*Эфиопии*" Пентесилея именуется фракийкой, что заставляет нас думать о том, оговорился ли автор, или же он вполне серьезным образом видел во Фракии родину этого народа, а в Аресе его бога-покровителя. Диодор называл Ареса отцом Пентесилеи, а Отриру (Otrere) — матерью. Св. Василий добавляет, что она была царицей амазонок понтийской Алопы (Alope), но в другом месте Отрира также называется дочерью Ареса; мать ее звали Гармонией, а детьми были Ипполита и Пентесилея. Впрочем, Арей достаточно часто именуется греческими писателями отцом амазонок как таковых, а Гармония их матерью.

Другая женщина упоминается по имени в отрывке эпоса, сохранившемся комментатором к третьей Немейской оде Пиндара, строка 64: "Теламон, неутомимо в битве, кричащий первым принес облегчение нашим друзьям, сразив мужеубийственную и безупречную Меланиппу, собственную сестру златопрепоясанной царицы". Принадлежность ее к амазонкам подчеркивается эпитетом мужеубийственная и родством со "златопрепоясанной царицей", которая может быть только Ипполитой. Фрагмент должен являться частью длинного пассажа — если не целой поэмы — описывающей сражение Теламона и его товарищей с воительницами.

То, что хорошо известная повесть о Геракле и "златопрепоясанной царице" являлась частью какой-то песни Эпического Цикла, кажется достаточно разумным предположением²⁵. Поэтому полнее можно набросать их простые очертания, доносимые до нас поздней поэзией и прозой. Точное свидетельство ранних ваз, на которых Геракл изображен вместе с амазонкой, позволяет датировать эпический источник поздних версий временем с VIII по VI век до Рождества Христова. Общая схема сюжета такова: Геракл, прибыв в Фемискиру, готовится к битве за пояс, за которым был послан, однако успешно добывает его, не прибегая к оружию, после чего Гера поднимает против него других амазонок. В последующей битве Геракл одерживает победу, однако убивает Ипполиту. Здесь мы впервые слышим о стоящей на берегах Фермодона Фемискире как о родном городе амазонок. Как и в случае Пентесилеи и Ахиллеса легенда о Геракле и Ипполите отмечена прикосновением романтики.

Еще более поэтичной является повесть о Тесее и его амазонке, которую обыкновенно зовут Антиопой, но чаще Ипполитой. Объяснение тому кроется, вероятно, в великом обаянии, которым наделялись традиционные подвиги Тесея, национального героя Афин.

²⁴ За исключением одной малозначительной версии, в которой Пентесилея гибнет от руки сына Ахилла — Пирра, ее смерть в сражении с любовником Ахиллом является традиционным мотивом греческой литературы.

²⁵ Существуют предположения о существовании одного или двух эпических циклов, связанных с именами Онасуса, Элланика и Аполлодора.

Геракл, некогда популярный у мастеров старого стиля, постепенно был оттеснен с росписей ваз Тесеем, то же самое произошло и в литературе. Вполне возможно, что легенда, послужившая основой для повести о Тесее и Антиопе, возникла позже, чем та, что легла в основание сюжета о Геракле, ибо Тесей появляется в компании амазонок лишь на краснофигурных вазах, но не на более древних образцах керамического искусства. В соответствии с Павсанием существовало две версии повести об Антиопе: принадлежащая Пиндару, который утверждал, что она была украдена Пирифоем и Тесеем, и вторая. Агиаса (Agias), или Эгиаса (Hegias) Трезенского, полагавшего, что, когда Геракл вместе с Тесеем осаждал Фемискиру, Антиопа предала родной город ради любви к Тесею. Обе версии дополняются афинской повестью о вторжении в Аттику амазонок, разыскивавших свою царицу. Какую долю материала извлек из цикла Эврипид, усматривавший в матери Ипполита отвергнутую Тесеем жену, определить невозможно.

Вклад эпического цикла в намеченную Гомером идею существования амазонок можно подытожить в виде общей характеристики представительниц этого народа. Поэт видел в амазонках всего лишь орду устрашающих своей мощью воительниц, появляющихся из ворот Азиатского мира. Поздний эпос рассматривает их как жителей города на берегу Эвксинского Понта возле устья Фермодона. Таким образом, они считаются оседлым племенем, обитающим на окраине цивилизованного мира. Их место в восточных краях, куда осмеливаются заплывать только искатели приключений и суровые колонисты. Предания рассказывают об их героинях — Пентесилее, Ипполите и Антиопе, — вводя амазонок в непосредственный контакт с греческой легендарной историей.

С известной степенью надежности можно предположить, что Гомер считает амазонок сказочными созданиями, Цикл — женщин из романтической легенды, а греческие историки — варварское племя. Ценность подобного утверждения заключается в его умозрительном характере, а не в точном соответствии деталям. Это всего лишь другой способ сказать, что эпическая поэма как средство повествования уступила место прозе. Вторжение женщин в Аттику, событие, вероятно, впервые описанное в Цикле, является историческим фактом. В таком качестве его и рассматривали греческие историки, — полностью опровергающим любые сомнения по поводу существования амазонок²⁶, так как памятью сему служили многочисленные гробницы воительниц в греческих землях²⁷. Повесть, которую Павсаний слышал о похороненной в Мегаре Ипполите, возможно, является типичным примером поэтической легенды, существовавшей среди селян и сохранившей память о нашествии: "Я и о ней напишу то, что рассказывают мегарцы: когда амазонки из-за Антиопы пошли войной на афинян и были побеждены Тесеем, то большинству из них суждено было погибнуть в сражении; Ипполита же, сестра Антиопы и в то же время начальница женщин, с немногими из них бежала в Мегары; в сознании, что она причинила войску несчастье, она пала духом, особенно при таком положении дел, а тем более, видя невозможность вернуться домой, в Фемискиру, поэтому она и скончалась от горя, и когда она умерла, тут ее и похоронили; по внешнему виду памятник ее похож на щит амазонки"²⁸. Положение, которое историки уделяли вторжению амазонок в хрониках, кажется столь же неизменным, как и положение Троянской войны. Геродот в 9-й книге истории утверждает что афиняне обосновывали свои претензии на почетное место в строю перед битвой при Платеях памятью о "деяниях древних": во-первых, оказанной Гераклидом помощью; во-вторых, походом на Фивы, предпринятым, чтобы отомстить за убитых сподвижников Полиника; в-третьих, отвагой перед лицом захватчиц, "которые некогда с реки Фермодона вторглись в Аттическую

²⁶ С общим мнением в отношении существования амазонок, сложившимся в древние времена, можно ознакомиться у Страбона. В частности, Лисий считал, что племя амазонок было практически истреблено во время вторжения в Аттику.

²⁷ Известно о существовании гробницы Антиопы в Афинах, гробниц амазонок в Херонее и Фессалии, гробницы Мирины возле Трои, гробницы Анеи возле одноименного города, гробницы Пентесилеи в Аристее.

²⁸ "Описание Эллады" Павсания цитируется в пер. С.П. Кондратьева.

область," и наконец, тем, что не хуже других городов сражались в Троянской войне. В последовательности названных здесь событий вторжение это названо перед Троянской войной, что хронологически согласуется с традиционной датой правления.

Следует отметить, что Геродот придерживается географической теории цикла и помещает родину воительниц на берегах Фермодона. Страбон очевидным образом следует Геродоту и его предшественникам, однако Диодор, излагая рассказ Дионисия Митиленского, опиравшегося на Тимоэта (Thymoetas), говорит, что огромная орда амазонок, которыми командовала царица Мирина, вышла из Ливии, прошла Египет и Сирию и остановилась в Эолиде, в Каике, где женщины основали несколько городов. Впоследствии, свидетельствует Диодор, они основали Митилену, расположенную чуть далее Каика.

Кроме расположенной в Эолиде Мирины²⁹ и Митилены на Лесбосе, еще несколько городов Малой Азии гордились тем, что были основаны амазонками. Притязания эти подтверждает тот факт, что в окрестностях их на монетах были популярны изображения фигур или голов амазонок, что являлось достаточной редкостью. Во фрагменте из Эфора, родившегося в Киме и, потому, по-видимому, сведущего в подробностях местных преданий, утверждается, что амазонки жили в Мисии, Карии и Лидии и возле них. Свидетельство это в целом указывает не на равнину в устье Фермодона как на традиционное место обитания расы, но на область, значительно более удаленную на запад, а именно на ту часть Малой Азии, которая граничит с Эгейским морем. Этот факт легко согласуется с географической оправкой предания о Беллерофоне, где Гомер говорит, что амазонок искали и нашли неподалеку от Ликии. Не столь уж далеко отсюда находятся остров Патмос, на котором находилось урочище по имени Амазониум, и остров Лемнос, где располагалась другая Мирина. Утверждают, что Арктиний внес в сагу мотив конного столкновения лидийцев и магнезийцев с амазонками. Сценой происходившего должна была стать именно эта часть света. Однако тот же самый автор говорит, что Пентесилея, прибывшая на помощь троянцам, была фракийкой. Это направляет наш взгляд за пределы Малой Азии, хотя Фракия соседствует с Троадой и находится по другую сторону Геллеспонта. Возможно, что непосредственное упоминание Фракии именно в связи с этой царицей следует согласовывать с фактами, указывающими на третью традиционную родину описываемого племени, а именно на области Скифии, расположенной к северу от Эвксинского Понта и Меотийского Озера.

Геродот очевидным образом считал Фемискиру первоначальной родиной амазонок³⁰. Во всяком случае, назвав их однажды "женщинами с Фермодона", он не возвращается более к описанию их предков. Быть может, таким образом он оказывает нам существенную услугу, ибо, указывая на группу людей, по его мнению, происходящих от амазонок, он как бы выводит этих самых предков на свет истории. Автор рассказывает нам о миграции отряда амазонок в дикий северный регион, лежащий между Черным и Каспийским морями, за Меотийским озером и Танаисом. От их брачных связей со скифами произошло племя савроматов, в котором женщины были и воительницами и охотницами. Прочие авторы также рассказывают о пребывании амазонок на Меотийском озере, водная гладь которого была более известна грекам по ее западному пределу, Херсонесу Таврическому, — тому месту, где Ифигения жила в качестве жрицы жестокой богини. Даже Кавказские горы и неясно очерченная Колхида были милее эллинскому миру, чем эти дикие скифские края. Греческие путешественники приносили вести о странных обычаях северных племен. Они рассказывали, что тавры приносили всех потерпевших кораблекрушение возле их берегов в жертву своей Артемиде и что женщины савроматов их не выходят замуж, пока не убьют мужчину из

²⁹ В Малой Азии существовало еще два города, носивших такое имя, все три связывали свое происхождение с амазонками, однако главным среди них считался расположенный в Эолиде.

³⁰ Так утверждает географическая теория цикла. Следует добавить, что Гекатей, связывавший Синопу, расположенную на берегу Эвксинского Понта, и Мела, упоминавший город Амазониум в Понте, вероятно, следуют не эпическим источникам, соответствующим этой теории.

враждебного племени.

Эсхил в *"Прометее Прикованном"* также связывает амазонок с северными краями. Интересно сопоставить географию этого отрывка с предлагаемой Геродотом, поскольку поэт жил раньше историка и потому полагался на расплывчатые сообщения о тех регионах, предшествовавшие тщательно продуманной карте Геродота. Эсхил помещает кочевых скифов на далеком севере, возле Океана, в чем ему следует Страбон, в то время как Геродот определенным образом обнаруживает их в Каркинитийском заливе, к западу от Херсонеса Таврического. Халибы, которых Геродот и Страбон помещают к югу от Черного моря, перенесены Эсхилом на север Скифии. Но еще более странно то, что он располагает Кавказские горы на севере от Черного и Азовского морей. На юге от них обитают "амазонки, мужей ненавидящие, которые в позднее время станут жить в Фемискире у Фермодона". В других местах *"Прометей"* амазонки именуются "обитательницами колхийских земель, девами, бесстрашными в битве", и дом их явным образом помещается возле "скопища скифов, которые правят землей у пределов Меотийского озера". В *"Просительницах"* Эсхил снова вспоминает об амазонках, явным образом помещая их первоначальный дом возле Меотийского озера и считая этот край практически идентичным Колхиде или же примыкающим к ней. Он говорит, что отсюда они перебрались в Фемискиру, в то время как Геродот придерживается противоположной теории, утверждая, что из своей исходной прародины Фемискиры эти женщины перебрались в Скифию. Вполне уместно предпочесть последнюю точку зрения, поскольку она была общепринятой в античное время, а Геродот как более поздний автор относился к географии более научным образом. Страбон, обладавший значительными возможностями в области сравнения противоречащих друг другу точек зрения, вполне определенно заявляет; что Фемискира, окружающая ее равнина и поднимающиеся над ней горы принадлежали амазонкам и что они были изгнаны из собственного дома³¹. Можно сделать вывод о том, что греческая традиция связывала существование амазонок с тремя центрами — одним, находившимся в западной части Малой Азии крупным районом, образовывавшим полосу, протянувшуюся от Пропонтиды до оконечности Ликии; вторым, располагавшимся в Понте вдоль берега Эвксинского моря и ограниченным на западе Синопой, на востоке — Колхидой, в то время как неопределенная южная граница его проходила примерно по Каппадокии; и третьим в Скифии, начинавшимся в Херсонесе Таврическом и включавшим в себя регионы, расположенные к северу и востоку от Меотийского озера, а также, возможно, окаймляющие Эвксинский Понт с севера и запада, включая Фракию. Каждый из этих регионов настолько велик, что признать его центром можно только с помощью некоторого насилия над этим словом. Нити родства тянутся отсюда в Ливию, Египет и Сирию. В этом лабиринте и следует искать источник легенды об амазонках. Чтобы завершить наш короткий обзор связанной с легендой географии, необходимо привести перечень греческих местностей, особенно часто упоминаемых в повествовании о вторжении амазонок: Афины, Трезен, Мегара, Херонея, а также Халкида в Эвбее и Фессалия.

Однако рассказ об амазонках, какими представляли их греки, не будет полон, если не упомянуть несколько дополнительных деталей. К числу их относится особенно повлиявшее на воображение последующих поколений предание о том, что женщины эти имели своим обычаем выжигать себе правую грудь, чтобы она не мешала натягивать лук. Объясняется этот обычай толкованием слова амазонка как а-маз, то есть безгрудая. Возможно, эта ложная этимология была рождена теорией, считавшей сарматов потомками амазонок, ибо Гиппократ Косский, младший современник Геродота, подробно описывает эту процедуру, принятую у сарматских женщин. Филострат, напротив, старается доказать, что амазонки не калечили

³¹ По мере расширения области путешествий греков среди них проявилась тенденция отодвигать родину амазонок все дальше и дальше. Не найдя подобного народа в западной части Малой Азии или на южном побережье Эвксинского моря, они естественным образом перенесли его место обитания в малоисследованные районы Скифии и Ливии. Подобной тенденции способствовали сообщения о том, что скифские и ливийские женщины проявляют особенную воинственность.

себя подобным образом. Наиболее здравым аргументом, противоречащим общепризнанности этой теории в древние времена, является то, что ни на одном из дошедших до нас произведений греческого искусства мы не найдем изображения одногрудой амазонки. В пользу противоположной точки зрения изобразительные источники могут свидетельствовать только тем, что, по всей видимости, в скульптуре и живописи было принято изображать этих женщин лишь с одной обнаженной грудью.

Отсюда с неизбежностью следует вопрос об изображении амазонок в греческом искусстве. Битва между ними и греками была любимой темой у создателей фриз, с которой конкурировали мифическая война лапифов и кентавров и исторические сражения между греками и персами. И в каждом из этих случаев греческое стремление к простоте в искусстве требовало, чтобы основным элементом был найден в результате анализа, чтобы композиция представляла ситуацию красноречивым образом. Отсюда следует, что в сценах из Персидских войн грек противостоял персу, в Кентавромахии человек цивилизованный — человеку дикому, а в сражениях с амазонками мужчина — женщине. Поэтому греческий художник в первой ситуации подчеркивает национальную одежду сражающихся, во второй — облик чудовищ и в третьей — женственность амазонок, подчеркнутую мужественностью их врагов. Воительницы на фризах неизменно прекрасны. В изображениях павших чувствуется особенная нежность художника; находящиеся в отчаянном положении амазонки доблестны и воодушевлены, но вместе с тем хрупки и благородны. Победоносные в данный момент воительницы не позволяют себе никакого дикарского восторга, как это делают свирепые кентавры в подобной ситуации. Одеждой их обыкновенно является короткая, подобранная для боя туника, часто открытая на боку, чтобы показать прекрасную женскую фигуру. Художник всегда усматривает в них не каких-нибудь чужестранок, облаченных в фантастические одеяния, он явным образом утверждает, что это женщины, сражающиеся с мужчинами.

Дошедшие до нас знаменитые изваяния стоящих амазонок, унаследовавшие артистические традиции мастеров V века, тоже обнаруживают подобную симпатию. Лица их спокойны и идеально прекрасны, тела принадлежат молодым женщинам в расцвете сил — сильные, гибкие и изящные, они облачены в короткие туники, оставляющие открытой одну грудь.

Существуют также скульптурные изображения конных амазонок. Возможно, одним из наиболее прекрасных среди них является найденный в Эпидавре фрагмент, запечатлевший коня и наездницу, ныне хранящийся в Национальном музее Афин. Эта амазонка одета в короткую, перепоясанную тунику, на шее ее застегнут плащ. Она удивительно гибка и прекрасна, идеально сидит на коне; но более всего впечатляет контраст между ее стройным телом и могучим жилистым корпусом животного.

В Неапольском музее находится скульптура, относящаяся к более позднему периоду. Она изображает амазонку мертвой, распростершейся на спине. На ней обыкновенная одежда, короткая, открывающая одну грудь туника, под лежащей фигурой копье. Приоткрытые губы свидетельствуют о последнем дыхании. Вся фигура проникнута ноткой печали. Набухшие груди предполагают материнство. Это, возможно, указывает на то, что в состав скульптурной группы входила и фигура младенца. Работа привлекает к себе особенный интерес, как созданная в последний период существования греческого искусства, когда внутренний пыл еще не оставил его. Вне сомнения произведение является частью и близкой копией скульптурной группы, установленной Атталом на Афинском Акрополе.

Вазовая роспись в большей мере, чем вазины открывает нам характерное для амазонок оружие — щиты в форме плющевого листа, скифский лук и боевой топор. Здесь мы также видим мантию из шкуры леопарда, подобную той, в которой Пентесилея была изображена на находившейся в Дельфах картине Полигнота. Типы амазонок на росписи ваз многочисленны. Они запечатлены во всех мыслимых ситуациях, которые могут засвидетельствовать их мастерство в бою и охоте: пешими, верхом на конях, на колесницах, готовящимися к бою, приносящими клятву эфеба, уносящими мертвых и так далее. Группы на вазах нередко

напоминают нам фризы. Кроме подобных портретов амазонок сцены на сосудах иллюстрируют сказание о Геракле и легенду о Тесее.

Отсюда вне сомнения следует, что тема женщин-воительниц была не менее популярна и у великих художников, поскольку нетрудно предположить, что горшечники следовали моде на этот сюжет — как и на любой другой. Произведения великих мастеров до нас не дошли. И вазы с этой точки зрения являются наилучшим источником информации, их свидетельству находятся и немногие подтверждения в литературе.

Таковы, в общем, основные черты предания об амазонках, сыгравшего столь важную роль в греческом искусстве и литературе. Короткий обзор является естественным введением к исследованию связанных с этими женщинами культов, ибо без четкого понимания легенды некоторые подробности религиозной практики останутся непонятными. При этом следует обратить особое внимание на следующие пункты: стойкое верование греков в реальное существование амазонок; представление о них, как о необычайно свирепых воительницах, вопреки всем разнообразным идеям, способным опровергнуть эту точку зрения; а также обычай связывать их с несколькими определенными географическими центрами.

Глава 2. ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ

Более примитивным, чем почитание богов в антропоморфном виде является обычай поклонения тому или иному божеству в бетильной³² или неиконической форме, и этот религиозный обряд находит вполне достаточное свидетельство в оставленных греками писаниях и памятниках. Источники эти обыкновенно относят подобное поклонение только к весьма древним временам, демонстрируя, что и здесь и там оно уступило место много более развитой стадии иконического символизма. Однако примеры такого примитивного восприятия божества существуют и в более поздние времена. Среди этих реликтов выделяется поклонение Кибеле в форме Черного Камня в расположенном во Фригии Пессинунте. По приказу книги Сивилл в 204 году до н. э. культ богини был перенесен в Рим, чтобы изгнать Ганнибала из Италии.

Аполлоний в своей *"Аргонавтике"* изображает амазонок выполняющими обряд, в точности соответствующий творимому в Пессинунте. Он представляет собой почитание черного камня³³, возлагаемого на алтарь открытого храма на острове у побережья Колхиды. Характер описанного обряда делает вероятным тот факт, что информацию по этому поводу он черпал из раннего источника, поскольку мы узнаем из Диодора, что амазонки оказали особую честь Матери Богов, посвятив ей остров Самофракия, установив там ее алтари и вознеся великолепные жертвоприношения. В любом случае оба отрывка доказывают тот факт, что амазонки были почитательницами Матери, известной под именами Реи и Кибелы, или Кибебы.

Одно предание указывает, что Скамандр ввел выполнение обрядов Критской Матери во Фригии и что они прочно укоренились в расположенном на Сангарии Пессинунте, ставшем их главным центром, в то время как богиня получила от нависающего над городом хребта свое хорошо известное имя Диндимена; другие источники утверждают, что домом почитания фригийской Кибелы была Самофракия, откуда Дардан перенес культ во Фригию. Попытка совместить обе легенды родила повесть о том, что Корибант Самофракийский, сын Деметры и Ясиона (Jasion), ввел почитание своей матери во Фригии и что его преемники-корибанты перешли с расположенной в Троаде горы Ида на критскую вершину того же имени, чтобы воспитывать младенца Зевса. В головах различных античных авторов, которым мы обязаны всеми своими знаниями относительно оргиастических культов, царит невероятная путаница. В итоге мы остаемся без точных деталей, способных помочь нам определенным образом отличать один культ от другого.

Впрочем, ряд источников сообщает нам, что почитание Кибелы, фригийской Великой Матери, считалось отличающимся от прочих аналогичных по характеру и выражению культов. Поклонение ей в Пессинунте имеет, в частности, наибольшую важность для исследования, касающегося амазонок. Здесь, как свидетельствует история, находилась бетилическая форма богини, в которой они ее почитали. Естественным образом римские авторы, после того как Черный Камень был воздвигнут в их городе, с интересом и любопытством обратились к связанным с культом легендам. Именно их источникам мы обязаны множеством фактов, часто скрытых от взора поэтов ранней Империи, с отвращением взиравших тогда на этот оргиастический культ. Кибеле Пессинунтской служили жрецы-евнухи, звавшиеся галлами. Эта разновидность служителей, считавшаяся очень почетной, похоже, запечатлела преданность Аттиса богине. К счастью мы располагаем свидетельством той особенной формы, которую легенда об Аттисе приняла в Пессинунте. Здесь его считали сыном девы, родившимся от плода миндального дерева. Последнее

³² То есть в виде камня или священного столпа, *бетилья*. Слово это родственно семитическому *бетэл*, имеющему то же значение.

³³ В связи со сходством упомянутого Аполлоном черным камнем с пессинунтским, в нем трудно увидеть иной символ, кроме кумира Кибелы, хотя почитание и совершается в храме Арея.

выросло из отсеченных мужских половых органов двуполой Агдистис³⁴, которая полюбила его, когда он вырос, и сделала своим паредром (супругом, мужским соответствием. — *Примеч. ред.*) и галлом. От того же самого Павсания мы узнаем и лидийский вариант истории. Здесь Аттиса называют сыном фригийца Калая. Он учредил в Лидии оргии в честь Матери, и потому богиня так возлюбила его, что заревовавший Зевс послал на поля Лидии дикого вепря, который убил Аттиса. Из обоих вариантов следует, что юноша занимал в мистериях Кибелы место, аналогичное Адонису при Афродите и Осирису при Исиде, однако особенностью культа Кибелы является то, что компаньон ее является галлом. Во всех сообщениях о пессинунтских обрядах упоминается, что богине служили женоподобные³⁵ жрецы, очевидно символизировавшие Аттиса. В этом, по всей видимости, заключается ключ к взаимоотношениям между критской Реей и фригийской Кибелой, ибо в обоих комплексах культовых легенд часто упоминаются дактили, связанные как с критской, так и с троянской Идами. Их очевидная причастность к металлургии напоминает о железном серпе, который произвела Гея и вручила Крону, чтобы тот низверг Урана³⁶.

Основополагающая идея культа Кибелы делает ее землей — богиней плодородия человека, зверя и поля. Почитание ее сопровождалось грохотом барабанов и кимвалов, звуками труб и голосами пришедших в исступление почитателей. Богиня даровала людям некое священное безумие, наделявшее ее почитателей чувством мистического экстаза и сверхъестественной силой. Наилучшее из существующих описаний принадлежит Лукрецию, который, невзирая на аллегории поэтической мысли, передает великолепное впечатление бурного праздника. Наиболее потрясающей чертой обрядов являлась таящаяся под радостью предавшей себя божеству толпы жуткая нотка, подобная дальнему рокоту барабанов. Полная усердия радость способна в любое мгновение превратиться в проклятие насланного Матерью неудержимого безумия. Таково предзнаменование оплакивания Аттиса у Катуллы:

Dea Magna, Dea Cybele, Dindymi Dea, Domina,
Procul a mea tuus sit furor omnis, hera, domo:
Alios age incitatos: alios age rabidos!³⁷

Древние источники говорят и о других жрецах Кибелы, имевших меньшее значение, чем галлы. Их называли кибебами и метрагиртами³⁸, нищенствующими монахами, чьи махинации в Риме осмеивал Ювенал.

В культовых легендах исторические галлы, вероятно, представлены в виде корибантов, с которыми существует много неясностей. Иногда они связаны только с поклонением Кибелы, в других источниках они полностью отождествлены с курстами. Возможно,

³⁴ Страбон утверждает, что критская Рея приняла в Пессинунте имя Агдистис; он говорит, что могилу Атиса показывали на горе Агдистис, расположенной возле этого города.

³⁵ Идея эта вселяла отвращение в греков. Подобный обряд соблюдался среди фригийцев и прочих азиатских народов в древние времена. В качестве религиозной детали он был связан с обрядами Артемиды Эфесской, Зевса и Гекаты в Латине, Кария, Афродиты в Бамбике или Иераполисе, Сирия. В каждом из этих случаев божество принимает в известной мере характеристики Кибелы.

³⁶ Рассказ о низвержении Урана принадлежит к гесиодической теогонии. В поздней орфической ему соответствует повесть о низвержении Крона Зевсом. Оба мифа связаны с Диктейской Пещерой на Крите. Зевса Диктейского почитали этеокритяне.

37

О Кибела, о богиня, ты, кого на Диндима чтут!
Пусть мой дом обходят дальше, госпожа, раденья твои, —
Возбуждай других к безумству, подстрекай на буйство других.

"Аттис", в пер. С.В. Шервинского.

³⁸ Эти жрецы находят совершенно точное соответствие себе в воющих дервишах магаметанства. На самом деле на современном Востоке можно встретить многие черты поклонения Великой Матери. Слово "кибеб" является мужской формой от имени богини.

повествования о корибантах и курстах сохранили память о носивших религиозный характер примитивных плясках с оружием в руках, исполнявшихся соответственно в честь фригийской Кибелы и критской Реи. Поскольку обе богини по сути дела представляют собой одну, служившие им гоплиты практически не различимы. Местная индивидуальность культов внесла различия в мифы, касающиеся корибантов и куретов. Естественным образом, лишь лицо, посвященное в мистерии каждого обожествления, располагало точным знанием деталей, но губы его неизбежным образом были запечатаны в отношении всех важных моментов, и потому потомкам остается удовлетворяться репликами, подобными произнесенной Павсанием: "Происхождение корибантов отличается от куретов, но, зная правду о тех и других, я обхожу их молчанием". К сожалению, не сохранились некоторые писания Эпименида, которые вполне могли бы удовлетворить современного исследователя. Первоначально воинственный характер обрядов, действительно совершавшихся в святилищах Кибелы, почти растворился в мистическом безумии, находившем выражение в громких выкриках, звоне кимвалов, пении труб, задававших ритм экстаичным движениям почитателей богини. Он также находил отражение в полисном и воинственном аспектах почитаемой таким образом богини. Критские легенды утверждают, что фригийские корибанты были призваны на остров. Там они ударами мечей о щиты заглушили крики новорожденного Зевса, не дав им донестись до ушей ревнивого отца. Это привело к возникновению пиррического танца, которым куреты позднейших времен почитали Рею, мерно раскачиваясь из стороны в сторону, колыхая гребнями шлемов и ударяя в щиты.

Куретов, кроме того, путают с дактилями, которых обычно пятеро — Геракл, Пэоний, Эпимед, Ясион и Идас — металлургами критской и троянской Иды, а также с таинственными *naktez padez*, являющимися либо Диоскурами или Кабирами. Имя Идас носит не только курет, но и один из мессенских соперников и аналогов спартанских Диоскуров; Ясионом звали смертного, которого Деметра полюбила на Крите, вместе с ней являющегося персонажем самофракийских мистерий; дактиль Геракл, которого Павсаний старательно отличает от сына Алкмены, очень умно отождествляется им с носящим то же самое имя божеством, почитавшимся в Эритрее, Ионии, в Тире и даже в беотийском Микалессе. Соединяемые с дактилями кабиры находятся в тесном родстве с куретами. С другой стороны, их соединяют с корибантами через Кориба, сына Ясиона и Деметры, который, как утверждают, перенес почитание своей матери с Самофракии во Фригию.

О связанных с кабирами мистериях трудно сказать что-либо определенное, за исключением того, что здесь Деметра почиталась как мать Плутуса, родившая его от Ясиона. Геродот, будучи посвященным, считает, что самофракийские мистерии имели пеласгическое происхождение. Он намекает на связь между этими обрядами и введением пеласгами герм в Афинах. Кроме того, описывает типичное изображение кабира в пластическом искусстве — крохотного человечка, в точности подобного *patai'ci*, гротескным головам, которые носили на носах финикийские триремы. Раскопки в фиванском Кабириуме дали уникальный класс ваз, подтверждающий это описание. Если не считать особенностей художественной техники, они представляют основной интерес главным образом откровенной карикатурностью рисованных фигур. Сценки имеют откровенно дионисийский характер, из чего следует, что фиванский Кабир представлял собой вариант Диониса. Это, впрочем, едва ли согласуется со словами Павсания, пользовавшегося множественным числом в отношении фиванских кабиров. Он говорит, что не имеет права рассказывать что-либо как о них, так и об обрядах, исполнявшихся в честь Матери, и может сообщить лишь то, что некогда на этом месте находился город, где жили некие люди, именовавшиеся кабирами. Среди которых были Прометей и его сын Этней, и мистерии были дарованы Деметрой кабирам. Это подтверждает выдвинутую Уэлкером теорию, в которой он, опираясь на слово *καίειν*, видит в кабирах "сжигателей".

В таком качестве они достаточно хорошо согласуются с дактилями. Однако по этой причине их не стоит разлучать с Дионисом, которого Пиндар называет *παρδρομ* Деметры. Ее эпитет *χαλκοκροτος* свидетельствует о тесной связи Деметры и Матери Богов. Дионис

естественным образом оказывается связанным с первой, поскольку почитание его как в действительности, так и в легенде классифицируется наряду с поклонением фригийской Великой Матери, двойнику Реи. Деметра и в самом деле является греческой Землей-Матерью, поклонение которой было заимствованно из посвященных Матери обрядов Фригии и Лидии.

Поэтому несколько не странно, что самофракийская богиня делается очень похожей на вариант Кибелы и что амазонки посвящают этот остров Матери Богов. Однако здесь остается место и для других догадок, касающихся смысла связи между амазонками и самофракийским божеством. Возможно, некоторое отношение к этому имеет легенда о поселении на Самофракии, записанная Павсанием. Она гласит, что жители Самоса, изгнанные Андроклом и эфесцами, бежали на этот остров, дав ему имя Самофракия вместо прежнего названия Дардания. Андрокл обвинял изгнанников-самосцев в том, что они вступили в сговор с карийцами против ионян. Похоже, что поселившиеся на Самофракии колонисты были связаны прочными, вероятно кровными узами с доионийским населением Эфеса и его окрестностей, которое основало святилище Артемиды Эфесской, неразрывно связанное с преданиями об амазонках. С этими фактами следует сопоставить мнение Геродота, считавшего, что самофракийские мистерии имеют пеласгийское происхождение.

Кроме того, на Самофракии совершали корибантские обряды Гекате.

Они происходили в Зеринфийской пещере, давшей эпитет Аполлону и Артемиде. Важную роль в этих мистериях играло жертвоприношение собак Гекате. Связанные с жертвоприношениями обряды настолько редко встречаются в греческой религии, что обнаружение их всякий раз требует специального внимания. Корибантские обряды на Самофракии свидетельствуют о том, что здешняя Геката находилась в тесном родстве с богиней того же имени, которую почитали наряду с Зевсом Панамерием в карийской Лагине, основном центре ее возвеличивания в Малой Азии. Страбон относит ее культ к фригийско-фракийским. Комментируя тесную связь между фессалийской Артемидой Фереей и этой Гекатой, Фарнелл считает Фракию родиной культа. Некоторую опору для такого утверждения может составить сопоставление факта принесения собак в жертву Гекате Самофракийской и реплики Секста Эмпирика, гласившей, что фракийцы используют это животное в пищу.

На Лемносе подобными корибантскими обрядами почитали Бендиду, таким образом, оказавшуюся в родстве с самофракийской Кибелой и ее отражением, Гекатой, так же как и критской Реей. Эта лемноская "Великая Богиня", фракийка, вооруженная двумя копьями свирепая охотница, почитаемая "на небе и на земле", принимавшая на своей родине человеческие жертвоприношения, вошла в греческий пантеон как фракийская Артемида, близкая родственница Кибелы и Гекаты. Ее дополняла Фоуорос, давшая имя фракийскому Боспору, — богиня, в чьих обрядах существенное место занимал факел.

Таким образом можно составить длинный список женских божеств, обнаруживающих общие характеристики с фригийской Кибелой Лидийская Мать, Кибеба или Кибела; Критская Рея; Геката из Самофракии и Латины; Бен-днда из Фракии и Лемноса; Каппадокийская Ма; Критская Бритомартис или Диктинна, в Эгинс называемая Афеей; сирийская богиня Иераполиса; несколько вариантов Артемиды — Таврического Херсонеса, Брауронская, Лаодикейская³⁹, Эфесская, Артемида-Афродита Персидская. Общей чертой их всех является представление женского божества в виде богини природы, предпочитавшей оргиастические обряды, и в виде воительницы, защищавшей государство. Вероятно, правильно будет предположить, что Артемида Тавропола, которой, по словам Диодора, возносили подношения амазонки, представляет собой вариант Кибелы, скорее всего Артемиду Таврическую. Поэтому ее имя следует добавить к общему списку. Оно

³⁹ Павсаний связывает воедино Артемиду Таврическую, Артемиду Брауронскую и богиню сирийской Лаодикеи. Кроме того, он утверждает, что на исходный вариант этого культа претендовали лаодикейцы, каппадокийцы, соседи последних на границе с Эвксинским Понтом, лидийцы, называвшие ее Анаитис, и спартанцы, пользовавшиеся именем Оргия.

заслуживает особенного внимания, поскольку доказано, что амазонки были ее почитательницами. В отношении Афродиты, которую, подобно Артемиде, хотя и не столь часто связывали с Матерью, Арнобий сообщает, что в порыве преданности этой богине дочь одного из галлов отсекла себе обе груди. Подобное действие в первую очередь напоминает нам о предании, считающем амазонок одногрудыми, а также намекает на то, что в определенных вариантах почитания Афродиты присутствовали и галлы.

Культ Кибелы, очевидно, являлся самобытным во Фригии и Лидии, воспроизводя при этом во всех подробностях почитание критской Реи. Поскольку критское поклонение Матери, по всей вероятности, принадлежало первоначально этеокритскому населению острова, явным образом негреческому, и находившемуся в несомненном родстве с племенами недалеко Азии, Рею-Кибелу можно с полным основанием рассматривать как божество Крита, Фригии и Лидии. Судя по тому, что двусторонний топор является религиозным символом, распространенным всюду, где наличествуют остатки до-эллинской или минойской цивилизации Крита, а также рожденной ею микенской, и по тому, что в исторические времена этот предмет является постоянным знаком разнообразных форм азиатской Матери, есть основания считать, что почитание Реи-Кибелы было глубоко укоренено на Крите и в прочих землях, где эта блестящая культура процветала до возвышения эллинских государств. Следует отметить, что именно такое оружие являлось традиционным у амазонок, что, впрочем, не следует слишком подчеркивать в данном контексте. Геродот, как это уже было сказано, заверял на основе своего опыта как посвященного, что самофракийские мистерии имеют пеласгское происхождение. Он вне сомнения видел в пеласгах неэллинский народ, предшествовавший эллинам во владении Грецией. Потому его заметки в отношении "*Кабурий*" мы должны толковать как означавшие, что обряды сии были учреждены догреческим населением. Соблазнительно связать этот народ с доионийским населением Самоса, которое в соответствии с Павсанием заселило Самофракию. Таким образом, почитатели Кибелы Самофракийской должны быть сродни тем, кто чтит ее на Крите, в Лидии и Фригии.

Итак, Мать, широко почитавшаяся как под собственным именем, так и под многими другими, возносилась амазонками в примитивной бетилической форме, следующей из обрядов Пессинунта. Они почитали ее и как Мать Богов в Самофракии, где ее отождествляли сразу с кабирической Деметрой и Гекатой, и как Артемиду Таврополу⁴⁰ или Таврскую Деву, вероятно, являвшуюся богиней фракийцев.

⁴⁰ Слово *tauropoloz* возможно связано с *тавроболузом*, мистическим крещением в крови, первоначально связанным с сирийскими культами, а в особенности культом Митры. В первой половине второго столетия нашей эры оно вошло в употребление в Риме и характеризовало культ Magna Mater.

Глава 3. АРТЕМИДА ЭФЕССКАЯ

Великолепный храм той, кого христианские авторы называют "великой богиней, которую вся Азия и весь мир почитают", заменил более раннее и знаменитое святилище, сгоревшее в ночь рождения Александра. Двести двадцать лет ушло на сооружение первого храма, и когда он погиб, эфесяне немедленно начали сооружение еще более дорогого. Утверждают, что древний Артсмизий насчитывал среди своих сокровищ четыре изваяния амазонок, выполненных самыми знаменитыми скульпторами V века Фидием, Поликлетом, Кресиладель и Фрадмоном⁴¹. Предание это только одно среди многих, отмечающих очень тесную связь между амазонками и названным святилищем.

Сами эфесяне видели в родном Артемизии одно из священнейших мест мира. Тацит в своих *"Анналах"* замечает: "Primi omnium Ephesii adiere, memorantes non, ut vulgus crederat, Dianam atque Apollinem Delo genitos: esse apud se Cenechrium amnem, lucum Ortygiam, ubi Latonam partu gravidam et oleae, quae turn etiam maneat, adnisam, edidisse ea numina"⁴². Это означает, что маслина Артемиды Эфесской противопоставлялась пальме Делосского Аполлона. Нечто в этом роде произошло на самом деле, поскольку Фукидид говорит: "На Делосе уже издревле происходили великие собрания ионийцев... сюда они приезжали как ныне на Эфесские игры вместе с женами и детьми"⁴³.

Греческий Эфес обязан своим происхождением ионийской иммиграции и рассматривался в числе двенадцати городов Ионии. Тем не менее в толпе колонистов, которые вышли из Афинского Пританея, ионян было немного, хотя экспедиция была названа их именем. Им сопутствовали абанты из Эвбеи, орхонсские минийцы и кадмеяне из Беотии, дриопы, фокейцы, молоссы, аркадийские пеласги, дорийцы из Эпидавра и прочие племена, которых Геродот не называет по имени. Возможно, доля ионийцев в Эфесе была меньшей, чем в любом другом городе этой группы, поскольку лишь жители его и Колофона из числа двенадцати остальных поселений не принимали участия в Апатуриях, великом клановом празднике ионян. Тем не менее Кодриды, выделявшиеся как проводники предприятия, были ионянами; а Андрокл, сын самого Кодра, считается некоторыми авторами основателем Эфеса. Павсанию говорили, что он пал в битве с карийцами, и показали его гробницу в Эфесе.

Этот автор называет Андрокла "царем ионян, отплывших в Эфес", и считает его основателем ионического города. Однако называет находившееся там святилище Артемиды весьма древним. Он с полной уверенностью утверждает, что оно на много лет предшествовало ионийской иммиграции и старше святилища и оракула Аполлона в Дидимах. Павсаний приписывает его основание автохтону Коресу, сыну Каистра, и Эфесу. Он говорит, что до ионийцев город населяли лелеги и лидийцы — с преобладанием последних — и что, хотя Андрокл изгнал из страны всех, кого нашел в верхнем городе, он не стал трогать обитавших вокруг святилища. Дав и получив от оставшихся жителей клятвы на верность, он заставил их соблюдать нейтралитет. Эти замечания Павсания находят подтверждение в формах культа, который, являясь не эллинским в своей основе, допускает разумную интерпретацию лишь как местный, перенятый греческими поселенцами.

Храм Артемиды Эфесской являлся в первую очередь святилищем, которое предоставляло убежище всем нуждавшимся. Таковой факт свидетельствует о существенном отличии эфесской богини от греческой Артемиды. Обращавшиеся к защите святилища приходили к нему с масличными ветвями, обвитыми шерстяными лентами.

⁴¹ Таково свидетельство Плиния, специалисты по истории греческого искусства не обнаруживают единодушной уверенности в том, что были выполнены все четыре статуи.

⁴² "Первыми прибыли эфесцы, говорившие о том, что вопреки распространенному мнению Диана и Аполлон не родились на Делосе; близ их города есть река Кенхрей и роща Ортигия, где, прислонившись к существующей и поныне оливе, Латона разрешилась от бремени этими божествами". Пер. А.С. Бобовича.

⁴³ Пер. Г.А.Стратановского.

Амазонки в этой легенде называются основательницами святилища и беженками, рассчитывающими найти в нем пристанище. Пиндар говорит, что они основали святилище на своем пути в Афины для войны с Тесеем. Возможно, этому источнику следовал Каллимах. Его строки повествуют о том, как амазонки основали храм Артемиды "в тени дуба с внушительным стволом, росшего в Эфесе у моря". Юстин свидетельствует о существовании предания об основании амазонками самого города. Павсаний утверждает, что Пиндар ошибался в своей уверенности, будто город основан женщинами. По его словам, они искали убежище в Артемидеуме два раза еще до того, как предприняли поход в Аттику: один раз спасаясь от Геракла, а до того, в еще более ранние времена, — от Диониса. Тацит, продолжая изложение выдвинутых самими эфесянами претензий, говорит: "Mox Liberum patrem, bello victorem. supplicibus Amazonum, quae aram insederant, ignovisse. Auctam hinc concessu Herculis, cum Lydia poteretur, caerimoniam templo"⁴⁴. В соответствии с этим обычай искать убежище в Артемидеуме начался именно с амазонок, и именно им было обьязано святилище такой сомнительной ролью, которую оно играло. Итак, разнообразные источники свидетельствуют о том, что в священных традициях и анналах Эфесского храма амазонки занимали видное место. Даже Павсаний, отрицающий то, что святилище основали женщины-воительницы, объясняет их славой значительную долю того престижа, которым культ Артемиды Эфесской пользовался во всем греческом мире. Соображение это он называет первым в списке причин, обосновывавших великую репутацию святилища, придавая ему равный вес с крайней древностью храма. Следом за этими двумя доводами Павсаний ставит богатство и влияние города, а также присутствие здесь богини. Итак, мы имеем полное право верить в то, что амазонки имели непосредственное отношение к культу Артемиды Эфесской. Тем не менее в исторические времена существовало правило, запрещавшее женщинам входить в святилище.

Если не обращать внимания на имя, трудно признать греческую Артемиду в божестве Эфеса. Почитавшееся изваяние являло ее сразу в примитивном и восточном облике. Оно было вырезано из дерева⁴⁵, нижняя часть имела вид гермы, заканчивающейся ногами. Женский торс имел множество грудей — изображения на монетах показывают женщину именно такой, голова увенчана высокой тиарой, а обе руки покоятся на витых колоннах. Богине служили девы и жрецы-евнухи, называвшиеся мегабизами⁴⁶. По-видимому, последние были теми самыми эссенами⁴⁷, которые по свидетельству Павсания, служили при храме один год и были обязаны соблюдать строгое целомудрие, а также аскетические условия питания и очищения. Связанные с ними девы проходили три этапа: Послушница, Жрица, Старшая Жрица. Срок их службы не назван. Мегабизы удостоивались высших возможных почестей, как и галлы в Пессинунте.

Эта увенчанная тиарой многогрудая богиня, которой в ее святилище служили мегабизы, безусловно представляет собой форму Кибелы. Павсаний считал, что святилище было основано до-ионийским населением региона, то есть лелегами и лидийцами, среди которых последние были более многочисленными. Тогда следует предположить, что здесь мы имеем дело с почитанием Лидийской Матери. Имя Артемиды, под которым фигурирует эта богиня, означает лишь то, что греческие колонисты приспособили к себе обнаруженный

⁴⁴ "Позднее победоносный отец Либер здесь же простил амазонок, которые молили его о пощаде, припав к его жертвеннику. Изволением овладевшего Лидией Геркулеса почитание этого святилища возросло".

⁴⁵ Различные источники называют пошедшее на ее изготовление дерево буком, кедром, вязом, черным деревом, виноградной лозой.

⁴⁶ Слово это часто фигурирует у Геродота в качестве имени собственного у персов, что свидетельствует, в том числе, по мнению Плутарха, о сильном местном персидском влиянии.

⁴⁷ Древние комментаторы толковали это слово как "цари", так как жрецы и жрицы многих святилищ носили наименование пчел, а улей, по древним поверьям, возглавлялся царем. Павсаний сравнивал образ жизни эсенов с тем, который вели служители Артемиды Гимнии в аркадийских Орхоменах. Интересно, что в "Талмуде" упоминается секта ессеев, известная своим аскетизмом.

здесь культ. Лидийская Матерь, вне сомнения, была идентична фригийской Magna Mater. И все же эфесская богиня, Матерь, скрывающаяся под именем Артемиды, не эквивалентна в своем культе ни Кибеле, какой мы знаем ее — в бетилическом образе или в облике матроны — ни эллинской Артемиде. Толкователь снов Артемидор усматривает особую святость в некоем типе богини, который он связывает с Артемидой Эфесской, Артемидой Пергамской и богиней, названной ликийцами Элевтерой. Невольно хочется приписать таинственным лелегам различия, позволяющие видеть в Эфесии и обеих других богинях нечто отличное от Кибелы.

Павсаний сообщает нам о населявших Эфес лелегах только то, что они представляли собой ответвление карийцев. По словам Геродота, этот народ в древние времена населял острова Эгейского моря и подчинялся критскому Миносу. Его изгнали из родного дома дорийцы и ионяне, после чего лелеги нашли себе убежище в Карию и назвались карийцами. В данном случае полезно прислушаться к мнению Геродота, поскольку сам он был рожденным в Карию ионянином. Из этого следует, что эфесские лелеги, которых Павсаний называет ветвью карийцев, были тесно связаны с островным народом, некогда подчинившимся Миносу. И Геродот, и Павсаний утверждают, что ликийцы происходили с Крита. Поэтому нет ничего странного в том, что в Эфесе и в Ликии почитался один и тот же тип богини. Традиция также связывала Памфилию⁴⁸ с Критом, что может объяснить присутствие второго типа богини с Пергамом. Надпись, восходящая примерно к III веку до н. э. дает нам прямое доказательство связи между Критом и Артемидой Эфесской. Она представляет собой посвящение к исполненному по обету приношению: "Исцелителю болезней, Аполлону, Подателю Света смертным, Евтихий воздвиг по обету приношение (статую) Критской Госпожи Эфесской, Светоносной". Надпись напоминает слова из "*Царя Эдипа*": "Господь Ликейский, молю тебя, ради помощи нам, рассеяй, свои непобедимые стрелы своей златоплетеной тетивой, а с ними огненосные лучи Артемиды, которые она рушит на ликийские горы". Итак, критская Носительница Света вполне может оказаться огненосной Артемидой Ликийской. Эпитет Аполлона *Lkeios*, приобретает для Артемиды форму *Lukeia*: под этим именем ее почитали в Трезене. Местные экзегеты не могли объяснить применение этого названия. Поэтому Павсаний предполагал: или Ипполит таким образом отметил истребление волков в Трезене, или слово *Lukeia* представляло собой культовый эпитет среди амазонок, с которыми Ипполит был в родстве по матери. Кажется в высшей степени вероятным, что Артемида *Lukeia* считалась богиней Эфеса, Пергама и Ликии, известной как Критская Владычица Эфесская.

Элевтера, особое имя, под которым эта Артемида почиталась среди ликийцев, может означать Ариадну, которую Овидий называет Либерой⁴⁹. Оно принадлежит ей как ставшей супругой Диониса на Крите. Дионис присутствует в легендах Артемидеума в качестве одного из врагов амазонок, загнавшего их в это убежище. Быть может представление о враждебности с его стороны можно объяснить обрядами, справлявшимися в его честь в Алее⁵⁰ на ежегодном празднике Скирея. Церемонии включали бичевание женщин на алтаре этого бога. В таком обычае можно видеть отголоски оплакивания Осириса в Египте, которое сопровождалось нанесением себе увечий, а Осирис предполагает Аттиса, компаньона Азиатской Матери. Нет никаких оснований для сомнений в том, что Дионис был тесно связан с Кибелой. Музыкальная система, с которой было связано его почитание, являлась фригийской, Еврипид в "*Вакханках*" полностью отождествляет его обряды с обрядами Матери. Мы слышим также о мужчинах, которые маршировали в его процессиях с кимвалами и тамбуринами. Учитывая, что в Эфесе и Пессинунте служили жрецы-евнухи, что

⁴⁸ Прежде Памфилия называлась Мопсопией в честь Мопса, сына критского Ракия.

⁴⁹ Цицерон пользуется именем Либеры в отношении Прозерпины вне сомнения в связи с тесным родством между Деметрой и Дионисом.

⁵⁰ По свидетельству Павсания, основными храмами здесь являлись храмы Артемиды Эфесской, Афины Ален или Гиппии и Диониса.

Еврипид изображает женоподобным Диониса, который заставляет Пентея облачиться в женские одежды, что в других местах бог называется мужчиной и женщиной, и в дополнение к сему, что существовала легенда о принятии им женского облачения от Реи в Кибеле, существует достаточно обоснованное предположение о том, что Дионис соприкасается с культурами Великой Матери и Артемиды Эфесской. Связь эта каким-то образом ассоциируется со странной восточной идеей смещения полов. Если правильна эта интерпретация, она вероятно применима и к почитанию Ариадны, поскольку в Афинах на празднестве *Осхофорий* два переодетых в женское платье юноши исполняли хор в честь Диониса и Ариадны.

Эфесская легенда о Геракле и амазонках, вероятно, свидетельствует о связи между культурами Эфесской Артемиды и Лидийского Геракла. Этот культ Геракла нашел свое отражение в греческих преданиях как подвиг героя, совершенный им при дворе Омфалы. Сюжет приключения таков: Геракл был вынужден стать рабом этой лидийской царицы, чтобы избавиться от безумия, которым был наказан за убийство Эврита. Омфала, дочь Дардана и вдова Тмола, влюбилась в своего пленника и вышла за него замуж. Геракл отдал ей свое оружие и получил взамен женскую одежду и прялку. Его изображают сидящим среди дев и позволяющим царице бить себя сандалием за ошибки в прядении. Имена Дардана и Тмола уводят нас первое к горе Ида и на Самофракию, последнее в Лидию. Стоит отметить, что Павсаний связывает этого восточного Геракла с идейским дактилем, носившим то же самое имя. Омфала — это, по-видимому, Великая Мать, и подношение ей оружия⁵¹ указывает на то, что в Малой Азии эта богиня имела военное и полисное значение. В легенде этой, как и в той, что связывает амазонок с Дионисом, заметна такая специфическая для Азии идея смешения полов. Допуская тесную связь между восточным Гераклом и эфесскими амазонками, не кажется недопустимой и гипотеза о том, что наиболее распространенная из всех эллинских преданий об амазонках легенда, повествующая о нападении Геракла на Фемискиру, обязана своим происхождением культовой саге, типизированной в Эфесе.

Итак: существовала тесная связь между амазонками и эфесской Артемидой, разновидностью Матери, обнаруживающей крито-ликийское родство. Их значение в культе породило две местные саги, подчеркивающие восточную легенду о смешении полов.

⁵¹ Особенное внимание здесь следует обратить на боевой топор.

Глава 4. АРТЕМИДА АСТРАТЕЯ И АПОЛЛОН АМАЗОНСКИЙ

Павсаний утверждает, что существует два способа толкования названия города Пиррих, расположенного на юге Греции. Один — от Пирра, сына Ахиллеса, другой — от бога Пирриха, одного из "так называемых куретов". Кроме того, существовало местное предание, утверждавшее, что город был основан Силеном из Малей. Павсаний добавляет: люди Малей знали, что Силен также именовался Пиррихом, — однако не приводит объяснения. Свое сообщение о городе он завершает словами: "На рыночной площади есть колодец; они считают, что он дан им Силеном. Они были бы совсем лишены воды, если бы этот колодец у них иссяк. Из богов в их земле имеют святилища Артемида, именуемая Астратеей, потому что амазонки здесь прекратили свой дальнейший поход (стратею), и Аполлон Амазонский. Обе статуи деревянные и поставлены, говорят, женщинами из Фермодона".

Таким образом, единственное упоминание этих двух культовых эпитетов, предположительно имеющих огромную ценность для исследования предания об амазонках, имеет место в отрывке, который ничем не может помочь их пониманию и существует в озадачивающем контексте. Странно слышать об амазонках в Лаконии — в районе, ни в коей мере не связанном с канвой повествования о вторжении в Аттику, каким мы знаем его. Павсаний коротко намекает на то, что существовавшее в Пиррихе предание рассказывало об остановке большой армии. В этом оно отличалось от беотийского варианта, повествующего о маленьком отряде амазонок, отделенном Тесеем от отступающей рати. Здесь не указано никакой цели, будь то Афины или Трезен, на пути к которой армия остановилась в Лаконии.

Кажется вполне естественным соединить вместе имена Аполлона и Артемиды, однако ни Артемида Эфесская, с которой амазонки были тесно связаны, ни Артемида Тавропола, которую они почитали, ни в коей мере не являются подходящей компанией эллинскому Аполлону. Очевидное направление рассуждений требует признать Астратею азиатской Артемидой и, соответственно, Аполлона Амазонского фундаментально не эллинским богом.

Хотя Аполлон в первую очередь является греческим богом, во времена, предшествовавшие самой ранней эолийской колонизации, под тем же самым именем почитался другой небожитель. Единственными атрибутами этого божества, известного под эпитетом Сминфей, были лук и дар пророчества⁵². Во всей *"Илиаде"* Аполлон является союзником скорее троян, чем греков, что, безусловно, имеет значение для настоящего исследования. Цицерон упоминает трех богов, носивших имя Аполлон: сын Гефеста и Афины, сын Кориба и сын Зевса и Лето, О втором из них, как будто бы связанном с культурами, имеющими отношение к поклонению Матери, говорят, что он был рожден на Крите и боролся с самим Зевсом за обладание островом. В других местах его именуют сыном Кориба, однако это единственное упоминание о его борьбе с Зевсом. Такого Аполлона вполне уместно соединить с Артемидой типа Эфесии. Единственным намеком на ритуальную связь между ними является процитированная выше надпись, посвящающая статую "Критской Госпожи Эфесской, Светоносной" Аполлону "Исцелителю болезней, Подателю Света смертным". Вполне возможно, что Критская Владычица являлась той самой богиней, которую ликийцы почитали в виде Эфесии и которой в качестве Лхкейб Иполлит посвятил храм в Трезене. Софокл подчеркивает значение лука, как атрибута Аполлона Lukeioza, спутника Артемиды Ликийской. С этим нужно увязывать тот факт, что этот бог имел в Малой Азии три святилища-оракула — в Бранхидах, Кларусе и ликийской Патаре. Далее, пророческий дар, как и лук, оба атрибута Аполлона Сминфея можно приписать и Ликийскому Аполлону. Отсюда гипотеза: фригийско-ликийский Аполлон, близко родственник Артемиде Lukeia, ликийской разновидности Эфесии, является Аполлоном

⁵² Павсаний рассказывает о сивилле Иерофиле, считающейся второй в Дельфах. Бог, которому она служила, очевидным образом отождествлялся со Сминфеем. В некоторых эпических источниках Иерофилу именуют Артемидой, в других — женой Аполлона, в третьих — его дочерью или еще одной сестрой. Похоже, что Иерофила в какой-то мере связана с горой Ида.

Амазонским. Подобное представление примиряет два противоречащих друг другу утверждения, первое из которых принадлежит Пиндару и представляет Аполлона дружелюбным к амазонкам, второе — Макробию, заявляющему, что этот бог помогал Тесею и Гераклу в борьбе с ними. Аполлон, воспринимаемый как эллинское божество, естественным образом должен быть врагом амазонок, в то время как азиатский Аполлон обязан оказаться их покровителем. Аналогичным образом можно объяснить и кажущееся противоречие в изображении поражения амазонок на стенах храма в Бассах (Bassae).

В предыдущем абзаце предполагалось, что Артемида Астратея, являясь богиней амазонок, практически была идентична с Эфесией, и на этом предположении основывалась гипотетическая интерпретация Аполлона Амазонского. Чтобы подойти к вопросу с другой стороны, ненадолго оставим этот аргумент и обратимся к анализу значения эпитета Астратея. Фарнелл⁵³ не обсуждает понятие Амазонский, однако в эпитете Астратея видит лингвистическое искажение имени Астарты. Его теория поясняет словом *stratēia* всего лишь попытку народной этимологии объяснить слово, подлинное значение которого было уже полностью утрачено. Положение Пирриха на лаконском берегу вполне допускает иноземные влияния, способные принести с собой семитическую богиню. В связи с гипотетичностью подобного предположения, детали его не прорабатываются, и поэтому не сказано, существуют ли какие-либо другие основания, кроме простого желания соединить именно амазонок, а не какое другое войско с воображаемой *stratēia*. Роуз⁵⁴ принимает утверждение Павсания как оно есть, обращая основное внимание на слова "Артемида Ратная".

Если Астратея является "Артемидой Ратной", ее, бесспорно, следует считать вооруженной богиней. Павсаний сообщает, что в Мессении существовала статуя Артемиды, изображенной со щитом и копьем. Как свидетельствуют монеты, в Лаодикее также существовало понятие вооруженной Артемиды, и поскольку лаодикейцы утверждали, что располагают оригинальным культовым изваянием Брауронской богини, идентифицируемой как Таврическая Дева; существуют основания предполагать, что оба типа Артемиды, Брауронская и Таврическая, изображали ее как вооруженную богиню. Кроме того, Артемиде поклонялись в Агротере как покровительнице битвы, поскольку она регулярно принимала жертвы от спартанцев перед очередной войной; в Афинах Полемарх при помощи эфэбов ежегодно совершал жертвоприношения ей и Эниалию⁵⁵ в память битвы при Марафоне. В ахейской Эгире считали, что она помогла изгнать сикионцев, дав совет людям Эгиры привязать факелы к рогам стада коз, чтобы навести ужас на врага. Артемида Лафрия⁵⁶, каледонское божество, возможно, также являлась богиней войны. В первую очередь она была охотницей, и в этом отношении может напоминать фракийскую Бендиду, вошедшую в греческий пантеон под именем Артемиды. Павсаний как будто бы намекает, что Лафрия связана с Эфесией. В свой черед Эфесия и Бендида представляют собой разновидности Матери, в Азии являвшейся воинственной.

Однако ни один из этих эпитетов воинственной Артемиды не связан со словом Астратея. Ближайший эквивалент ему можно усмотреть в трех названиях Афродиты — Стратея в Миласе, Стратегис на Паросе и Стратоникис в Смирне, первый из которых удивительным образом схож с рассматриваемым нами. Среди прочих названий Артемиды Астратею напоминает только Гегемона.

Артемиду Гегемону почитали в Спарте, в Тегее, и возле Акакесия, в Аркадии. Нам не известно, чтобы ее культ в Тегее чем-либо отличался от прочих типов поклонения богине. В Спарте ее почитали наряду с Эйлейтией и Аполлоном Карнеем в святилище возле Дромоса.

⁵³ Фарнелл рассматривал возможность идентификации Артемиды и семитических богинь Астарты, Деркетто, Атаргатис.

⁵⁴ Rouse, *Greek Votive Offerings*, p. 119.

⁵⁵ Младшее военное божество, практически идентичное Аресу.

⁵⁶ Эпитет этот толкуется или как "охотница", или как "богиня дорог".

Эйлейтия, божество примитивное, почиталась с доэллинических времен и в классическое время отождествлялась с Артемидой как помощница женщин в родах. Важной чертой ее обрядов являлся факел. Аполлон Карней известен как покровитель дорийского племени. Древняя литература часто упоминает его как бога победоносного народа Лакедемона, воителя, который подобно римскому Марсу правил также стаями и стадами⁵⁷. И все же Павсаний рассказывает нам сюжет, который делает весьма вероятным существование у предшествовавшего дорийцам населения Спарты бога пророчеств, почитание которого было перенесено на эллинского Аполлона, образовав при этом тип Карнея. Автор различает человека, носившего имя Карн и Аполлона Карнейского. Первый, носивший прозвище Пкефбт, жил до прихода дорийцев в Спарте, и высоко почитался в семье прорицателя по имени Крий. В дорийское время упоминается некий прорицатель, происходивший из рода акарнян, которого убил в Спарте Гиппот. Аполлон пришел в гнев, и дорийцы изгнали преступника и покаялись в совершенном преступлении. Культурное название Аполлона Карнея было образовано от имени этого акарнянского прорицателя. Следует отметить, что в обеих легендах упоминается пророческий дар; такой факт существенным образом указывает на фригийского Аполлона. Павсаний в данном контексте рассказывает третью историю, которая непосредственно связывает Аполлона Карнея с Троей. Он говорит, что греки делали своего деревянного коня из древесины кизилового дерева (*kraneia*), срубленного в священной роще Аполлона. И как только они узнали, что бог гневается за их дерзость, они почтили его под именем Карнея. Все три легенды дают полное основание предположить: хотя Аполлона Карнейского следует считать богом дорян, он был в известной мере идентичен с богом-прорицателем Фригии и Ликии.

Вывод подкрепляется четвертым фактом, укладывающимся в тот же контекст. Цитируя Праксилла, Павсаний говорит, что этот Карн происходил с Крита, поскольку являлся сыном Европы и Зевса и был воспитан Аполлоном и Лето. Кроме того, в поддержку нашей предварительной теории свидетельствует то, что Акарнания, дом убитого в Спарте дорийцами прорицателя, являлась страной куретов, считающихся одним из доэллинических народов Греции. Их имя указывает на Крит. Следует также отметить, что многие считали Эйлейтию происходящей с Крита. Таким образом она, третья из почитавшихся в Спарте божеств, может оказаться связанной с культом Аполлона Фригийского, Ликийского и Критского. Культурная статуя, находившаяся в святилище Артемиды Гегемоны возле Акакесия, изображала богиню с факелами в руках. За этим храмом располагалось обрядовое место Деспины, Владычицы в котором Деметра почиталась как ее мать. Культурная легенда называла дочерью Деметры Артемиду, а не Лето. Поэтому возле трона Деметры находилась статуя Артемиды, изображенной в виде охотницы с колчаном, охотничьим псом и в одеянии из оленьей шкуры. В одной руке она несла факел, в другой двух змей. Поскольку доступ к святилищу осуществлялся через храм Артемиды Владычицы, и при наличии факела как атрибута, изваяние во внутреннем убранстве храма напоминало таковое располагавшееся во внешнем святилище. Отсюда кажется вероятным, что Артемида, почитавшаяся в храме Деспины, представляла собой Артемиду Гегемону. В этом храме вместе с Деметрой и Деспиной почиталась Великая Мать, и посвященные выслушивали повествования о титанах, куретах и корибантах, тесно связанных в первую очередь с оргиастическими обрядами: первые — со справлявшимися в честь Диониса, вторые и третьи — в честь Реи-Кибелы. Отсюда следует, что Артемида Гегемона принадлежала к кругу божеств, почитавшихся мистическими обычаями, подобными принятым на Крите и в Малой Азии. Мисс Гаррисон⁵⁸ называет факел выделяющейся чертой культа Артемиды Гегемоны и тесно связывает ее с Гекатой, являвшейся Φωσφορος на берегах Фракийского Босфора. Идентификация Гекаты и

⁵⁷ О Карнеях, главном празднике Спарты, пишет Геродот. Он отмечался в память дорийского завоевания, и во время торжеств весь народ пребывал при оружии и жил в шатрах. Трапеза была растительной. Моммзен отмечает удивительное его сходство с иудейским праздником Кушей (суккот).

⁵⁸ Harrison and Verrall, *Mythology and Monuments of Ancient Athens*.

Матери уже отмечалась.

Исследование Гегемоны в качестве эпитета будет неполным, если мы не упомянем об использовании этого слова еще в трех случаях: самостоятельном употреблении в качестве имени богини, как прозвание Афродиты и в виде эпитета Гермеса. В первом случае Гегемона представляет собой имя одного из божеств, которыми клялись афинские эфебы: "Будьте вы свидетелями клятвы, Агравл, Энналий, Арес, Зевс, Талло, Авксо, Гегемона". Агравл, Талло, Авксо (Прославляющая, Умножающая) и Гегемона (Руководительница) воспринимаю гея как древние божества почвы. Павсаний называет Талло (Цветение) одной из двух Гор⁵⁹, которой афиняне поклонялись вместе с Пандросос. Он видит в Авксо и Гегемоне двух Харит, издревле почитаемых в Афинах. Подтверждением преклонения Афродите Гегемоне является обнаруженный в афинском Акрополе алтарь, на котором имеется соответствующая надпись. Эпиграфические свидетельства также связывают эпитет Гегемона с Гермесом. Надпись происходит из пирейского Метроума, где почитались Атис и Мать, посему возможно, что этот Гермес в известной мере связан с азиатскими культурами.

Эпитет Гегемона можно толковать и как отмечающий воинственный характер богини. Об этом свидетельствует словосочетание "предводительница народа", прилагавшееся к Афродите в Афинах. Та Гегемона, которую призывали эфебы, как раз и может так называться. Тот факт, что Харита являлась примитивной богиней почвы, будто бы поддерживает эту теорию, поскольку ранние божества часто являлись одновременно подателями плодородия и защитниками своего народа в сражениях. Мы уже видели, что именно такое положение занимал в Спарте Аполлон Карнейский. Стоит отметить, что здесь он был связан с Артемидой Гегемонией. Подобная комбинация качеств характерна для Великой Матери и похожих на нее богинь. Уже отмечалось, что аркадский культ Артемиды Гегемоны в известной мере был тесно связан с Деспиной — богиней, обряды которой были переплетены с корибантскими поклонениями Деметре и Азиатской Матери. Кроме того, теорию подтверждает сходство между Артемидой Гегемонией и Гекатой.

Но вне зависимости от того, получила ли Артемида Гегемона свой эпитет от воинственных наклонностей или нет, она, несомненно, является богиней, чей атрибут — факел, и в таком качестве близка к тем разновидностям Артемиды, которые имели военный характер. Артемида Агротера была охотницей, как и Гегемона, находившаяся возле трона Деметры в святилище Деспины. Подобно ей, а также Артемиде из внешнего святилища, бесспорно являвшейся Артемидой Гегемонией, она была богиней, носительницей факела. Факт этот следует из повести о преследовании сикионской армии в Эгере (Аегаера). В излагаемой Псевдо-Плутархом версии церемонии жертвоприношения, которое Полемарх и эфебы совершали в память о Марафонской битве, он заменяет имя Гекаты Артемидой Агротерой, именем, данным Поллуксом. Артемида Лафрия, которая как будто напоминает Эфесию, чтилась в ахейских Патрах на ежегодном празднике огня. В ограду вокруг ее алтаря загоняли диких животных, которых потом сжигали живьем. Подобно Агротере и, по-видимому, Гегемоне, она была охотницей. Охотницей также была фракийская Бендида, тесно связанная с Гекатой и Матерью и воспринятая греками как форма Артемиды. В ее обрядах использовались факелы.

Факелы как таковые не фигурируют в эллинском поклонении Артемиде ранее V века до н. э. Позднее связь их с ее культом постепенно становится все более и более заметной. Прослеженная исторически, она приводит к оргиастическим ритуалам Фракии и Малой Азии, подобным обрядам Матери и Диониса, и взаимосвязь ее следует объяснить тенденцией видеть в Артемиде различные формы *Magna Mater*, Великой Матери. Неизбежен вывод о том, что три типа Артемиды — Агротера, Гегемона и Лафрия — приближаются к тому, который можно назвать фракийско-фригийским, близким к Гекате и аналогичным Кибеле. Три эти разновидности Артемиды имеют воинственный характер, однако невозможно с уверенностью утверждать, что каждая из них представлялась в культовых изображениях

⁵⁹ Гóра, с ударением на первом слоге, богиня времени года, вторая из Гор носила имя Карно.

вооруженной. Такое заключение можно сделать только в отношении статуи Артемиды, находившейся в Лаодикее, и того ее изваяния, которое Павсаний видел в Мессене. Мы не располагаем подробными сведениями о последней, однако можно практически не сомневаться, что первая относилась к типу, именуемому Таврической и Брауронской. Поскольку домом этого культа был Таврический Херсонес, где богиня носила имя Девы, тип этот следует классифицировать как фракийский, и поскольку он напоминает Рею-Кибелу и Артемиду Эфесскую, возможно, что правильнее будет называть его фракийско-фригийским. Таким образом, не только те формы Артемиды, которые подразумевают ее военный характер, но и те, что представляют ее вооруженной, свидетельствуют о появлении данного культа из стран, где высшим божеством являлась женщина: сразу и Мать, и Воительница. Отсюда следует, что, если Артемида Астратея является Артемидой "Ратной", она обнаруживает тесное родство с типом Матери. Иными словами, она, как и предполагалось с самого начала, очень похожа на Эфесию и Таврополу.

Остается рассмотреть вероятность того, что она представляла собой Астарту. Цицерон отмечает, что Астарта Сирийская идентифицировалась с Афродитой и что в таком качестве она выступает как жена Адониса. Здесь тип Афродиты приближается к Кибеле в Лидии и Фригии, где Аттис соответствует Адонису. Сирийская богиня Иераполиса, описанная Псевдо-Лукианом, обладает как характеристиками Артемиды, так и качествами Афродиты. В ее обрядах факел играл выдающуюся роль, как и в обрядах фракийско-фригийской Матери. Таким образом, Артемида Астарта может оказаться точным эквивалентом Воинственной Артемиды. Более того, даже если богиней Пирриха являлась Астарта, более близкая Афродите, чем Артемиде, шансы складываются в пользу теории, гласящей, что она была вооруженной, ибо культовым эпитетом Афродиты-Астарты в греческой религии было слово Урания, которую есть причины считать вооруженной Афродитой. Итак, обе гипотезы, — и представляющая Артемиду Астратею Воинственной Артемидой, и видевшая в ней Астарту, — приводят нас к выводу о том, что на изображении в Пиррихе она была представлена вооруженной.

Гипотеза о вооружении этой богини позволяет нам сделать предположение о связи с ней некоего вооруженного бога. Нетрудно представить себе эллинского Аполлона" защищающего свой народ, вдохновляющего его отвагой и нападающего на врагов наскоками, однако ни в одном из этих вариантов он не представляет собой истинно военное божество. Однако поклонение ему в Спарте в качестве Карнейского напоминает о времени, когда его считали воинствующим богом. Уже указывалось, что Карней являлся предорийским богом прорицания, которого эллины опознали как своего Аполлона. Фригийский небожитель, с которым он был, вероятно, в родстве, являлся воином, о чем свидетельствуют его лук, являющийся непременным атрибутом, и мантический дар. Неподалеку от Спарты располагалось святилище другого Аполлона, в грубой и примитивной форме представленного в виде колоссального бронзового столпа, к которому были присоединены части тела человека. Голова изваяния была покрыта шлемом, в руках оно держало копье и лук. Амиклы, селение, где располагалось это святилище, являлись одним из предорийских городов, мужественно сопротивлявшихся захватчикам, но в итоге опустошенных ими. Здесь во время Павсания еще существовало святилище Александры, называвшейся так амиклейцами и являвшейся, по их утверждению, дочерью Приама Кассандрой⁶⁰. В лаконской Левктре этой Александре были посвящены храм и статуя, там же находилась деревянная фигура Аполлона Карнейского, "сделанная по обычаю живущих в Спарте лакедемонян". Интересно, что Кассандра является прорицательницей, связанной с Троей и Аполлоном Троянским, посему естественна связь между культами ее и Карна, —

⁶⁰ Существовал спор между Микенами и Амиклами, претендовавшими на утверждение, что могила Кассандры находится в их городе. Имя Александра напоминает о троянском имени Париса. Им может быть наделена женщина-воительница или же испытывающая отвращение к замужеству. В последнем случае оно может иметь отношение к отказу Кассандры стать женой Аполлона, после чего она получила от него пророческий дар; кроме того, оно намекает на другую знаменитую историю о святотатстве Аякса.

бога, который первоначально, возможно, был идентичен пророческому Аполлону Фригийскому, Ликийскому и Критскому. Аполлон Амиклейский напоминает этого критско-азиатского Аполлона своим атрибутом в виде лука, а шлем и копье выдают его связь с Аполлоном Карнейским. Более того, поскольку в Левктре, Лаконии существовала безусловная связь между обрядами Кассандры и Аполлона Карнейского, можно сделать вывод о том, что в Амиклах она находилась в обрядовой взаимосвязи с местным богом. Отсюда следует, что Аполлон Амиклейский был в известной мере прорицателем, и этой особенностью облика напоминает предорийского Карна. Праздник *Гиацинтий*⁶¹, принадлежавший к амиклейскому культу, приносил временную свободу рабам окружающего Спарту региона и являлся большой радостью для простого люда. Поэтому кажется вероятным, что подобное торжество было частью религии низших слоев населения, то есть покоренных аборигенов. В своем мистическом представлении процессов жизни и смерти оно намекало на то, что было установлено в честь хтонического божества плодородия. Местные легенды вне сомнения рассказывают о времени, предшествовавшем дорийскому вторжению, когда Амиклы были влиятельным центром. Поэтому можно предположить, что почитание Аполлона Амиклейского было установлено доисторическим или "микенским" населением Лаконии. Их цивилизация, явленная нам в обладающих художественными достоинствами руинах Вафио и в мифе о царском доме Менелая, была однозначно "минойской". Главными доказательствами в споре является то, что Аполлон Амиклейский был изображен не в эллинском стиле, что он воспринимался, подобно Карну, как воин и бог плодородия и что в общих своих характеристиках он как будто бы соответствовал прорицателю-лучнику, чтившемуся в Азии и на Крите.

Итак, различные направления размышлений сходятся на предположении, что божества, поклонение которым амазонки, как утверждают, учредили в Пиррихе, представляли собой воительницу и воителя. Первая кажется нам находящейся в родстве с Кибелой, Таврской Девой, Эфесской Артемидой и прочими богинями, принадлежавшими к тому же типу: второй — богу, которого почитали те же предшествовавшие эллинам народы, которые выработали или сохранили обряды Матери. Этот бог представляет собой мужское божество битвы и плодородия, первоначально имевшее второстепенное значение при женском начале. Принадлежащий ему пророческий дар хорошо соответствует тому шуму, который сопровождал поклонению Матери в исторические времена, и тем чувством одержания божественной силой, которое нисходило на ее почитателей. Как ясно показывает Эсхил в характере Кассандры, искусство пророчества представляет собой божественное безумие. И безумие это являлось характерной чертой всех оргиастических культов.

Имея в виду то, что Артемида Астратея и Аполлон Амазонский являются богами народа, жившего в Лаконии до эллинов, важно внимательно проанализировать то краткое сообщение, которое оставил нам о Пиррихе Павсаний. Город, как утверждают, был назван в честь Пирра, или Пирриха, причем последний являлся богом куретов. Вполне естественно, что эпическое повествование о спартанском доме Менелая было популярно по всей Лаконии. Поэтому рассказ о поездке Пирра, предпринятой для вступления в брак с Гермией, связывался с Пиррихом, а также со Скирой, расположенной неподалеку на реке. Павсаний, впрочем, более доверяет другой повести о появлении названия города.

Предположение о том, что Пиррих являлся богом так называемых куретов, свидетельствует о восприятии их здесь как примитивного племени. Единственным регионом Греции, с которым можно уверенно связать ранний народ, носящий подобное имя, является область, расположенная к северу от коринфского залива. Аполлодор утверждает, что прежде Этолия, рассматриваемая как тракт, протянувшийся от Эвена (Evenus) до Ахелоя, называлась

⁶¹ В лаконском мифе Гиацинт является сыном Амикла, одного из автохтонных царей Спарты, становится любимцем Аполлона и случайно погибает от руки этого бога. Легенда обнаруживает черты сходства с мифами об Агдистисе и Аттисе, Афродите и Адонисе. Саламинская легенда связывает Гиацинта со смертью Аякса.

Куретией, а Павсаний говорит, что куреты были первыми обитателями Акарнании⁶². В легенде о Мелеагре, какой она сохранилась в Илиаде, куреты представлены осаждающими Калидон, город этолян. Ссора началась из-за распределения трофеев знаменитой охоты на вепря. Смерть Мелеагра, отдающего свою жизнь за родной город, объясняется в гомеровской версии молитвами его матери Алтеи (Althaea). Она возопила к Аиду и Персефоне, чтобы те погубили его, покарвав за смерть ее брата, князя куретов. Павсаний цитирует *"Великие Эои"* Гесиода и *"Миниаду"* как источник утверждения, что он был убит Аполлоном, покровителем куретов, защищавшим их от этолян. Рассказанная Гомером повесть намекает на то, что Аполлон был настроен недружелюбно к калидонянам. Это видно в настроении Идаса; он попытался застрелить Аполлона, изнасиловавшего его жену Марпессу. От Идаса она была матерью Клеопатры, жены Мелеагра. Легенды о героях обнаруживают многочисленные связи между этим регионом Акарнании и Этолии с Мессенией и Лаконией. Мессенские Идас и Линкей, а также их лаконские кузены и соперники Кастор и Полидевк были союзниками в Калидонской Охоте, в которой куреты и этоляне выступали на одной стороне. Идас был связан с домом Калидона через брак с Марпессой. Фестий, брат отца Марпессы и царь Плеврона, города куретов, выдал свою дочь Алтею за Ойнея (Oeneus) из Калидона, а другую дочь Леду за спартанца Тиндарея. Таким образом, Диоскуры, дети Леды, находились в родстве с куретами из Северной Греции. Эти генеалогии свидетельствовали, конечно, о расовом родстве между предорийским населением Лаконии и Мессении и ранними жителями Акарнании и Этолии. В доисторические времена Мессения и Лакония явно представляли собой одну страну. Основателем ее являлся Лелег, известный здесь в качестве автохтона, и называлась она Лелегией. Диоскуры с древних времен почитались и в Мессении и в Лаконии в качестве великих богов, и в таком виде их легко спутать с кабирами и идейскими дактилями. Таким образом, ход наших рассуждений приводит к мысли о связи, существовавшей между народом, именованным куретами, и племенами, издревле исповавшими оргиастическое почитание Матери, поэтому вполне естественно, что вооруженные танцоры, служившие критской Рее, должны были носить имя куретов. Упоминание лелегов в Лаконии и Мессении устанавливает их прямую связь с доисторической "эгейской" цивилизацией, являвшейся ответвлением "минойской", а также с ранними племенами, основавшими святилище Эфесской Артемиде.

Аналогичным образом следует использовать утверждение Пиндара о том, что имя Пирриха, бога этих куретов, было вторым именем Силена. Самые старинные и устойчивые легенды связывают Силена с областью возле Меандра во Фригии. Силен неразрывно связан с обрядами Диониса, тесно соседствовавшего с культом Матери. Кабирические мистерии, вероятно, соединяли культ одного из вариантов Матери с почитанием Диониса, откуда возникла повесть о том, что Дионис был сыном Кабира. Диоскуры, Кабиры, Анаки (Anaces), дактили в известном смысле представляют собой одно и то же. Поэтому мы можем видеть в Пиррихе предорийского или "лелегского" члена кружка божеств, главным среди которых была Мать. Возможно, он представлял собой сразу кабира, дактиля и вооруженного танцора. О последнем свидетельствует не только его место среди куретов, но также и тот факт, что его имя носил знаменитый в Спарте танец.

Исследование лаконских куретов дает свидетельства, согласующиеся с теми, что принесли нам уже приведенные рассуждения. Предшественники эллинов в Лаконии, похоже, были в родстве с населением Акарнании, в которой покровителем куретов был Аполлон и которая служила первородиной прорицателя Карна. Они также обнаруживают связь с народом, почитавшим Мать в облике, близком к богине Эфеса. Посему следует заключить, что Артемиде Астратея представляла собой вариант Эфесии, а Аполлон Амазонский был лучником и прорицателем. Их почитали вместе в Эфесе, в рамках культа, принадлежавшего фригийцам, ликийцам, критянам и населению Греции, предшествовавшему эллинам.

⁶² Интересно рассмотреть в этой связи предположение о том, что кабиры являлись древними жителями Беотии.

Глава 5. АРЕС

Легенда об амазонках была укоренена в Афинах не поверхностно. Это доказывалось тем фактом, что она находила выражение в культовой практике в качестве одного из самых больших государственных праздников. Перед Тесеями афиняне ежегодно приносили жертвоприношения амазонкам, таким образом отмечая победу Тесея над женщинами. Решительная битва, как утверждалось, произошла в день, отмеченный жертвоприношением Боздромий. Плутарх обосновывает свою веру в реальность вторжения в Аттику тремя факторами: названиями мест Амазониум и Горкомосиум; наличием гробниц павших; ежегодным жертвоприношением амазонкам.

По общему мнению древних авторов, амазонки сделали Ареопаг базой своих операций, устроив военный лагерь на месте, впредь получившем название Амазониум. Эсхил производит название этого холма от того, что на нем амазонки возносили частые жертвоприношения Аресу, занимая как противостоящую Акрополю цитадель. Утверждение это интересно двумя фактами, как будто бы делающими Ареса покровителем Тесея, а не амазонок: Плутарх, цитируя Клидема, говорит, что прежде, чем вступить в решительную битву с амазонками, Тесей совершил жертвоприношение Фобосу, сыну Ареса, и потому выиграл битву; трезенское предание утверждает, что Тесей отметил свою победу над амазонками тем, что посвятил Аресу храм, находившийся возле входа в Генетлиум.

Все это делает невозможным точное определение отношения этого бога к амазонкам в предании о вторжении в Грецию. Можно сказать только то, что имя его упоминается в обоих изложениях саги о Тесее и Амазонках — аттическом и трезенском. Следует добавить, что предание это отмечено знаками седой древности. Здесь Тесей не является захватчиком, каким он, бесспорно, был в легенде о взятии Фемискиры, не занимает он и места Геракла. Предание в основном повествует о самом Тесее, великом герое обоих городов-государств. И если в первом оно связано с ритуальными действиями, то в последнем освящено связью с Генетлиумом, якобы являвшимся местом рождения Тесея. Более того, на повествовании об амазонках в Трезене основана повесть об Ипполите, гробница которого гарантировала безопасность нации.

Аттические предания о Тесее в основном касались его приключений на Крите. Оглядываясь на них, афиняне праздновали Осхофории, Пианепсии и Тесей. Ариадна, как уже отмечалось, вероятно, являлась критской богиней, почитание которой в Афинах было связано с обрядами Осхофорий, когда двое переодетых девушками юношей возглавляли девичий хор. Отсюда следует, что с этим праздником была соотнесена восточная идея смешения обоих полов. Поэтому кажется, что учрежденные Тесеем обряды отражают анатолийское поклонение Кибеле. И только благодаря общепринятой сдержанности эллинских традиций восточное влияние, проявившееся в культах Кибелы, Эфесской Артемиды и Сирийской Богини, обозначило себя в Афинах в приятной маске. Имя Тесея также связывает Трезен с Критом. Федра — жена, с которой он жил в Трезене, — известна как губительница сына амазонки Ипполита и как еще одна царевна из дома Миноса. Таким образом, в своем двойственном аспекте предание о Тесее предполагает то время, когда доминировал "минойский" Крит. Может оказаться, что связь легенды об амазонках с повестью о Тесее объясняется подобным источником. В таком случае Арес, как божество не пользовавшийся особенной популярностью в Греции, мог по причине своей принадлежности к саге о Тесее и амазонках иметь отношение к культу Афродиты-Ариадны. Это подразумевается в отрывке из Олена, который Павсаний вставляет в описание своего посещения святилища Гебы во Флиунте. Олен связывает Ареса с Гебой, называя его ее братом, рожденным от Геры. Древность ее святилища во Флиунте доказывается, прежде всего, тем фактом, что почитание ее там являлось аниконическим в самом строгом смысле этого слова. Ежегодный праздник в честь Гебы носил название "Срезания Плюща", намекая тем самым на Диониса и даже на щиты амазонок, имевшие форму плюща. Из других источников следует, что богиня эта была сродни Афродите-Ариадне. Павсаний говорит, что

имя Геба заменило более древнее — Ганимеда. Здесь мы вновь видим напоминание о троянском юнце, захваченном на небо Зевсом. Женская форма имени подразумевает переход свойств от одного пола другому. Возможно, она действительно принадлежит фригийской легенде.

Поиск параллелей к связи между Аресом и амазонками, о которой упоминает Эсхил, первым же делом приводит нас к удивительному изображению Ареса Гинекофойна (Угощающего женщин), находившемуся на рыночной площади Тегеи. Изваяние толковалось как священный дар отряда тегейских женщин, сумевших одержать победу над спартанцами при царе Харилле. После установления мира женщины учредили праздник в честь Ареса. Поскольку мужчинам было запрещено участвовать и в жертвоприношении и в священном пиршестве, бог этот носил имя "Угощающего женщин". Интересно обнаружить подобные слухи в аркадской Тегее, доме Аталанты, особы очень похожей на амазонку. При этом стоит иметь в виду, что именно Аталанта завоевала трофеи в Калидонской охоте, происходившей в стране этолян и куретов, родни доисторического Пирриха. А Марпесса, предводительница женщин, почитавших Ареса, посвятила свой щит тегейскому храму Афины Алей, где хоронились эти трофеи.

В непосредственной близости от Тегеи находилось святилище Ареса Афнея (Изобильного). Оно располагалось на горе, носящей имя Кресий, подразумевающее поклонение Критскому Дионису. Эпитет бога объясняется здесь преданием, согласно которому Арес позволил своему сыну Аэропу сосать молоко из груди матери уже после ее смерти. Мать, носившая имя Аэропа, внучка Алея, находилась в родстве с Аталантой. Время жизни ее ребенка от Ареса относилось к поколению, предшествовавшему дорийскому вторжению.

Повсюду в Аркадии — в Мегалополисе и возле Акакесия — существовали памятники, свидетельствовавшие о раннем поклонении Аресу в этом регионе. С этим фактом следует сопоставить утверждение Арнобия, слышавшего легенду о том, что Арес провел в Аркадии тринадцать месяцев в рабстве. Общее толкование всех свидетельств указывает на то, что культ Ареса Угощающего женщин возник в крайне древние времена.

В Греции существовали еще две легенды о пребывании вооруженных женщин, локализованные подобно истории о тегейках на Пелопоннесе. Находившееся в Аргосе изваяние Ареса считалось посвященным даром одержавшего победу над спартанцами отряда женщин во главе с поэтессой Телесиллой. Другая легенда относится к самой Спарте. Здесь женщины запечатлели свою победу над мессенцами, основав храм Афродиты Арей. Самая очевидная интерпретация его требует производить этот эпитет от Ареса и толковать его как "Воинственная". Он использовался в отношении Афины в трех союзных клятвах, предполагающих непримиримый характер богини. Афиняне построили в Платеях храм Афины Арей, воспользовавшись добытыми при Марафоне трофеями. После оправдания ареопагом, как говорят, Орест посвятил алтарь Афине Арсе. Этот эпитет явным образом связан с наименованием холма, на котором располагался суд и который сами греки — как бы ни ошибались они в своей этимологии — вне сомнения связывали с Аресом. Подобное использование эпитета подкрепляет предположение о том, что он являлся производным от имени Ареса. Можно возразить, что Афродита Арея представляла собой разновидность богини, считавшейся хранительницей государства. В этом своем аспекте она куда чаще почиталась в Спарте, чем в остальных областях Греции. Скорее всего, ее и изображали вооруженной. Таким образом, полисной богиней Спарты являлась восточная Афродита, именуемая Уранией. Стоит подробнее исследовать тот факт, что одна из групп вооруженных женщин особо почитала Ареса, а другая — Афродиту Арею. То, что оба божества оказались в известной мере связанными, может указывать на нечто общее между Аресом и анатолийским культом воинственной Матери, которую почитали амазонки.

Соотношение между Аресом и Воинственной Афродитой не кажется нам слабым. В Фивах совместный культ обоих божеств как супружеской пары был установлен достаточно рано; утверждали, что от этого союза пошло семейство Кадма и, следовательно, Диониса.

Через брак с Гармонией, дочерью Ареса и Афродиты, Кадм получил престол и, воспользовавшись зубами священного змея Ареса, вырастил свой знаменитый урожай воинов. Объединенный культ Ареса и Афродиты, по мнению Тумпеля⁶³, мог возникнуть в Фивах и уже из этого города распространиться по всей Греции, достигнув высшего развития в Аттике и Аркадии. Автор считал, что женское божество в этой паре представляло собой восточную Уранию, но достаточно странным образом не мог поверить тому, что она возникла в качестве вооруженной богини в тех же Фивах в еще более ранние времена.

В Лаконии, где Воинствующая Афродита, или Урания, почиталась особо, культ Ареса имел более достойный характер и явным образом был древнее, чем в других областях Греции. Говорили, что Эпихарм считал этого бога спартанским. Под именем Эниалия его почитали спартанские эфебы. Каждый из двух отрядов, на которые были разделены юноши, приносил ему в жертву щенка, исполняя этот обряд ночью в Фебеуме возле Ферапне. Весь обряд несет на себе отпечаток первобытных времен. Наиболее удивительной его деталью является жертвоприношение псов, которому Павсаний не знает другого примера, кроме жертвоприношения Энодии или Гекате в Колофоне. Впрочем, существуют и другие примеры подобной практики⁶⁴, которые указывают на то, что этот обряд связан с Гекатой. Арес почитался под его собственным именем в Терапне — в храме, который Павсаний называет одним из самых ранних в регионе. Храмовая легенда гласила, что почитаемый кумир был привезен из Колхиды Диоскурами. Бог имел здесь странный эпитет — Теритас, явным образом произведенный от имени его няни Тиро. Подобная этимология настолько не удовлетворила Павсания, что он предположил: слово это было вывезено из Колхиды и потому не поддавалось осмыслению греками. Вполне разумна гипотеза Вайда⁶⁵, считавшего, что культ имеет беотийское происхождение. Мнение основано на существовании слов, родственных эпитету Теритас. Тем не менее культ может оказаться весьма ранним и местным, поскольку, как показали раскопки, Терапне безусловно был крупным населенным пунктом в преддорийское время. Особыми почестями отмечались здесь Диоскуры, а Елена почиталась с прежних времен как богиня природы. Павсанию говорили, что город получил свое имя в честь дочери Ле-лега. Отсюда вполне можно предположить, что культ Ареса Теритаса имел лелегскую принадлежность. Храм его являлся одним из самых старых в регионе, где было особенно сильным влияние преддорийского населения. Установившие этот культ люди, таким образом, должны были находиться в родстве с куретами Этолии и Акарнании. В пользу теории свидетельствует связь с Диоскурами.

Существует еще два примера почитания Ареса в Лаконии. В качестве Эниалия ему была поставлена статуя в Спарте возле *Дромоса*, изображавшая его в оковах. В *Древней Деревне*, небольшом селении, находившемся возле Геронто, располагались его священная роща и храм. Здесь проводился ежегодный праздник, к участию в котором не допускались женщины.

В целом, без особого риска ошибиться, можно заключить, что в Лаконии Ареса почитали в ранние времена. Культ его, возможно, являлся природным среди предшествовавшего дорийцам населения, или же был занесен из Беотии, где его почитали вместе с Афродитой. Возможно, Скованный Арес из Спарты связан со Скованной Афродитой, находившейся в том же городе. Оба типа могли породить предание, подобное аркадскому о рабстве Ареса, и "песня Демодока" в Одиссее могла быть связанной с подобным мифом. Легенды о существовании вооруженных женщин в Тегее и Спарте соотносят аркадийского Ареса с Афродитой Ареей из Спарты.

Следов почитания Ареса в Греции осталось немного. Мифические генеалогии северной части страны связывают его с минойскими Орхоменами, минойской Фессалией, Куретидой и

⁶³ Tumpel. *Ares und Aphrodite*.

⁶⁴ Rouse. *Greek Votive Offerings*.

⁶⁵ S.Wide. *Lakonische Kulte*.

Этолией, а также упомянутыми Фивами. В Афинах утверждали, что он являлся отцом Алкиппа от Аглавры, примитивной богини. Генеалогические легенды Пелопоннеса связывали его с Тегеей в Элиде и Тритеей в Ахαιе. Нельзя придавать сколько-нибудь значительный вес подобным мифам, не поддержанным последующими свидетельствами, поскольку среди греческих авторов всех времен существовало стремление видеть в каждом знаменитом воине героического века сына Ареса. Подобное утверждение относится также к таким воинственным племенам, как флегии, упомянутые Гомером и другими поэтами.

Наше исследование почитания Ареса в Греции дает два важных результата: во-первых, оно свидетельствует о том, что этот бог возносился примитивными временами, и, во-вторых, указывает на связь между ранним восхвалением Ареса и восточной Афродиты в Фивах, а в свидетельствах аналогичной связи в Аркадии и Лаконии угадывается намек на контакты с амазонками, почитавшими богиню, похожую на эту Афродиту. Отсюда возникает вопрос о возможности определения того периода, в котором соединенный культ возник в греческих землях.

Фарнелл считает, что восточную богиню занесли в Фивы с востока "кадмейцы", в то время как Арес являлся древним богом этой земли. Он предполагает наличие "фиктивного брака", который соединил культ богини с древними верованиями края. Такие легендарные подробности, как враждебность, проявленная Кадмом по отношению к священному змею Ареса, и гнев бога, направленный против героя, подкрепляют эту теорию. Кадм, похоже, поздно появился в этих краях, потому что его имя не упоминается в Гомеровых поэмах, где основателями Фив названы Амфион и Цетос. Кажется также, что в Элиде вариант поклонения Восточной Афродите сочетался с местным культом Арея. Здесь свидетельством почитания Ареса является не только генеалогический миф: доказательством его служит также алтарь этого бога, находившийся возле стадиона в Олимпии. Предание указывает на то, что Пелопс был женат на Гипподамии, внучке Арея. Гезихий идентифицирует его с Афродитой, а Пелопс, подобно Кадму, воспринимался как пришелец с востока. Параллель эту практически можно считать точной. В случае Пелопса легенды, связывающие его с Лидией и Пафлагонией, более правдоподобно интерпретируются как память о поселении эллинов в Малой Азии, чем о пребывании азиатской колонии возле Олимпии. Поэтому культ Афродиты Гипподамии кажется скорее попавшим в Элиду через религиозное влияние оттекавшего на восток потока эмигрантов. Таким образом, элейская параллель подкрепляет мнение Фарнелла. Тем не менее аттический миф о Тесее подкрепляет противоположную точку зрения. Эта сага, безусловно, сохранила память о доминирующей роли Крита в Эгейском регионе. Таким образом, Афродита-Ариадна, вероятно, принадлежала к доэллиническому населению Аттики. В качестве гипотезы можно заявить, что в очень ранние времена Ареса также почитали и в Афинах. Свидетельствами сего являются его связь с Аглаврой, похоже, первобытной богиней; обращение к Аресу и Эниалию в клятве эфеба, которая связывает этого бога с Аглаврой, аттическими Харитами и Гегемоной; хорошо развитый культ Ареса в V веке у подножия Ареопага. Особую ценность представляет собой связь с Гегемоной, если только этот эпитет принадлежит Афродите и Артемиде, аналогичной Астратсе.

Пока единственная дошедшая до нас информация о почитании Ареса амазонками исходит из Афин. И в этой связи уместно уделить непосредственное внимание преданию о Восточной Афродите. Однако мы не имеем прямого указания на то, что она была связана с Аресом в присущем ему качестве покровителя амазонок. Решение проблемы, возможно, удастся найти в древней связи, соединяющей Ареса и Энио. Богиня Энио была вполне очевидным образом отождествлена с вооруженной каппадокийской богиней, носившей имя Ма. Последняя, в свой черед, идентифицировалась с Кибелой как Матерью Богов. Афродита-Ариадна и Вооруженная Афродита в известной мере представляют собой формы Матери. Приравнивая друг к другу оба типа богинь, получаем, что Афродита становится идентичной Энио, спутнице Ареса.

Можно собрать воедино существующие свидетельства связи между Аресом и амазонками. (1) Эсхил упоминает их привычное поклонение этому богу во время осады Афин; (2) Плутарх пишет, что в то же самое время Тесея приносил жертву Фобосу, сыну Арея; (3) Павсаний видит в храме Ареса в Трезене трофей победы Тесея над амазонками; (4) в нескольких местах усматривается связь между Аресом и Афродитой и аналогичная связь между Аресом и Энио, причем обе богини идентифицируются с Матерью, которую почитали амазонки, а также ряд не слишком очевидных признаков принадлежности этого бога к обрядовой системе Матери; (5) существуют веские основания предполагать в Аресе раннего, доэллинского бога. Накопленные свидетельства указывают скорее на косвенную, чем на прямую связь между Аресом и амазонками. Однако к перечисленным признакам можно добавить удивительный факт. Где бы ни располагались погребения амазонок в Греции — в Афинах.

Трезене, Мегаре, беотийской Херонее, эвбейской Халкиде или в Фессалии — в каждом из этих районов имеются признаки существования культа Ареса в ранние времена.

Существует еще два комплекса упоминаний о культе Ареса применительно к амазонкам. Первым из них является группа древних именовании амазонок детьми Арея. Еврипид называет их *Areiāz koraz*⁶⁶, и слова эти отразились в латинском эпитете *Mavortia*, приложенном к одной из них. Термин этот не имеет особого значения с точки зрения культового отношения к Аресу, он бесцветен как обычные эпитеты, прилагаемые в эпосе к воинам, однако в других местах амазонки рассматриваются в качестве подлинных дочерей бога. Обыкновенная генеалогия этого племени делает амазонок детьми Ареса и Гармонии, в то время как прямым потомком этой пары называется Отрера (*Otrere*). Имя Гармонии легко отождествить с Аресом, поскольку в Фиванских легендах она фигурирует в качестве его дочери. Поэтому в матери племени хочется видеть богиню Афродиту. Однако невозможно слепо следовать сюжету. Связь между ними стереотипная, сочиненная логографами. Более того, имя матери не всегда остается Гармонией. Иногда она именуется Арменией, из чего можно заключить, что выбор названия был обусловлен географическими соображениями и форму Гармонии оно приобрело по ошибке. Арктиний называет Пентесилею фракийкой и дочерью Ареса. Возможно, само утверждение о том, что все это женское племя являлось рожденным Аресом, было порождено или этим предположением или какой-нибудь другой поэмой Цикла. Если бы амазонки не являлись откровенными воительницами, и если бы именование отряда таковых женщин дочерьми бога войны не являлось столь откровенной фигурой речи, было бы много легче судить, являются ли эти утверждения чисто поэтическими или же передают точку зрения генеалогов.

Более ценным представляется упоминание Фракии. Геродот свидетельствует о том, что культ Ареса играл там важную роль, заявляя, что фракийцы почитали трех богов — Арея, Диониса и Артемиду. Как уже было сказано, жертвоприношение собак в спартанском ритуале поклонения Эниалию находит единственную параллель в обрядах фракийской Гекаты. Многие из современных специалистов полагают, что культ Ареса имел фракийское происхождение. Обряды Диониса, с которым он находился в родстве, также принадлежали к оргиастическим церемониям Фригии. В общем, как уже отмечалось, существует удивительная аналогия между обрядовой практикой Фригии и Фракии. Это объясняется в первую очередь почитанием Матери. Стоит отметить, что обряд жертвоприношения собак, — заметная и трудно понимаемая особенность поклонения Аресу и также Гекате — принадлежал к карийскому почитанию бога. Следует добавить, что в карийской Латине оргиастический культ Гекаты отличался особенностями, характерными для культа Кибелы в Пессинунте и Артемиды в Эфесе. Таким образом, все свидетельствует о том, что почитание Ареса следует воспринимать как фракийско-фригийскую традицию, связанную с поклонением Матери. Отсюда следует, что доэллинский Арес материковой Греции представлял собой бога народа, доисторическая культура которого была близка к минойской.

⁶⁶ Девы Ареса, греч.

Аполлоний Родосский представляет амазонок, занятых совершением ритуала столь же странного, как и жертвоприношение псов, характерное для Фракии и Карики. Он повествует о том, что они совершили жертвоприношение коней в храме Арея, расположенном в Понте на "острове Арея". Неявный намек на это был сохранен автором Схолий в строчке из аристофановской Лисистраты. Предание не упоминает божество по имени; оно просто комментирует легенду, повествующую о жертвоприношении коней амазонками. Нигде более, кроме этого отрывка из Аполлония, не упоминается о подобном почитании Ареса. Возможно, что даже в храме его обряд совершался скорее в качестве почитания Кибелы в бетилической форме, чем в акте поклонения Аресу. Объект жертвы редок среди греков и принадлежит Аполлону, Гелиосу, богам ветра и особенно Посейдону. Возможно, что слова Аполлония надлежит толковать как указание на связь между культами Арея и Посейдона Гиппия. В Трезене храм Ареса предварял Генетлиум, вероятно, являвшийся святилищем Посейдона; в Афинах рассказывали повесть об убийстве Галирротия (Halirrhothius), сына Посейдона; в Олимпии алтарь Ареса был посвящен Аресу Гиппию, Конному. Культ Посейдона Гиппия в Афинах был некоторым образом связан с почитанием доионических Семний или Эвменид, как в Колонос Гиппиус, так и на Ареопаге. Возможно, что трезенская легенда о смерти Ипполита предполагает взаимную ревность между Аресом, божеством амазонок, и Посейдоном, считавшимся отцом Тесея. Ритуальное жертвоприношение коня среди амазонок могло лечь в основу предания о том, что они являлись искусными всадницами.

Жертва коня Аресу зафиксирована в качестве обряда у скифов — народа, явно связывавшего это животное с погребальными жертвоприношениями.

Наилучший пример подобной жертвы в обрядах бога войны сохранился в Риме, где 15 октября на Марсовом Поле ежегодно совершались скачки парных запряжек, после чего одного из коней победившей пары приносили в жертву Марсу, а его кровью окропляли алтарь Регики. Возможно, кровь этого животного впоследствии смешивалась с ингредиентами священных пирожков. Обряд этот явным образом почитал Марса как божество плодородия. Первые римляне вне сомнения поклонялись ему не только как воину, но и как покровителю достатка.

В таком случае поэтическая легенда о жертвоприношении амазонками коней Арею представляет этого бога в весьма примитивном аспекте хтонического божества плодородия. Как воин и податель приплода он напоминает Аполлона Карнейского. Схолия предоставляет нам информацию, подкрепляющую предположение о том, что в своей примитивной форме он являлся богом природы. Она рассказывает о полузабытом обычае, предусматривавшем, чтобы во время войны знак к атаке давали жрецы Ареса, носившие название *ригојогоі*, — носители огня, бросавшие зажженные факелы между двумя армиями. Это напоминает нам оргиастические культы Фракии и Фригии, в которых факел играл видную роль. Этот предмет также был свойствен обрядам огненного почитания Марса в первые века существования Рима.

Даже в древние времена существовали противоречивые точки зрения относительно источника происхождения культа Ареса. Общее мнение было склонно видеть в нем древнего бога фракийцев, — племен, населявших Грецию прежде эллинов, — и народов, почитавших Матерь в Малой Азии и на Крите.

В качестве бога амазонок он как будто бы не имеет такого значения, как Матерь. Сведения о связи его с воительницами редки и отрывочны. Наилучшие из них, вне сомнения, предоставляют сохранившиеся саги о Тесее и амазонках, в которых фигурирует Арес, хотя точное положение его определить достаточно сложно. Предание это имеет особую важность в связи с его аналогией эфесскому повествованию о Геракле и Дионисе.

Глава 6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Амазонки поклонялись Кибеле, Артемиде под эпитетами Эфесия, Тавропола, Ликей и Астратея, Аполлону, носившему имя Амазонского и Аресу. Удивительной чертой этого списка является его однородность. Это отнюдь не случайное совпадение, поскольку в данном обзоре процитированы сообщения многочисленных авторов, к тому же отстоящих друг от друга на многие поколения. Перечень этот представляет классическое мнение как греческих, так и латинских источников о природе богов, которым предположительно служили амазонки. Следует заключить, что женщины эти были связаны с культурами примитивных божеств плодородия и войны, среди которых главную роль играло Женское начало, и поклонение богине требовало оргиастических обрядов. В классические времена подобные культы классифицировались как фракийско-фригийские и были связаны с народами, унаследовавшими сразу кровь и духовные традиции великой предисторической цивилизации Эгейского бассейна, блестящим центром которой являлся, наверное, Крит.

Среди относящихся к амазонкам теорий наибольшее доверие вызывают три следующих: (1) предание это несет в себе память о набегах воинственных женщин, принадлежавших к киммерийскому и родственным ему народам, которые в ранние времена силой проложили себе путь в Малую Азию с севера; (2) амазонки первоначально являлись воительницами-жрицами, или иеродулами, хеттско-каппадокийской Ма, и что хетты передали легенды о них народам Ликии, Лидии и прилегающих земель; (3) предание об амазонках основывается на глубоко укоренившемся среди греков ошибочном мнении: отсутствие бороды надежным образом свидетельствует о принадлежности не имеющего волос на лице человека к женскому полу, — что помешало им признать мужчинами воинов некоего народа, в древние времена враждебного племенам Малой Азии. На первую среди них следует возразить — вне зависимости от свидетельств, предоставляющихся связанными с амазонками культурами — что хотя Геродот и Эсхил помещают этот народ к северу от Эвксинского Понта, самые старинные, доступные грекам сведения Гомеровских поэм видят его находящимся возле Ликии и Фригии. В этом регионе предание это глубоко уходит своими корнями в почву, о чем свидетельствуют легенды многих городов, считающих амазонок своими основательницами. На второй пункт следует ответить, что имя Ма нигде не называется в прямой связи с амазонками, хотя эта богиня в общем похожа на те женские божества, которые они почитали. Более того, среди сведений об обрядах ее не содержится упоминаний о вооруженных иеродулах. Потом, свидетельство, придающее хеттскому царству великое значение и влияние, не кажется надежно обоснованным⁶⁷. Наибольший интерес вызывает последняя теория — благодаря своей новизне и отваге, а, кроме того, потому что привлекает внимание к некоторым любопытным фактам, обычно остающимся вне поля зрения антропологов. Тем не менее она слишком легковесна, чтобы оправдать устойчивую традицию, видящую в амазонках вооруженных женщин.

Предание это, интерпретированное в свете свидетельств, предоставленных культурами, которые амазонки предположительно могли практиковать, похоже возникло среди народа, создавшего предисторическую цивилизацию Эгеиды. Ее законченным продуктом, очевидно, стала минойская культура. Воинственный характер амазонок отражает нрав той Женщины, которую они почитали. Подобно малоазиатской Богине Воительнице они пользуются боевым топором, чем тесно связаны с религией предисторического Крита, значимым символом которой он являлся. Их другое оружие, лук, также имеет критское происхождение. Он слыл атрибутом Азиатско-критского Аполлона, которого они будто бы почитали. Временем их существования является ранний матриархат, оставивший свои следы в Кари и Ликии. В самой Греции, даже в Лаконии, — регионе, попавшем под власть самых свирепых из эллинских захватчиков, женщины пользовались необычной для того времени свободой. Существовали даже рассказы о том, что они с оружием в руках выступали на защиту

⁶⁷ Последующие исследования не подтвердили эту точку зрения.

отечества. Аналогичные истории происходили в Аргосе, в Аркадии, и в Олимпийском Гереуме, где в честь Гипподамии проводились забеги девушек. Все это вне сомнения свидетельствует о пережитках матриархата среди доэллинического населения Греции. Они во многом совместимы с преданиями об амазонках. Легенда об Аталанте предлагает нам более интересную параллель этой темы. Ее мрачная сторона, подчеркивавшаяся греками в прежние времена, отражена в повести о лемносских женщинах, перебивших своих мужей. Они были детьми Мирины и потомками Диониса. Энергия этой древней матриархальной организации проявляется в идее смешения полов, свойственной в исторические времена культам Кибелы и Артемиды Эфесской. Мысль эта играет видную роль в легендах об амазонках, в той части, где затронута религия. В Эфесе они были связаны с Дионисом и Гераклом, которым приписывалась женственность характера. Их место в государственном культе Афин имеет подобное значение.

Итак, мы вполне можем поверить, что предание об амазонках сохранило память о тех временах, когда женщины занимали более важное место в государственной жизни и религии Эгейских земель, и что в нем отражена память о богине той цивилизации. Стоит отметить, что самые ранние греческие источники показывают амазонок, обитающими в той части Малой Азии, где обряды Матери с самых древних времен угрожали рассудку ее почитателей. Следовавшие за Дионисом менады были подобны Амазонкам, однако ключ к их родству быстро потерялся. Связь амазонок с анатолийскими культами была практически забыта, в то время как менады, вошедшие в греческую религиозную практику по прошествии ряда поколений, изменили прежней форме своего оргиастического почитания. Более того, божество их, прежде являвшееся всего лишь паредром Женщины, сделалось Олимпийским богом.

Греческие путешественники в эпоху Геродота естественным образом считали, что обнаружили амазонок в тех регионах Скифии и Ливии, где вооруженные женщины сражались среди мужчин. Но еще до того времени легендарный дом этого племени начал отодвигаться все дальше и дальше на восток, поскольку греческие колонисты не сумели найти амазонок в Лидии, Фригии, Ликии и на южном берегу Эвксинского Понта. И все же, считая, что предание об амазонках родилось среди минойцев и их родни, в настоящее время нельзя испытывать полной уверенности, что эти предисторические народы не были сродни скифам, ливийцам и хеттам.